

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ И ИНФОРМАТИКИ

ЭТНИЧНОСТЬ. ИСЛАМ. ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН

Ответственный редактор
доктор социологических наук
Г.С. Солодова

НОВОСИБИРСК
Издательство Сибирского отделения
Российской академии наук
2016

УДК 39+28+314

ББК 63.52+86.38+60.546.7

Э91

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда

А в т о р с к и й к о л л е к т и в

*Г.С. Солодова, А.И. Кириллова, И.И. Краснопольская,
М.С. Решетинская, Т.В. Щеклачева*

Р е ц е н з е н т ы

доктор философских наук, профессор PhD (Monash, Australia)

О.А. Донских

доктор педагогических наук *М.А. Абрамова*

Утверждено к печати Ученым советом ИФПР СО РАН

Э91 Этничность. Ислам. Интеграция мигрантов-мусульман / Г.С. Солодова, А.И. Кириллова, И.И. Краснопольская, М.С. Решетинская, Т.В. Щеклачева; отв. ред. Г.С. Солодова; ИФПР СО РАН. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. – 234 с.

ISBN 978-5-7692-1466-0

Книга содержит теоретические разделы, посвященные проблемам этничности, ислама и миграции. Миграционные процессы анализируются в контексте этнической и религиозной составляющих. В основе представленных результатов и выводов – данные трех эмпирических исследований, посвященных проблемам взаимодействия принимающего общества и мигрантов из республик Средней Азии.

Книга ориентирована на научных работников, студентов и преподавателей, специалистов, занимающихся проблемами миграции, государственных служащих, работников образования и органов местного самоуправления.

Издается в авторской редакции

ISBN 978-5-7692-1466-0

© Коллектив авторов, 2016

© ИФПР СО РАН, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Раздел I. Теоретические основы исследования иммиграционных процессов	
Глава 1. Международная миграция и социокультурные последствия (Солодова Г.С.)	8
Социальная значимость изучения иммиграционных процессов.....	–
Общегражданская идентичность.....	12
Глава 2. Теоретические подходы к пониманию и социальному конструированию этничности (Краснопольская И.И., Солодова Г.С.)	16
Социальное конструирование этничности.....	–
Природа чужака и группы: свой – чужой по Г. Зиммелю	32
Глава 3. Ислам – некоторые социальные аспекты вероучения (Солодова Г.С.)	46
Значимость религиозного мировоззрения.....	–
Социальность ислама.....	48
История ислама в России.....	68
Раздел II. Принимающее общество и иноэтничные мигранты – стратегии и практики взаимодействия (сравнительный эмпирический анализ)	
Глава 1. Описание эмпирической базы исследований (Солодова Г.С.)	74
Организация и процедура опроса. Выборка исследо- ваний.....	–
Необходимость внешних мигрантов для России.....	88
Глава 2. Приверженность традиционным религии и культуре (Солодова Г.С.)	97
Конфессиональная принадлежность, вера в Бога.....	–
Знание религиозных предписаний своей веры и своих национальных обычаев.....	101
Приток мигрантов и проблема сохранения культурно- го единства России.....	106

Глава 3. Интеграционный потенциал – социокультурная и коммуникативная составляющие (Солодова Г.С.)	109
Отношение к представителям и проявлениям других религий и культур.....	–
Основные принципы формирования социальных сетей – деловые, дружеские, брачные предпочтения	117
Этническая самоидентификация.....	126
Глава 4. Интеграционные процессы и этнополитика принимающего общества (Кириллова А.И.).....	139
Мигранты и принимающее общество: формы интеграционных процессов.....	–
Характер интеграции мигрантов-мусульман.....	146
Этнополитические стратегии принимающего общества: виды и факторы выбора.....	165
Общая характеристика факторов выбора этностратегии	173
Глава 5. Система образования в условиях роста числа иноэтнических учащихся (Щеклачева Т.В., Кириллова А.И., Солодова Г.С.).....	183
Трансформация системы общего среднего образования – социокультурный аспект.....	184
Роль системы образования в преодолении проблемных зон межкультурных взаимодействий.....	190
Глава 6. Роль средств массовой информации в формировании межэтнических отношений (Решетинская М.С., Кириллова А.И., Солодова Г.С.)	204
Средства массовой информации и межэтнические взаимодействия.....	–
Предпочтительные виды средств массовой информации.....	209
Доверие к средствам массовой информации.....	211
Частота появления этнической информации в СМИ	216
Влияние СМИ и факторы редакционной политики (выбор тематики в средствах массовой информации)	220
Заключение (Солодова Г.С., Кириллова А.И., Краснополянская И.И., Решетинская М.С., Щеклачева Т.В.)	228

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа имеет несколько исходных посылов.

1. *Государственно-политическое видение ситуации.* В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» дана установка на «сокращение неформальной занятости и легализацию трудовых отношений... обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий». Как потенциальная угроза для развития страны были выделены «националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного сепаратизма»¹. Неслучайно среди приоритетов современной российской государственной политики – обеспечение «межнационального и межконфессионального согласия». Отметим, что этому было посвящено специальное заседание Госсовета «О мерах по укреплению межнационального согласия», проходившее в феврале 2011 г. в Уфе.

Следующим этапом, подтверждающим важность обращения к этноконфессиональной тематике, стало утверждение в 2013 г. федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)»². В программе отмечается, что на развитие межэтнических отношений негативно влияют такие факторы, как размывание традиционных нравственных ценностей, политизация этнического и религиозного аспекта, недостаточная сформированность общероссийской гражданской идентичности, распространенность негативных этнических стереотипов. В условиях многонационального и поликонфессионального российского общества этнический и религиозный факторы становятся факторами национальной безопасности.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>

² ФЦП: Программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)». URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2017/420/>

2. *Рост полиэтничности и поликонфессиональности.* Одним из следствий активных территориальных миграций стало увеличение полиэтничности и поликонфессиональности многих стран, в том числе и России. Закономерно, что это обуславливает научный интерес к методологическому и эмпирическому изучению социальных последствий распространения данных тенденций. В монографии представлены теоретические подходы к пониманию этничности, способам ее социального конструирования, определению природы чужака. Сделана попытка выявления и анализа социальной компоненты, содержащейся в исламе, – некоторых социальных представлений и социальных последствий их распространения. За основу были взяты преимущественно канонические и дореволюционные источники, что обусловлено стремлением избежать современной политизированности проблемы.

3. *Иммиграционные процессы.* Тема внешней миграции, формирования и оптимизации миграционной политики сегодня относится к более чем актуальным. Основная причина – не сиюминутность данной тематики, напротив, с большой долей вероятности можно говорить об ее потенциальной социальной и научной перспективности. Миграция, с одной стороны, является определенным благом. Она реализует право человека на свободу передвижения и является предпосылкой мобильности на рынке труда. С другой стороны, она может стать одной из причин межкультурных конфликтов. Привнесение иных культурных образцов, ценностей и типов поведения может вести к размыванию традиционно устоявшихся культурных моделей, утрате культурной идентичности, формированию крупных сообществ иной культурной и цивилизационной ориентации.

Одной из задач проведенного нами исследования была оценка степени совпадения взглядов мигрантов-мусульман и принимающего общества. Был проведен опрос местного населения и мигрантов, работающих и проживающих в Новосибирске. Сравнительное сопоставление полученных результатов позволило провести оценку взаимных притязаний и установок, возможностей сближения/дистанцирования, степени интегрированности мигрантов в принимающее общество.

Представленные в работе теоретические и эмпирические результаты и выводы опираются:

- на основные положения законодательных документов РФ и Новосибирской области в сфере миграционной политики;

- доступную через федеральные источники, УФМС по Новосибирской области статистическую информацию об общем числе иностранных работников, получивших разрешение на работу за предыдущие годы, и другое;

- материалы интервьюирования работников структурных территориальных подразделений УФМС России по Новосибирской области;

- результаты двух (2009 и 2013 гг.) опросов мигрантов-мусульман, выходцев из стран с традиционным религиозным доминированием ислама;

- неформальное интервьюирование руководителей и активных членов национально-культурных автономий и организаций Новосибирской области; работников средств массовой информации; руководителей и педагогов средних общеобразовательных учреждений.

Авторы выражают признательность своим коллегам кандидатам философских наук Е.А. Ерохиной и И.В. Удаловой, принимавшим активное участие в концептуальной разработке исследования, его эмпирической и аналитической части. Авторы признательны В.В. Гомзовой, непосредственно участвовавшей во всех этапах проведения исследования, обработки и анализа полученных данных.

Отдельная благодарность кафедре социологии, политологии и психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики» (СибГУТИ) за помощь в проведении эмпирической части исследования.

Раздел I
**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИММИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Глава 1
Международная миграция и социокультурные последствия

**Социальная значимость изучения
иммиграционных процессов**

Современное общество характеризуется высокой степенью территориальной мобильности. Благодаря развитию рыночных отношений, массовых коммуникаций и систем транспортных сообщений расстояние уже не играет такой важной роли и не является столь значимым препятствием, каким было ранее. Границы между различными государствами становятся гораздо более прозрачными и открытыми. Международная миграция прямо или косвенно способствует изменению социальных характеристик территорий, обществ в целом. Существенным ее следствием стала жизнь на одной территории носителей иногда совершенно различных и непохожих друг на друга языков, верований, традиций. Стран, в которых население было бы всецело гомогенно по своему этническому и религиозному составу, а экономика сугубо национальной, практически не осталось. Иначе говоря, мы получаем динамично изменяющееся, качественно новое состояние общественной жизни. Фоновое присутствие иного культурного, этнического и конфессионального контекста стало эмпирическим фактом социальной жизни.

Во многих европейских странах проблемы миграции приобрели государственно-политическое звучание, признаны в качестве одного из политических приоритетов и вопроса государственной безопасности. Тема миграции и миграционная политика стали полем деятельности не только государственных служб – в их публичное обсуждение вовлечен широкий круг политиков и экспертов, гражданского общества, людей, до недавнего времени весьма далеких от миграционной проблематики.

Для России вопросы международной миграции приобрели актуальность в предшествующую четверть века, т. е. после распада Советского Союза и последовавших за этим социально-экономических, политических и военных потрясений. Соответственно, для нашей страны этот вопрос является более новым, и надеемся, менее болезненным, чем для большинства европейских государств. Согласно долгосрочному прогнозу Федеральной службы статистики, при сокращении численности всего населения страны в 2010–2030 гг. на 2,8 млн человек население в трудоспособном возрасте сократится, по «среднему варианту», на 12,1 млн человек. Дефицит трудовых ресурсов не сможет быть сглажен мерами демографической политики, результаты которой, при самых благоприятных условиях, скажутся только после 2025 г., когда на рынок труда выйдет поколение, родившееся в 2007–2008 гг. Сложность ситуации заключается в том, что нехватку рабочих рук нельзя будет компенсировать автоматизацией и повышением производительности труда, так как значительная часть рабочих мест в современной экономике создается в сфере услуг. Исходя из этого, обойтись без мигрантов будет сложно. На ближайшие десятилетия трудовая миграция становится одним из важнейших элементов российской экономики, способным компенсировать сокращение трудовых ресурсов как в отдельных регионах страны, так и в России в целом.

Миграционные перемещения населения – это маркер благополучия и иллюстрация возможностей общества. Кто, откуда, куда, почему и зачем – это один, первый этап исследовательского и общественного интереса. Следующая группа вопросов связана с оценкой последствий перемещений. Результаты миграции, как правило, не бывают однозначными, сугубо позитивными или, напротив, однозначно негативными. Они могут не только отличаться, но и быть диаметрально противоположными для мигрантов и принимающей страны.

Попытаемся рассмотреть некоторые из изменений, которые привносит миграция. Сразу отметим, что речь идет об иноэтничной миграции. Выделение иноэтничной миграции как особого вида международной миграции обусловлено сравнительной этнической и конфессиональной однородностью российского общества. По результатам переписи 2010 г. русские составляют 80,9 % от общего

числа жителей современной России. Помимо этого в стране живут представители 193 народов, говорящие на 298 языках мира. Таким образом, Россия как принимающее общество характеризуется, с одной стороны, широким национальным составом, с другой – численным доминированием русских, что обеспечивает сохранение единого языкового пространства и преобладание русской культуры как общей и связующей разные народы.

На протяжении теперь уже нескольких десятилетий одним из основных источников мигрантов в Россию являются государства Средней Азии, в которых в большей или меньшей степени общественное сознание выстраивается на основе и с учетом религиозного фактора. Исходя из данных Управления Федеральной миграционной службы по Новосибирской области, регион продолжает оставаться иммиграционно привлекательным. Основные миграционные потоки – традиционно из государств Средней Азии. Число официально проживающих выходцев из республик Средней Азии – Узбекистана, Киргизии и Таджикистана – к 2010 г. по сравнению с 2002 г. увеличилось более чем в 4,5 раза – с 6 254 до 29 215 человек. Такая тенденция характерна и для России в целом. Отметим, что это официальные цифры легальной миграции, которые на фоне нелегальной могут приобрести относительную точность. Как следствие, наш интерес в большей степени связан с выходцами из Средней Азии, теми, кто тяготеет или явно придерживается ислама.

1. Миграционные процессы являются важным источником и потенциальным ресурсом формирования местного населения. Применительно к российской ситуации, с происходившим в предшествующие десятилетия устойчивым сокращением численности населения, его старением и дефицитом трудовых ресурсов, это, скорее всего, плюс. Меняются демографические параметры, устраняются возрастные и гендерные перекосы, демографическая картина становится более сбалансированной. Возрастает численность активного, трудоспособного населения, рабочей силы. Это особенно важно на фоне избирательного, иногда пренебрежительного отношения местного, особенно молодого населения к неквалифицированным видам деятельности.

2. Среди следствий данного процесса – рост религиозной и культурной разнородности. Этническая миграция – это не только

демографический, но и культурный фактор, изменяющий социальное пространство принимающих обществ. Доли представителей разных народов, их соотношение и пропорции приобретают динамизм и неустойчивость. Этническая карта территорий не остается неизменной. С учетом традиционно разной рождаемости, принятой у приезжих и местного населения, данный процесс в перспективе может существенно трансформировать социокультурные и этноконфессиональные параметры общества в целом. Нелишне понимать, что при определенных обстоятельствах вопрос количества переходит в вопрос качества. Происходит визуально- и аудиофиксируемое изменение социального пространства – облик населения становится более культурно и этнически разнообразным. В особенности это заметно на женской части жителей. Звучит другая, незнакомая, нерусская речь, архитектурный ландшафт дополняется восточным колоритом. Появление религиозных храмов других вероисповеданий, мечетей и мусульманских кладбищ меняет городскую топонимику. Уже давно перестали быть экзотикой китайская и среднеазиатская кухни. Подобные трансформации заметны даже на уровне элементарных наблюдений людей, не имеющих никакого отношения к изучению социальных изменений. Более того, данный процесс со всей очевидностью интенсифицируется, становится более выраженным и насыщенным. Хорошо это или плохо и можно ли о нем судить в таких категориях, покажет время.

3. Возможным потенциальным следствием взаимодействий приезжих и местного населения является рост антииммигрантских настроений, межэтнической напряженности и конфликтогенности в целом. Тема становится более выпуклой и актуальной в связи с тем, что приезжающие не всегда склонны к изучению русского языка как мощного связующего, консолидирующего фактора, к принятию культуры уже живущих на территории народов. Присутствует и обратный процесс – недоверие, настороженность по отношению к приезжим. Это затрудняет культурное и экономическое взаимодействие и интеграцию, может вести к возникновению взаимного непонимания и неприязни, а временами – отчуждения и конфликтности.

Полагаем, что актуальность изучения последствий взаимодействия принимающего общества и иноэтнических мигрантов можно определить как последовательную связь следующих процессов:

интенсификация миграционных процессов → рост числа иноэтничных иммигрантов → интенсификация межкультурного взаимодействия иммигрантов и принимающего общества → некоторая вероятность формирования негативного образа иммигрантов → рост мигрантофобии со стороны принимающего общества → повышение напряженности во взаимодействиях принимающего общества и иммигрантов.

Мониторинговой задачей для федеральных и местных властей может стать отслеживание связи между социально-экономическим, культурным капиталом и ресурсом въезжающих и соответствующими социально-экономическими и духовно-культурными изменениями в различных сферах принимающего общества. Важно иметь адекватное, не предвзятое представление о том, что привносят приезжие, изменяются ли, и если да, то как, их установки, как трансформируется принимающее общество.

Общегражданская идентичность

Одним из оснований современного национального государства является общенациональное сознание и общегражданская идентификация. Среди важнейших смыслов национального государства – организация жителей страны в единое политическое сообщество, интеграция разных этнических групп в связанное солидарное общество. Чувство общегражданской принадлежности государству – составной и необходимый элемент его благополучия и развития. История показывает, что сложившиеся в прошлые столетия политические системы оказались способными решить данную задачу, доказательством чему служит сам факт их длительного существования.

Российской особенностью является ее этническое и конфессиональное многообразие, дружественное проживание на одной территории и в рамках одного государства разных народов. Этот опыт, несмотря на отдельные эпизоды, распространяется и на дореволюционное прошлое, и на советский период. И тридцать, и шестьдесят, и сто лет назад Российская империя, а потом СССР были полиэтничными и поликонфессиональными. Как бы заново ни интерпретировалась наша история, как бы ни различалась в советское

время жизнь в Центральной России, Москве, Фрунзе (Бишкеке), Петропавловске-Камчатском и Ташкенте, существовало и достаточно эффективно работало единое информационное, идеологическое, языковое и культурное пространство. Несмотря на разную насыщенность, мы все «варились» в одном «питательном бульоне». С разной степенью успешности применительно к разным республикам можно и обоснованно говорить о формировании единой надэтнической общности – советского народа. Идентификация себя как советского человека для большей части граждан страны была доминирующей и детерминирующей. Полагаем, что ментальные и поведенческие практики большинства советских людей имели санкционированный «люфт», однако в основном они не выходили за дозволенные и одобряемые государством рамки. Стоит заметить, что пространство, ограничиваемое этими рамками, было немалым и разнообразным. Исторически последовательные имперские и советские идеи – идеи царя, Бога, Отечества, марксистско-ленинской идеологии и интернационализма – объединяли и консолидировали этносы. В современной миграционной ситуации это может способствовать формированию и поддержанию единой сквозной системы норм и ценностей. Тем более что не ушли, живы еще поколения, выросшие в одной стране – Советском Союзе. Иными словами, исторически сложившееся территориальное соседство, жизнь в одном государстве обусловили приобретение опыта совместного проживания и сквозной идентификации. Наряду с этим, как в российском обществе, так и среди мигрантов из Средней Азии, все больше молодых людей, воспитанных уже на других, в том числе этноконфессиональных принципах. Заметим, что культурные и религиозные ценности, бытовые нормы и практики, образы жизни, привносимые православием и исламом, отличаются, что в свою очередь создает условия для формирования различий в менталитете их последователей.

Новым аспектом в формировании общегражданской идентичности стало распространение информационных технологий, электронных средств коммуникаций, которые реконструируют взаимодействие иммигрантов, позволяя им сохранять свои культурные представления и обычаи в условиях новой страны проживания. В свою очередь, это означает, что, даже длительно находясь за пределами родины, иммигрант имеет возможность поддерживать со-

циокультурные связи и исходную идентичность. Можно констатировать: физическое присутствие и участие в общественных отношениях страны-реципиента не обязательно предполагает и тем более не гарантирует ценностного, культурного включения приезжих. Следствием этого является то, что доминирующие в обществе нормы с ростом числа иноэтничных иммигрантов постепенно ограничивают пространство своего функционирования, оставаясь действующими лишь в явно и сугубо публичной сфере. В этих условиях общества могут приобретать культурную многослойность и иерархию, затрудняющие межкультурное понимание. Подобная тенденция уже получила распространение в некоторых западноевропейских странах, что в свою очередь обусловило определенную нормативную несвязность и противоречивость, культурную и территориальную локализацию и частичную маргинализацию отдельных этнических групп.

Обстоятельством, ослабляющим формирование общегражданской идентичности, является возможность длительного проживания в стране без принятия ее гражданства. Помимо очевидных последствий подобной ситуации – ограничений в политических правах, возможностях голосования и избрания – происходит уменьшение набора обязанностей человека перед страной проживания: частичный выход из-под юрисдикции страны-донора, принятых в ней налоговых, военных и других обязательств. Подобная позиция может быть проявлением сознательного выбора индивида, его установки на сохранение устойчивой связи со страной прежнего проживания.

Европейский опыт показывает – политика мультикультурализма не обеспечивает интеграции на общегосударственной основе. В значительной мере интеграция происходит на базе этноконфессионального признака. Возникают параллельные группы, клановые сообщества и системы, определяющим критерием вхождения в которые становятся этническая и конфессиональная принадлежности. В свою очередь это ведет к локальной замкнутости взаимодействий. Рост числа и доли иммигрантов делает подобную ситуацию проблематичной. Не будет преувеличением сказать, что актуализация этнического и конфессионального ресурса в условиях активной территориальной мобильности может оказаться далеко не консолидирующим фактором. Несуществующая и не обсуждаемая ранее проблема стала

одной из ключевых в современном социальном дискурсе. Кардинальные изменения социального контекста на макроуровне привели к тому, что прежние способы сохранения внутригосударственного единства остались по преимуществу в прошлом, возможности их применения оказались ограниченными и недостаточными. Государства стали нуждаться в выработке новых, дополнительных средств и механизмов поддержания социальных связей.

Формирование общегражданской идентичности как способа интеграции представителей разных культур на базе политического и социокультурного единства, в политической терминологии – нации, предотвращает ситуацию разобщенного соседского проживания. Оно не подразумевает аннулирование или нивелирование национальных особенностей, языков и культур. Однако с необходимостью они должны дополняться сквозной, связующей общество культурой, объединяющей все национальные культуры. Логично, если в основе общеразделяемой культуры будет лежать культура принимающего общества, имеющая длительную территориальную привязку, глубокие исторические корни. Этническое сообщество – часть общества. Соответственно, этническая идентичность дополняется общегражданской как условия общегосударственной солидарности и поддержания согласия по ключевым ценностям.

Глава 2

Теоретические подходы к пониманию и социальному конструированию этничности

Социальное конструирование этничности¹

В качестве эпиграфа к главе можно взять высказывание Р. Брубейкера: «Общественная жизнь повсюду, хотя и неравномерно, структурирована по этническим линиям, и этничность “встречается” в различных повседневных обстоятельствах»². На наш взгляд, это верное, но очень сильное утверждение, которое требует расширенной аргументации.

Понимание этничности

Основной тезис выстроен на понимании этничности как социально-сконструированного маркера, который используется как организующий и стимулирующий социальные практики элемент. Этничность формируется в процессе взаимодействия индивидов и групп. Социальный конструкт этничности выступает как основной фактор, объясняющий социальные процессы и поведение отдельных групп и индивидов. Этническая принадлежность воспринимается как объективно определяющая поведение и мышление членов этнических групп, накладывается на группы как «мерка» и основание для определения прав доступа к ограниченным ресурсам³. «Нет рас и, тем более, расовых отношений. Есть только вера в существование этих феноменов»⁴. Социально обусловленная эт-

¹ Основой параграфа послужила публикация: *Краснопольская И.И., Солодова Г.С.* Социальное конструирование этничности // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 26–34.

² *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 15.

³ *Rex J.* Race and Ethnicity. Milton Keynes: The Open Univ. Press, 1986. P. 27. Здесь и далее перевод иноязычных источников И.И. Краснопольской.

⁴ *Wodak R., Reisigl M.* Discourse and racism: European perspectives // *Annual Review of Anthropology*. 1999. Vol. 28. P. 179.

ническая принадлежность превращается в атрибутивную (базисную) – неотъемлемую и сущностную характеристику.

В рамках субъективно-конструктивистского подхода Ф. Барта этничность следует рассматривать как форму социальной организации, создаваемую категоризацией и самокатегоризацией, – «этнические группы суть категории аскрипции, а также идентификации себя самих как действующих, следовательно, группы являются характеристиками взаимодействия людей». Важны самоидентификация и понимание существования общности с другими индивидами, которые обладают той же самой самоидентификацией и которые «играют в одну и ту же игру». Не объективные культурные различия определяют разграничение этнических групп, но, напротив, этнические границы являются источником культурных различий между группами: «именно этническая граница есть то, что определяет группу, но не культурное содержание, в ней заключенное (cultural stuff)»⁵.

Значимы самоидентификация индивида, наличие общей, единой идентификации, которая производит и поддерживает границы этнической группы. Для минимизации индивидуального психологического фактора этничность одновременно понимается как институционализированный конструкт, занимающий определенное место в системе социальных отношений и определенный этническими границами. Этнические категории зависимы от контекста, «в различных социокультурных системах им могут быть приданы различные количественные характеристики и различные содержательные наполнения. Они могут обладать большей значимостью для поведения, а могут и не обладать таковой; они могут пронизывать всю общественную жизнь, а могут оставаться релевантными только в ограниченных секторах деятельности»⁶. Этничность является частью социальных границ, позволяющей маркировать значимые различия, задавать формы социальной организации групповых характеристик и совершаемых на их основании взаимодействий.

⁵ Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*. Bergen; Oslo; London, 1969. P. 10–15.

⁶ Ibid. P. 14.

Конструирование этничности

Конструирование этничности происходит как на институциональном уровне, так и на уровне повседневных практик. На первом этапе приписывания этничности индивиды распознаются как обладатели тех или иных общих антропологических характеристик – цвета кожи, черт лица, языка. Не отрицается, что индивиды отличаются по культурным, ментальным характеристикам. Однако они не столь очевидны, как внешние показатели, последние легки в определении и используются для первичного отбора.

Вторым шагом является приписывание «выбранным» индивидам маркера этничности, определение их на этом основании в конкретную этническую группу. В дальнейшем индивиды воспринимаются скорее не как отдельные акторы, но именно как представители данной группы. Иначе говоря, индивид становится носителем определенной групповой идентичности, при этом его субъективно переживаемая этничность может не совпадать с социально-приписываемой.

На основании сформированной групповой идентичности представители номинирующей группы организуют свои взаимодействия, тем самым используя этничность как естественное объяснение и основу проводимых действий. Этничность становится одной из категорий мышления, а этническая группа воспринимается исключительно как обладающая определенной этничностью и соответствующими ментальными, ценностными характеристиками. Именно в этом наглядным становится социальный характер этничности – произведенные и приписанные категории детерминируют дальнейшее социальное взаимодействие.

Этничность не всегда конструируется на естественных фенотипических характеристиках индивидов. Так как конструирование происходит в определенном контексте, некоторые различия могут использоваться как сигналы и эмблемы (маркеры) этнических различий. Эти отличия могут быть двух видов: во-первых, очевидные сигналы или знаки – одежда, язык, жилище или схожий стиль жизни; и, во-вторых, базисные ценностные ориентации⁷. При этом

⁷ Barth F. Introduction. P. 14.

в одних случаях значимы лингвистическая принадлежность и культурные символы, в других – этнические границы конструируют политические представления, в третьих – разграничителем служит религиозная принадлежность. Важно понимание того, что приписывание этничности и производство границ в любом случае будет относительно субъективным – вне контекста и сознания группы пограничные различия не будут играть существенной роли в разделении. Как полагает Воллман, этничность является «ощущаемой границей», включающей сами различия и социальный смысл этих различий. Она имеет место только в случае взаимодействия групп; производимые этнические границы являются реакцией одной группы на другую⁸. Фактически, конструкт этничности отражает восприятие различий и определение значимых различий.

Р. Дженкинсоном было предложено разделение идентичности на номинальную и действительную. Номинальная идентичность – результат социальной категоризации, внешней идентификации группы. Реальная идентичность имеет практические последствия для индивида и группы⁹. В данном случае прямо говорится о деятельностном свойстве этничности, ее способности организовывать социальные практики и различия – выступать социальным конструктом.

Таким образом, этничность выступает как социальный конструкт, результат социального номинирования и классификации. Наиболее значимым является то, что говорить об этничности как о социально сконструированном феномене можно только тогда, когда происходит ее использование как критерия в организации социальных взаимодействий. Соответственно, представляется интересным выделить социальные сферы и поля, в которых этничность используется именно в данной трактовке.

Очевидно, что каждая ситуация определяется конкретным контекстом, но существуют общие механизмы, провоцирующие/стимулирующие активизацию социального аспекта этничности. Так, социальные практики становятся исключительно этническими в слу-

⁸ Wallman S. The boundaries of «race»: processes of ethnicity in England // *Man*. 1978. Vol. 13, N 2. P. 201–205.

⁹ Bonilla-Silva E. The essential social fact of race // *American Sociological Review*. 1999. Vol. 64, N 6. P. 909.

чае, когда они производят или приводят в действие существующие в обществе неравенства. В определенных ситуациях этническая принадлежность может стать критерием доступа к благам – доступ к ним будет находиться в прямой зависимости от воспринимаемой или приписанной группе этничности. Именно в этот момент, при подобном изменении практик, этничность становится действенным социальным конструктом.

Изменение характера социальных взаимодействий происходит только после того, как группа была определена и воспринята как обладающая этническим признаком. Соответственно, исходным пунктом является социально конструируемая этничность группы. В этом случае элементами операционализации этничности, ее индикаторами служит ряд практик, непосредственно следующих за номинированием/приписыванием этничности. Практики являются возможными социальными полями, в которых находит выражение социальная природа этничности. Выделено три вида поля, в которых этничность используется как социальный маркер различий: деятельность группы по производству границ между этническими группами, дискурсионные поля, поля повседневных практик.

Построение этнических границ

Этнические границы являются социальными категориями. Будучи индикаторами этнических различий, они обладают символической природой. Непосредственное символическое наполнение границ в определенной мере может быть произвольным. Этнические границы напрямую не зависят от естественных, фенотипических отличий индивидов. Границы становятся действенными в случае их восприятия как значимых и уверенности группы в их всеобщем принятии. Основное свойство границ – очерчивать и огораживать среду вовне. Происходит процесс типизации – выделения некоего набора общих черт. Представители «типизированной» этнической группы рассматриваются как исполнители ограниченного набора функций. Не принадлежащие к группе индивиды воспринимаются как чужие. Общий механизм конструирования этнических границ построен на процессе взаимодействий и включает этапы идентификации чужих, их типизации и последующей организации взаимодействий на основании выделенных границ.

Этнические границы являются одним из параметров, по которым идентифицируются этнические группы. Границы включают и огораживают элементы, которые в определенном контексте и с определенными целями понимаются как более схожие, нежели различные¹⁰. В этнические группы включаются индивиды, внешне воспринимаемые как носители одной этничности, но не обязательно обладающие одинаковой собственной этнической идентичностью.

Необходимым и достаточным условием разделения этнических групп является наличие символической границы. Прямой зависимости между существованием этнических групп и наличием физической преграды между ними нет. Делая акцент на независимости физических и символических границ и на доминировании последних, Барт отмечал два свойства этнических границ. Во-первых, они существуют независимо от наличия или отсутствия реальной территориальной мобильности, взаимодействий индивидов из разграниченных групп. Тем не менее они порождают процессы эксклюзии, в соответствии с которыми разделенные категории выстраиваются независимо от непосредственного членства или индивидуальных жизненных историй¹¹. Этнические границы служат разграничению тех, кто по каким-то воспринимаемым различиям понимается как не вписывающийся в доминирующие модели общественного устройства.

Этнические границы, как и феномен этничности, обладая символической природой, имеют относительный характер. С позиции Козна, индивиды, обладающие относительно схожим опытом и разделяющие общие представления, обладают схожим восприятием. Однако принципиальным является не столько действительно одинаковое восприятие символов, сколько укорененность общего понимания – индивиды должны быть уверены, что их восприятие аналогично восприятию других членов группы. Иначе говоря, символические границы действительны только тогда, когда у членов группы при-

¹⁰ Cohen A.P. *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge, 1990. P. 14.

¹¹ Barth F. Introduction. P. 10.

существует уверенность в их существовании и значимости, когда они воспринимаются как значимые в данном социальном контексте¹².

Символические границы не всегда актуализированы. Основная задача границ как отдельного явления – противопоставление внешней системе, очерчивание сообщества по отношению к другим, маркирование логического отрицания. Получается, что первоначальные этнические границы не несут дискриминационной смысловой нагрузки, только отрицание¹³.

Границы способствуют построению индивидами собственной групповой идентичности. Но в контексте данной работы более существенным следствием является не столько внутригрупповая идентификация, сколько очерчивание границ по отношению к внешней среде, определение внешних групп. Именно на этом этапе конструируются и наделяются оценочными представлениями этнические группы чужих. По словам Воллман, этнические границы становятся значимыми, когда различия должны быть выделены¹⁴. Выделение границ, когда другие определяются как этнически чужие, не является случайным. Используются некие конкретные различия, обусловленные культурным, политическим, историческим и другими контекстами.

Таким образом, этнические границы функционируют для определения и идентификации этнической группы посредством разделяемого индивидами представления о не принадлежащих к их группе индивидах. Поскольку идентичность представляет отношение, а не свойство, принадлежность к этнической группе понимается как результат социальной организации, самоотнесения и определения других. Границы выстраиваются на основании общего разделяемого символа и функционируют как организующие социальные практики между разграниченными этническими группами.

Функционирование этнических границ является одним из аспектов выражения социально-деятельностного потенциала конструктора этничности. Способность границ определять и разграничивать группы по социально выделенному и актуализированному

¹² *Cohen A.P.* The Symbolic Construction of Community. P. 15–40.

¹³ *Ibid.* P. 58.

¹⁴ *Wallman S.* The boundaries of «race». P. 209.

признаку воспринимаемой этнической принадлежности аналогична характеристикам социального конструкта этничности.

Анализ общего механизма конструирования и функционирования этнических границ является одним из аспектов операционализации концепта этничности.

Дискурсивное конструирование этничности

В моделях властного дискурса Бурдые, Ван Дейка есть представление о том, что элиты полностью ответственны за производство и поддержание действующих социальных конструктов. В данном случае отдадим предпочтение взаимодействию иерархичных моделей с моделями индивидуального уровня. Речь идет о взаимодействии и взаимовлиянии властного и повседневного дискурсов. Властный дискурс имеет больший вес в языковом поле в сфере производства социальных конструктов. Повседневный дискурс в большей степени является его отражением. Однако в плане практических действий большую значимость приобретает активность именно на уровне индивидуальной повседневности, поскольку там социальные конструкты начинают применяться как руководящие или объяснительные факторы, иначе говоря, начинают действовать именно как социальные конструкты.

Этнические конструкты производятся в дискурсивном поле посредством властного дискурса. Элитные группы и эксперты, как обладающие властью номинаций, проводят социальную классификацию. Производимые конструкты этничности функционируют как организационные и регулятивные элементы на законодательном и публичном уровнях. В частной сфере, в поле повседневных практик дискурсивные конструкты перерабатываются индивидами в соответствии с локальным контекстом. Однако видоизмененные этнические конструкты продолжают функционировать в качестве маркера социальных различий, организующих и объясняющих категорий.

Исходя из идей социального конструирования, «этнические» различия рассматриваются как результат процесса приписывания «этнического» смысла неким наблюдаемым характеристикам субъектов и рассматриваются не как объективно присущие черты, но как результат сознательных усилий, направленных на их производство и «естественность» восприятия. Дискурс как феномен, «сбли-

жающий язык и реальность», является одним из «акторов» конструирования этничности. В дискурсивном поле этничность приобретает социально деятельностную составляющую.

Понятие дискурса является одним из наиболее неопределенных. Ограничимся его контекстным пониманием как социального поведения и одновременно – институционализированного языкового поведения, которое определяет действия и несет в себе власть. Иначе говоря, дискурс позволяет понять, что то, что и как говорится о социальных феноменах, во многом определяет их и является организующим воздействием.

Дискурс дает возможность понимания производства и функционирования этничности, поскольку, с одной стороны, он является структурной формой социальных действий, с другой – представляется как неявное побуждение к деятельности.

От работ Фуко берет начало традиция логически связывать дискурс с властью, властью номинаций. Группа, обладающая властью, имеет возможность конструировать социальные репрезентанты, производить и использовать коллективные символы. Идея властного дискурса состоит в обладании правом номинации. Легитимное право называть дает возможность проводить и внедрять в социальную жизнь классификации социальных объектов. В свою очередь, это является непосредственной основой для выработки и принятия управленческих решений.

С другой стороны, существуют более значимые и масштабные последствия номинации. Названные явления постепенно «воплощаются в жизнь», становясь элементами социальной реальности¹⁵. Критерии этнического различия и выделяемые на их основании этнические группы могут не иметь пересечений с самоидентификацией индивидов, «классифицированных» как принадлежащих данной группе. Однако если этнический критерий является в данном контексте разделяемым членами общества социальным репрезентантом, то и этнические группы становятся для них реальными социальными феноменами. Этнические группы реальны благодаря производству веры людей в их реальность¹⁶. Так, повседневные суждения и осно-

¹⁵ Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 67.

¹⁶ Там же. С. 92.

ванные на них практики конструируют объективную реальность, в которой происходит вся социальная активность.

Рабочей гипотезой Ван Дейка в его исследовании производства и функционирования расистских дискурсов было следующее: элиты производят и воспроизводят расизм, который в последующем превращается и устанавливается в других социальных полях. Его понимание элит основано на идее, что современная сила элит определяется доступом и контролем над публичным и общественным дискурсами и над их последствиями. Это в большей степени относится к символическим элитам, которые контролируют средства коммуникации и вовлечены в производство общественного мнения. Большая часть населения имеет ограниченные источники опыта и информации. Но все оно является участником множества типов дискурсов и коммуникативных событий, контролируемых элитами, таких как масс-медийный, образовательный, церковный дискурсы. К мнению элитных групп индивиды в любом случае прислушиваются, пользуются предлагаемыми моделями интерпретации ситуаций. Элиты формируют критерии оценки, определения ситуаций и повестку дня¹⁷. В случае с этническими конструктами они при помощи дискурса соответствующим образом когнитивно нагружаются, и у индивидуальных акторов содержание этнических категорий не вызывает сомнения. Таким образом, производство этнических категорий представляется как взаимодействие дискурсов знания и практик в приватной сфере и социальных структурах.

В дискурсивных полях импульс производства социальных и этнических конструктов принадлежит в большей степени элитным группам. В каждом из «подвластных» им полей элитные группы, как и группы экспертов, производят более или менее сознательно этнические конструкты. Однако последние не являются чистыми «идеологическими» продуктами. Они функционируют как социальные конструкты исключительно тогда, когда начинают использоваться в качестве объясняющих категорий; когда на основании этнических критериев начинают выстраиваться и организовываться политические, законодательные и повседневные практики.

¹⁷ Van Dijk T.A. *Elite Discourse and Racism*. Newbury Park, CA: Sage Publ., 1993. P. 45.

Так, дискурсивное производство конструкторов в большей степени находится в институциональном поле. Однако одновременно данные конструкторы являются системами знаний и ценностей, используемых для непосредственной практической деятельности. Как следствие, логично обратиться к механизму повседневных практик, в которых реализуются выстроенные конструкторы и конструктор этничности проявляет свою действенную социальную природу.

Повседневные практики

Повседневные практики являются практическим проявлением и следствием процессов социального конструирования этничности. Говоря о практиках, мы будем оперировать понятием расизма как структуры, с помощью которой регулируется доступ к ресурсам на основании этничности, выделенной по некоему «аскриптивному» признаку и воспринимаемой как естественное превосходство одних групп над другими. Для нас значимо то, что на основании приписываемого и воспринимаемого этнического критерия происходит изменение социальных практик по отношению к выделенному субъекту. Расизм как композиция научных и идеологических доктрин, верований и стереотипных мнений конструирует причинную связь между «аскриптивными» и социальными, ментальными и символическими чертами. Последнее является проявлением социально деятельного потенциала конструктора этничности.

Теоретическое разделение расизма на институциональный и индивидуальный указывает на содержательное отличие регулирующих правил, процессов и процедур от правил, непосредственно используемых индивидами в собственной повседневной деятельности. Институциональный расизм часто имеет под собой прагматическую ориентацию и преувеличивает значение идеологии и структур расизма в обществе; используется для того, чтобы свести проблему к институциональной дискриминации¹⁸.

Индивидуальный расизм (по Brandt) существует как выражение институционального расизма в повседневных взаимодействиях. В результате взаимообуславливающего характера функционирова-

¹⁸ Essed P. Understanding Everyday Racism: An Interdisciplinary Theory. London: Sage Publications, 1991. P. 37.

ния институциональных и групповых/индивидуальных практик, институционального и индивидуального расизма, можно сделать логический выход на феномен повседневного расизма¹⁹. В нем осуществлен синтез структурных и индивидуальных практик, который является инструментом трансляции и выражения социальной составляющей этничности.

Структуры повседневного расизма не являются внешними по отношению к акторам, они конструируются совместно и воспроизводятся посредством индивидуальных действий. Фактически социальные поля и системы, в которых активизировано действие повседневного расизма, являются операциональными индикаторами проявления этничности. В дальнейшем необходимы лишь «точные» эмпирические исследования каждого из обозначаемых полей.

Наиболее значимые характеристики повседневности – рутинные, полученные в процессе социализации значения и смыслы практик, воспринимаются индивидом как консистентные (непротиворечивые, совместимые) и неоспоримые в данной системе культурных норм и ожиданий²⁰. Дискриминационные практики постепенно переходят в область повседневных, становясь нерелексированными и рутинными. Они направляют как непосредственные действия, так и процессы восприятия и социального познания. Эссед (Essed) понимает повседневный расизм как укорененный в культуре и социальном порядке процесс, не сводимый, однако, к структуре и идеологии. Максимальный вклад в функционирование и воспроизводство повседневного расизма и, следовательно, конструкторов этничности, как объясняющих, направляющих и организуемых межгрупповых взаимодействий, вносят рутинные, систематически повторяющиеся повседневные практики.

Одним из сущностных элементов повседневного расизма, как было обозначено, являются повседневные дискриминационные практики по отношению к индивидам или группам, выделяемым на основании восприятия их этнического отличия. Другим необходимым элементом являются процессы социального познания на индивидуальном и групповом уровнях. Целесообразно понимание ког-

¹⁹ Основано на: *Essed P. Understanding Everyday Racism.*

²⁰ *Ibid.* P. 48.

нитивных механизмов, через которые этнические различия и, вероятно, конфликтные взаимодействия на их основе интегрируются в повседневные взаимодействия. Логично обратиться к стереотипам как к механизмам, структурирующим восприятие и, следовательно, дальнейшую деятельность акторов.

Изучение стереотипов является одним из подходов дискурсивного исследования вопросов социальной природы этничности. Стереотипы детерминируют восприятие объектов чужой культуры или группы, предлагая упрощенные и оценочно однозначные образы. Как элементы общего знания / здравого смысла стереотипные представления разделяются членами группы. В таком качестве они функционируют как проводники знания и через них выражаются свойства социального конструкта этничности. Стереотипы являются одним из индикаторов этничности как социального конструкта.

Как и социальное конструирование этничности, строительство стереотипных представлений может основываться практически на произвольно выбранной черте оцениваемого объекта. Ван Дейк отмечал три основные категории, на основании которых происходит конструирование этнических стереотипов/предрассудков: национальное происхождение или внешний вид; социоэкономический статус и социокультурные нормы; ценности, религия и язык²¹. Стереотипы можно интерпретировать как более простой по природе составной элемент социального конструкта этничности.

Стереотипные представления обладают еще одним свойством, аналогичным черте социального конструкта этничности. Они являются типичными элементами общего знания. Стереотипы облегчают восприятие незнакомых или малознакомых явлений иной культуры, выступают первичными ориентирами и направлениями действий при первых взаимодействиях с чужими. Они позволяют быстро категоризовать социальное окружение, вписывая его в уже существующее индивидуальное понимание мира²².

Подчеркнем те свойства стереотипов, которые позволяют отнести их к одной из составляющих механизма производства и функ-

²¹ Wodak R., Reisigl M. Discourse and racism. P. 185.

²² Липпман У. Общественное мнение. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. С. 104.

ционирования этничности. Во-первых, стереотипы представляют упрощенный образ другого, чуждого группе и находящегося в ее внешней среде. Они непосредственным образом связаны с повседневными практиками людей. Стереотипы естественным образом ограничивают вариативность возможных восприятий чужого и одновременно создают перечень потенциально применяемых к нему практик. В контексте межкультурных коммуникаций стереотипное восприятие незнакомой культуры может вести к культурному изоляционизму, образованию диаспор. Заложенные в общем для представителей группы знания стереотипы представляют не столько характеристику индивидуальных воззрений или эмоций, но скорее разделяемую членами группы форму репрезентации. Они, с позиции Ван Дейка, приобретаются в процессе социализации и актуализируются в социальных коммуникациях. Аналогичны идеи Г. Хофстеда о культурных «ментальных программах» и «моделях мышления», приобретаемых в процессе социализации. «Усвоенная» культура отражается в тех значениях, которые люди придают своим действиям и ожиданиям, своему взгляду на мир, ценностям²³.

В отличие от многих исследований стереотипов, в которых акцент ставился на их содержании, Ван Дейк сфокусировался на «рационализации и обосновании дискриминационных действий против групп меньшинств» как социальной функции стереотипов/предрасудков²⁴. Именно в этом плане стереотипы являются конструктом аналогичным этничности, они представляют ее составной элемент. Эти общие эмоционально нагруженные категории «организуют все действия против или вокруг членов меньшинств, а именно: установление власти и контроля, отличное обращение с членами не-группы, распространение предрасудков против них (в основном посредством повседневных бесед), выстраивание обвинений как виновников в проблемах группы»²⁵.

Во-вторых, стереотипы довольно четко позволяют провести границы между собственной группой и группой чужих.

²³ Hofstede G. Cultural dimensions in management and planning // Readings on Communication with Strangers / ed. by W.B. Gudykunst, Y.Y. Kim. 1991. P. 89.

²⁴ Van Dijk T.A. Prejudice in Discourse. Amsterdam: Benjamins, 1984. P. 13.

²⁵ Ibid. P. 40.

Таким образом, стереотипы являются составной частью социального конструкта этничности. Этничность находит выражение и применение в непосредственной деятельности индивидов или групп, в том числе посредством стереотипов. С позиции исследователя это является одним из полей, в котором возможно «операционализировать» этничность.

В целом отметим, что во всех трех проанализированных выше полях: дискурсивном, поле социальных границ и поле повседневных практик – этничность нельзя рассматривать автономно. Практики конструирования и производства этничности взаимно связаны с практиками ее использования.

Заключение

Представлены возможные аспекты полей производства и последующего использования этничности как объяснительного и организующего социального конструкта. Этничность в понимании социально конструируемого феномена представляется не как объективно и естественно присущее индивиду или группе свойство, но как внешне приписываемый конструкт. Конструирование этничности происходит на основании «аскриптивных» черт, при этом проводятся казуальные связи между «этнической принадлежностью» и социальными, культурными, психологическими особенностями поведения и мышления этнически определяемых индивидов. Существование различных этнических групп начинает представляться естественным и объективным фактом.

С точки зрения теоретического и практического использования понятия этничности не разработано четких критериев его действительности – при каких условиях и в каком контексте можно говорить, что функционирует именно социальный конструкт этничности, а не простая фиксация факта различий. Иначе говоря, стоит проблема операционализации этничности.

В параграфе был предложен критерий определения функционирования этничности как социального конструкта. Его основная идея – категория этничности начинает использоваться как организующий, направляющий и объясняющий социальные взаимодействия фактор. Этничность выступает маркером, вокруг которого организуются остальные социальные различия. Так, взаимодействия

групп, воспринимаемых как этнически различные, строятся и объясняются исключительно этническим фактором.

Было предложено три механизма, объясняющих функционирование этничности в качестве социального конструкта. Механизмы существуют в соответствующих полях: дискурсивном, поле повседневных практик, поле конструирования социальных границ. В дискурсивном поле этничность производится усилиями элитных групп и групп экспертов. Они обладают символической властью номинаций, производят социальные классификации и конструкты. Этнические конструкты интегрируются в массовое сознание, становятся социальными репрезентантами и элементами общего знания. На их основании выстраивается социальная реальность, которой руководствуются акторы в повседневных взаимодействиях. Так, конструкт этничности обретает действенную силу на стыке дискурсивного поля и поля повседневных практик.

В повседневных практиках процесс функционирования социального конструкта этничности выражается в нескольких моделях. Во-первых, это распространение повседневного расизма – процесса, когда научные и идеологические доктрины конструируют естественно и объективно воспринимаемую причинную связь между «аскриптивными» и социальными, ментальными и культурными чертами индивидов. Происходит интеграция дискриминационных практик в повседневные практики и их дальнейшая рутинализация.

Проанализированные социальные поля и действующие в них механизмы представляют поля действия этничности как социального конструкта. Теоретическое знание механизмов конструирования и функционирования этничности позволит определить наличие или отсутствие самого процесса конструирования.

Природа чужака и группы: свой – чужой по Г. Зиммелю²⁶

Понимание группой природы чужака

Концепция личности Г. Зиммеля выстроена на основе эголистического подхода, как объясняющего формирование социальной идентификации и интерсубъективности. В таком понимании отправной точкой в формировании собственной идентичности является индивид, его эго, которые детерминирует восприятие и определение окружающего мира. Другие воспринимаются лишь как части внешней среды. Вместе с тем самоидентификация индивида возможна исключительно через социальное взаимодействие. Другой понимается и конструируется как «другой Я», как альтер эго, при этом он находится в зависимой позиции от эго. Конструирование Другого происходит посредством его соотнесения с определяющим Я. Другой является для Я внешним окружением, внешней средой, не принимаемой Я.

Процесс определения Другого происходит в несколько этапов. На первом – Другой воспринимается как физически существующее тело. Далее осознается его психическая природа. Конструируется объективный мир, состоящий из множества индивидуальных примордиальных, иначе говоря, физических миров. Только на следующем, третьем этапе Другой осознается эго как другой человек, такой же, как и он сам, – обладающий телом, психической природой, физической средой. На завершающем этапе происходит прямая эмпатия, Другой воспринимается индивидом через собственное осознание. Однако другой не воспринимается Я как экзистенциально значимый субъект, но как некая объективная множественная реальность.

Личность включает своеобразный центр и периферию. В свою очередь последняя состоит из сиюминутных импульсов и возбуждений, как реакций на взаимодействия индивида с непосредственным внешним окружением. Глубинный уровень центральной части личности является практически недвижимым, основательным

²⁶ Основой параграфа послужила публикация: *Краснопольская И.И., Солодова Г.С.* Восприятие чужака группой в социологии Г. Зиммеля // Социологический журнал. 2012. № 4.

и фундаментальным. Он хранит «действительный смысл или субстанцию нашей жизни»²⁷.

При переносе многослойности понятия личности на уровень социальных взаимодействий группы возникают две отдельные структуры внутренних и внешних интеракций. Первая является сформировавшейся структурой, аналогом центра личности. Ее развитие возможно исключительно в медленном и последовательном, поступательном движении²⁸. Внутренние социальные взаимодействия происходят между членами одной группы, связанными между собой единством принадлежности к четко определенной группе. Отношения группы вне своих границ с не принадлежащими ей индивидами или группами понимаются как внешние. Для членов группы они лишены ясности и последовательности, их развитие скорее носит фрагментарный, прерывистый характер²⁹.

В любых социальных взаимодействиях внутренняя структура остается неизменной, сохраняется в своей традиционной форме. Адаптация к внешним нестабильным условиям происходит посредством изменения внешней структуры. Можно предположить, что в случае взаимодействия группы с чужаком имманентная структура взаимодействия будет препятствовать включению чужака в центральный уровень внутренних коммуникаций. Несмотря на внешнее развитие взаимодействий и тесное формальное общение, основа внутренних отношений не меняется, чужак продолжает оставаться чужаком.

В процессе взаимодействий основным является производство/появление обобществления, социального. В этот процесс помимо группы вовлечены индивидуальные личности, к которым Зиммель применял понятие социального типа. В процессе социальных взаимодействий индивиды становятся носителями социального типа, как некой матрицы взаимодействий, которая в определенной степени детерминирует их активность и идентификацию со сторо-

²⁷ Зиммель Г. Экскурс о чужаке / пер. А.Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы: Альманах журн. «Социологическое обозрение». М., 2008. С. 2.

²⁸ Simmel G. The Philosophy of Money. London; New York: Routledge, 1990. P. 190.

²⁹ Ibid. P. 170, 190.

ны партнеров. Исходя из этого, к примеру, чужой является одним из социальных типов.

Интересным представляется вопрос об идентификации чужих не столько как отдельных индивидов, но как групп чужих. В работах Зиммеля не встречается явного описания того, как происходит идентификация групп. Если следовать подходу эголизма, то определение Другого возможно исключительно в единственном числе. Однако нельзя отрицать, что индивид, член группы, сталкивается не только с отдельными чужими, но и с группами чужих. Возникает вопрос о том, каким образом происходит типизирование группы как некой общности, каков механизм определения принадлежности партнера по взаимодействию как принадлежащего именно к определенной группе.

Границы группы

Американские исследователи творчества Зиммеля указывают на ошибочное выведение его последователями понятия социальной дистанции³⁰. В своих размышлениях о чужом Зиммель специально не фокусировался на анализе социальной дистанции, не был ее первооткрывателем. В контексте проблематизации восприятия чужака группой для нас значимы только некоторые характеристики социальной дистанции и границы. Принципиальным является свойство границ отделять разные виды социальной организации и паттернов взаимодействий. Место группы приобретает характер «эксклюзивности», границы акцентируют стремление группы на единоличное занятие «их» территории³¹. Пересекая границы, чужак оказывается в контексте социальной организации, отличной от его исходной группы. Другим следствием является то, что любому социальному порядку границы придают большую определенность и конкретность, делают его более применяемым и интенсивнее переживаемым его членами.

Говоря о пространстве, Зиммель подразумевал не просто абстрактную возможность индивидов быть вместе. Акцент ставился на

³⁰ Levine D., Carter E., Gorman M. Simmel's influence on American sociology // The American Journal of Sociology. 1976. Vol. 81, N 4. P. 835.

³¹ Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2.

взаимодействии между индивидами, переживаемом как ощущение места. Иначе говоря, нахождение индивидов вместе означает, что они разделяют некое конкретное место³². Последнее подразумевает взаимодействия, которые являются постоянным потоком событий. Вместе с акторами индивид является частью самой жизни; продвижение жизни вперед включает пределы и их пересечение. Так, сама логика социальных взаимодействий и их развития подразумевает существование границ, конструирующих часть рекуррентной структуры³³.

Понятие дистанции подразумевает расстояние не в территориальном понимании, но скорее как отражение двойственной природы чужака и его близости/отдаленности от группы. Так, Зиммель относит социальную дистанцию к пониманию взаимодействия как близости. Дистанция чужого с группой мала в том, что он взаимодействует с большим числом членов группы. Одновременно дистанция велика, в силу того что взаимодействие строится со стороны чужака непосредственно и опираясь на конкретную ситуацию, в то время как члены группы взаимодействуют на основании взаимных ожиданий, закрепленных связями родства, общности или общего занятия.

Возможно три понимания дистанции, что отражает ее многогранность и социальную природу. Первое – это экологическая, территориальная дистанция; второе – степень эмоциональной вовлеченности или отдаленности; третье – степень, в которой индивиды разделяют схожие чувства и настроения³⁴. Полагаем, что понятие границы можно использовать вместе с понятием социальной дистанции. Это обусловлено следующим: чужой, что является логичным, находится в определенной степени близости к группе. Эта степень социальной дистанции может варьироваться и изменяться. Во всех случаях, даже при минимальной дистанции, чужак отделен от группы границами, часть из которых была выстроена группой при его появлении. В такой ситуации более значимым представляется сам факт существования и воспроизводства границ между чу-

³² *Зиммель Г.* Человек как враг.

³³ Там же.

³⁴ *Levine D., Carter E., Gorman M.* Simmel's influence on American sociology. P. 836

жим и группой, чем конкретная дистанция. При этом пересечение групповых границ символизирует приближение, вторжение или, напротив, отдаление чужака от социально ограниченного пространства группы.

Таким образом, границы в пространственной форме отражают условия и специфику взаимодействий и социальной организации группы, служат для определения группы. Чужак в определенном смысле также является членом группы, вопрос только в дистанции, в том, насколько близко он будет допущен во внутренние взаимодействия группы.

Понимание чужака Зиммель ограничил восприятием его с позиции группы – чужак и взаимодействия с ним всегда определяются по отношению к принимающей группе. С позиции группы чужак является частью ее внешнего окружения, которое воспринимается как довольно абстрактное и унифицированное образование. Чужак не интересен группе как личность, но лишь как некое образование, или конкретный исполнитель определенной функции. Последнее четко прослеживается в роли чужака как посредника торговых операций и актора в финансовой сфере.

Вероятная причина этого может заключаться в том, что все взаимодействия членов группы с не-членами по определению относятся к внешней структуре взаимодействий и, соответственно, периферии индивидуального строения личности. В отличие от стабильных и хорошо усвоенных членами группы моделей внутренних взаимодействий, отношения с внешней средой фрагментарны и неустойчивы. Следовательно, используя термин Шюца, внешние взаимодействия не детализированы в естественной установке и имеют вид неких общих представлений. Таким образом, чужак как представитель внешнего по отношению к группе окружения идентифицируется как нечто не конкретизированное, размытое, не имеющее четко определенных границ.

С позиции чужака группа, напротив, идентифицируется как один из четко определенных, ограниченных границами универсальных элементов его внешней среды. Отдельная группа является лишь одной из возможных групп, к которой чужак может приблизиться. Так, чужак, в отличие от группы, может выбирать и изменять свои взаимодействия с группой как одной из потенциальных.

В этом просматриваются истоки отстраненной и объективной позиции чужака в группе.

Двойственная природа чужого

Основное осмысление феномена чужака было представлено Зиммелем в двух работах – «Экскурсе о чужаке» и «Философии денег». Чужака он определяет как потенциального странника. Отчасти чужак является элементом самой группы, однако от полноценной включенности и принадлежности ей его отделяет собственная специфика. Чужой это, фактически, тот, кто должен быть отдален, но находится близко, что противоречит ситуации, когда «все на своих местах»³⁵. «Чужак вначале появляется как торговец, как тот, кто не закреплен к месту, однако на время приживается, останавливается в этом поселении – “потенциальный странник”. Он объединяет в себе близость и отдаленность, озабоченность и безразличие... это определяет его как того, кто не полно и не лично заинтересован в социальной жизни вокруг себя»³⁶.

Обозначим характерные признаки чужака, которые определяют и одновременно иллюстрируют его двойственную природу.

Нефиксированность и неподчинение территориальным границам. Чужак не принадлежит к территориально ограниченной группе. По природе своей он не землевладелец; не владеет не только непосредственно землей, но и любой жизненной субстанцией, «прочно связанной с некоторым местом». Также это может быть определенная социальная среда, группа или сообщество. Как иллюстрацию Зиммель приводит пример евреев, которые законодательно были ограничены в праве землевладения. Будучи исторически «безземельными», они становились и воспринимались как чужаки. Одно из следствий этого – их занятость в торговой и финансовых сферах, где свойство чуждости с необходимостью требуется. Возможность вести деятельность за пределами группы, способность пересекать территориальные границы придает чужаку характер

³⁵ Georg Simmel: critical assessments. Vol. 1–3. L.; NY: Routledge, 1994. P. 181.

³⁶ Levine D., Carter E., Gorman M. Simmel's influence on American sociology. P. 830.

подвижности. В свою очередь, для группы он проблематизируется самими своими появлениями.

Неестественность появления чужака для группы. По своей природе чужак не принадлежит к группе с самого начала, он не разделяет ее уникальную историю и опыт. Чужак не является носителем специфичных качеств, моделей взаимодействия и чувства солидарности, общности, заключающих в себе багаж предшествующей деятельности группы. Солидарность и воспринимаемое свойство исключительности определенного пространства, как и чувственно или интеллектуально конструируемая дистанция с ним, социально более содержательны, нежели пространственное перемещение³⁷. Приход чужака в группу, приближение к ней является одним из событий групповой истории. Потенциально, раз члены группы наблюдали начало пребывания чужака, они полагают вероятность наступления завершения контакта. Неестественность заключается именно в этой наблюдаемости; она однозначно отделяет чужака от естественной, разделяемой членами группы истории и общности.

Нарушение соотношения физической и психической близости. Двойственная позиция чужака и его объективность по отношению к группе нарушают представления ее членов о природе того, кто должен быть близко. С одной стороны, чужак физически близок, находится в группе. Соответственно, для членов группы логично разделять общее с ним чувство солидарности и испытывать некое психологическое чувство близости и родства. Однако этого нет, чужака воспринимают как того, кто физически должен быть далеко. Это приводит к замешательству членов группы, и они искусственно ограничивают свое взаимодействие с чужаком. Взаимоотношения становятся контрактными в противоположность отношениям солидарности между членами группы. Чужак, таким образом, становится во взаимодействиях с группой лишь выражением некой функции, функции обмена. Так, он воспринимается исключительно как торговец, ростовщик – посредник при торговом или денежном обмене. Таким образом, пересекая групповые границы, чужак про-

³⁷ Филиппов А.Ф. Теоретические основания социологии пространства. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003. С. 91.

должает оставаться на определенной дистанции от группы, ограждается от отношений внутригрупповой солидарности.

Г. Зиммель отмечал практически полное совпадение и взаимопересечение типов чужого и торговца, купца, полагая, что природа каждого имеет принципиально близкие основополагающие характеристики. Деньги являются формой человеческих отношений и обладают двойственной природой, чистым выражением функции обмена между людьми. Чужой отделен границами от включения во взаимодействия между членами группы. С помощью денег он получает возможность контролировать наиболее значимую форму социальных взаимодействий – обмен, получая, таким образом, возможность приближения к группе, преодоления ее границ. Зиммель указывает на порожденную этим двойственностью: для функции обмена и территориальной мобильности необходим торговец. Но не только он является или становится чужим, но и чужой склонен стать торговцем³⁸. В любом случае, характеристики денег и чужого обеспечивают обоим возможность функционировать независимо от непосредственного расстояния и конкретных групповых границ.

Отношение группы к чужаку

Двойственная природа чужака, его подвижность и одновременная невовлеченность, не связанность групповыми узами ни с одним из элементов, с которыми он вступает в контакт, придает чужаку особое свойство объективности. Конstellляция удаленности и близости обеспечивает уникальное для группы не укорененное, объективное внешнее участие. Например, денежные отношения обладают безличной объективной природой и независимой непристрастной силой. Члены группы не могут однозначно для себя определить чужака в силу его двойственности, не могут избежать в отношениях с ним неопределенности. Это вызывает страх и стремление типизировать и таким образом идентифицировать чужака.

Отношения торговли и финансовой деятельности, куда вовлечены чужие, обладают внутренним свойством понятности, ясности внутренних отношений. Они основаны на деньгах, которые являются чистым выражением ценности, у них нет исторически и культурно

³⁸ *Simmel G. The Philosophy of Money. P. 190, 225.*

обусловленных характеристик и связей. Роль чужака иллюстрирует внутреннюю ясность отношений между членами группы и деньгами/чужаком. У последних нет никаких интересов относительно группы, кроме тех, что описываются денежными взаимодействиями³⁹. Получается, что, обращаясь с деньгами, чужой приобретает власть над группой. Он способен подчинить группу посредством институционально созданных рамок обращения с деньгами. Члены группы, в свою очередь, будут подчиняться и действовать в созданных рамках. Причина в том, что денежные отношения и организующий их чужак независимы от группы, которая не имеет над ними власти общности, общего происхождения и внутrigрупповых взаимоотношений. Сами деньги, как и чужой, не принадлежат к чему-либо. Они не зафиксированы ни на конкретной территории, ни привязаны к стоимости своего физического проявления. Денежные операции, в силу этого, имеют безличный характер, это безличная форма денежного общения. Она, в свою очередь, воспринимается членами группы как выражение некой индифферентной, непристрастной и объективной силы. Чужак воспринимается как ее воплощение.

Объективность чужака можно трактовать как средство для преодоления границ закрытости или предвзятости членов группы. Так, Л. Козер использовал идею об объективности чужого в своих размышлениях о конфликте. Он полагал, что именно невключенность и одновременная близость чужака делают его прекрасным инструментом выполнения законодательных и властных повелений⁴⁰. Одновременно чужой имеет возможность быстрого сближения с представителями группы. Это выражается в феномене невероятной открытости и искренности по отношению к чужому со стороны членов группы. Чужой как бы впускается в закрытые ранее внутренние взаимодействия индивидов, но не в качестве актора, а как «слушатель», объективная сторона. Чужой временно находится в группе, он не заинтересован в ней, и, следовательно, его можно привлечь и приблизить в «центр» группы. В любом случае, чужой скоро «от-

³⁹ *Simmel G.* The Philosophy of Money. P. 190, 226.

⁴⁰ *Levine D., Carter E., Gorman M.* Simmel's influence on American sociology. P. 833.

правится странствовать дальше»⁴¹. В этом можно усмотреть очередное выражение двойственной природы объективности чужого.

В восприятии группы чужак совершенен. Он преодолел и разорвал общие связи близости со своей родной группой и местом, способен всегда прекратить вновь создаваемые отношения общности с любой из возможных групп. Чужак подвижен и объективен, «он силен и опасен, потому что переступает границы, осмеливается разорвать узы солидарности»⁴². «Тот, кому мил родной дом, – еще слаб; тот, для кого любой уголок, как родной дом, – уже силен; но тот, для кого весь мир – чужая земля, воистину совершенен»⁴³. Иными словами, несмотря на то, что группа признает объективность чужака и дает ему власть судьи над собой, над взаимодействиями членов группы, одновременно она испытывает страх перед чужаком. Страх перед его независимой и объективной природой и существующей у него вследствие этого силой. Как следствие, есть вероятность появления напряжения и встревоженности членов группы, скрытого антагонизма к чужому как превосходящему группу феномену. Возможным механизмом выражения беспокойности группы и желания сохранить в целостности собственные границы является процесс идентификации и типизации чужих: не только как отдельных индивидов, но и как целых групп.

Идентификация чужого происходит в процессе непосредственного взаимодействия представителя группы с чужим. Изначально оно имеет более абстрактный характер, нежели взаимодействия внутри группы. В зависимости от близости чужака группе, от степени разделяемости и общности некоторых его качеств с группой, ее представители воспринимают чужака более или менее конкретно, детализировано. В случае значительной близости значимыми становятся индивидуальные характеристики чужака. В противном случае имеет место идентификация чужого как представителя некой группы чужих, находящихся «снаружи». При этом группа чужих является частью внешней среды номинирующей группы и до-

⁴¹ Зиммель Г. Экскурс о чужаке.

⁴² Баньковская С.П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6.

⁴³ Цит. по: Баньковская С.П. Чужаки и границы.

вольно унифицированным и нечетко ограниченным образованием. Так происходит выстраивание границ между группой хозяев и определенной как единой группой чужих.

Можно предположить, что идентификация чужих членами группы имеет характер общего внешнего номинирования. Разграничение на отдельного индивида-чужого и группу чужих не производится. Причины, вероятно, лежат в том, что чужие идентифицируются как принадлежащие к недифференцированной и относительно абстрактной внешней среде и воспринимаются как общий тип. С другой стороны, чужой, разделяя принесенные из дома нормы, не полностью включается в культуру принимающей стороны, относительно свободен от местных традиций. Это обуславливает возникновение страха и раздражения. Посредством негативной идентификации и негативных практик по отношению к чужим выстраиваются заградительные границы.

Можно предположить, что идентификация зависит от дистанции чужого по отношению к группе. Так, если чужой обладает достаточным внешним и социокультурным сходством с членами группы, то дистанция между ними сокращается. Члены группы воспринимают эти характеристики чужого как общие со своими собственными. Чужой таким образом входит, приближается к внутренним отношениям группы, следовательно, отдаляется в ее представлении от внешней гомогенной среды. Чужой становится более конкретным и «пригодным» для идентификации как отдельный индивид. В противном случае черты чужого начинают выступать не как его индивидуальные характеристики, но как черты его происхождения. В случае если качества или интересы чужого не являются общими с представителями группы, люди во взаимодействиях прячут собственную личность⁴⁴. Из всего возможного спектра потенциально общих качеств чужого и группы действительно сходными оказываются их небольшое число. Особенно яркое проявление доминирования общих характеристик над индивидуальными – расовая, религиозная принадлежности. В данном случае критерий выделения группы (цвет кожи, вероисповедание, страна прибытия) начинает играть роль своеобразного маркера. Вокруг него начинают структу-

⁴⁴ Зиммель Г. Человек как враг.

рироваться социальные различия, он определяет специфику социальных взаимодействий с определяющей группой. Критерий «чуждости» становится предпосылкой социальных различий. Так, группа самостоятельно производит границы и определяет дистанцию, отграничивающую ее от чужих. Эти границы определяют вполне четкий набор социальных практик и моделей взаимодействий с группой хозяев. Среди них – территориально-поселенческая сегрегация группы чужих или их позиционирование как «виновников всех бед»⁴⁵. Так происходит конструирование границ между группой хозяев и типизированной как единой группой чужаков. Логично предположить, что взаимодействия этих двух групп могут не быть положительно отмеченными. Зиммель иллюстрирует это на примере безличной и универсальной природы денег и чужаков как их посредников. Главные финансовые дома вызвали ненависть членов группы. Это чувство к некой индифферентной и бесхарактерной силе, которая кажется персонифицированной в чужаках. Они обладают новой силой ума, интеллекта, которая нейтральна и бессердечна, как и деньги⁴⁶.

Имеет место выстраивание законодательных границ, препятствующих группе чужих приблизиться и включиться во внутренние практики группы. Зиммель приводит пример законодательного отказа даровать евреям права голосования. Они не нуждаются ни в каких правах, потому что сейчас с помощью денег они могут купить любые голоса и правительственные места. Политические права будут чисто формальным подтверждением того, чем они уже владеют⁴⁷. Здесь видно разграничение практик, которые группа определила как допустимые и недопустимые для занятия их чужими. Так, денежная, финансовая деятельность в некоторых случаях на законодательном уровне закреплялась исключительно за чужими – деньги в силу своих свойств принимаются всеми ото всех, в том числе от чужака. Одновременно существовало ограничение в политических правах, возможности достичь определенного социального статуса. В этой связи интересно замечание Левина: человеческие

⁴⁵ Georg Simmel: critical assessments.

⁴⁶ Simmel G. The Philosophy of Money. P. 227.

⁴⁷ Ibid. P. 223.

общества, с позиции Зиммеля, преимущественно гомогенны и состоят из культурно-гомогенных групп. И это не результат исторической случайности⁴⁸. Скорее, это указывает на действительное существование и воспроизводство типизирования чужака и объединения этих паттернов. Фактически, указываемая гомогенность групп является следствием конструирования границ группами и отдаления от себя групп чужих.

М. Вуд определяет двойственное положение чужака в группе следующим образом. Индивид может быть членом группы в пространственном понимании, но не быть членом группы в социальном понимании. Индивид может быть в группе, но не быть ее (*not of it*)⁴⁹. В нашем случае можно говорить о принципиально не различающихся вещах. Чужие, типизованные как единая группа, с одной стороны, находятся близко от группы хозяев в силу тесного денежного контакта. С другой – находятся вне ее, поскольку взаимодействие является результатом непосредственных контрактных договоренностей, не являющихся культурно укоренными в истории группы. Данная двойственность, являясь основанием появления границ, поддерживается членами группы. Таким образом, границы и их непосредственный вид являются следствием специфики социальных взаимодействий внутри группы хозяев.

Заключение

Рассматривая взаимодействия группы и чужого, Г. Зиммель особое внимание уделял природе чужака, однозначно отделяющей его от любого индивида, принадлежащего группе, и обеспечивающей принципиальную невозможность чужака стать членом группы, разделить ее внутригрупповое чувство солидарности. Акцент был сделан на раскрытии связи между природой чужака и его невключенностью в группу. Для группы чужак остается неконкретизированным и недоступным для полного понимания элементом внешней среды. Он не поддается четкому определению в рамках усво-

⁴⁸ Levine D., Carter E., Gorman M. Simmel's influence on American sociology. P. 833.

⁴⁹ McLemone S.D. Simmel's «Stranger: a critique of the concept» // Formal sociology: the sociology of Georg Simmel / ed. by L. Ray. Aldershot; Hants, England: Edward Elgar, 1991. P. 263.

енных границ, остается неопределенным и, следовательно, опасным для устойчивости и однозначности концептуальных бинарных оппозиций группы, описывающих и структурирующих ее восприятие социальной реальности. Группа стремится избежать этой угрозы и задействует различные механизмы и границы для конкретизации чужака. Это могут быть механизмы номинирования и типизации чужаков, сведения их личностной специфики к надындивидуальным, обобщенным характеристикам или пространственные границы. Таким образом, на взаимодействие чужака с членами группы накладывается ограничение в виде нескольких допустимых паттернов, обеспечивающих поддержание границ и собственной общности группы, ее большую определенность.

Анализ проходил с позиции группы, того, каким образом она воспринимает чужака, как выстраивает с ним взаимодействия. Вероятно, был бы интересен анализ с точки зрения самого чужака, его понимания группы как одного из четко очерченных элементов внешней среды и одного из возможных пространств, к которому он будет приближаться в будущем.

Глава 3

Ислам – некоторые социальные аспекты вероучения

Значимость религиозного мировоззрения

Общественное бытие предполагает высокий уровень внешней детерминированности индивидуального сознания. При наличии ограниченного числа социализирующих институтов и их однопавленного воздействия происходит органичное, непротиворечивое выстраивание общественного и индивидуального восприятия, системы ценностей. В своих действиях и оценках человек выступает не как автономный и самостоятельный субъект, а как часть некоего коллективного субъекта (по Э. Дюркгейму – коллективного сознания). Его представления в значительной степени носят извне задаваемый характер. В определенном смысле можно говорить о массовом уровне совпадения индивидуальных и общественных установок, сознания в целом. Общественное сознание довлеет над индивидуальным восприятием⁵⁰.

На протяжении тысячелетий одним из основных социальных институтов, участвующих в формировании общественного сознания, была религия и связанная с нею сеть организаций. Религиозное сознание имеет мировоззренческий, фундаментальный характер. Напомним, что в основе выделения и названия западно-христианской, исламской, индо-буддийской и дальневосточно-конфуцианской цивилизаций данный фактор стал определяющим.

Как системное целостное мировоззрение, религия претендует на установление духовной монополии. По сути, она создает некую мировоззренческо-методологическую матрицу, или сито, через которое происходит оценка и отделение зерен от плевел, существенного от незначительного. Религиозные положения формируют и поддерживают нормы поведения, которым должен следовать че-

⁵⁰ Солодова Г.С. Собственность, богатство, социальное неравенство в России: социокультурная детерминированность представлений. Новосибирск: Параллель, 2006. 328 с.

ловек, выступают в качестве духовного стража и канвы, которые определяют повседневные практики. Отметим, что значимость религиозных идей как регуляторов общественной жизни может проявляться не напрямую и носить невыраженный характер.

Выполняя регулятивную функцию, религия охватывала нормы, касающиеся не только религиозного культа, но многих других сфер общественной жизни. Религиозные представления, непосредственно и/или опосредованно воздействуя на культуру и на ее проявления в разных сферах жизни общества, детерминируют глубинные структуры сознания, образуют базисные представления и моральные императивы. Это может происходить через воздействие религиозных идей, осуществляемое как официально – через религиозные институты, так и неофициально – через непротиворечивое и органичное проникновение и слияние религиозных ценностей с этническими и бытовыми правилами общественной жизни. Как отмечал В. Франкл, «человек нередко более религиозен, чем он подозревает».

Способность религиозного мировоззрения стать мощным консолидирующим инструментом детерминирована разными причинами, в том числе социально-историческим контекстом. В традиционных обществах именно религия и связанная с ней сеть культовых организаций были одним из основных социальных институтов, участвующих в формировании общественного сознания. Они выступали как важнейшая духовно-нравственная составляющая жизни, как организатор, основной источник и транслятор ценностей, которые в дальнейшем становились доминирующими и воспринимались как обладающие абсолютным авторитетом для большинства членов общества. В конечном итоге религиозная причастность и разделение религиозных принципов являлись необходимыми условиями для приобретения «благовидной» личностной идентичности и устойчивого социального положения. Невписанность индивидуальных установок, их противопоставление установкам общественным не поощрялись, а применительно к традиционному обществу были вопросом физического выживания человека.

Смена статуса религии, переход от базовой, скажем так, несущей конструкции общественного сознания к одной из ряда социальных компонент должна рассматриваться в сравнительном ключе, как иллюстрация усложнения общества, роста влияния других,

новых социальных институтов. Вместе с тем сошлемся на уместный здесь вывод, сделанный С.Б. Филатовым: «Создается впечатление, что стоит глобализации задеть какие-то корневые, глубинные стороны жизни мусульманских обществ, как в них закипает реакция отторжения, заложенная в самом генетическом коде их культуры... В существе мусульманского сознания и мусульманской религиозности есть нечто принципиально противоречащее глобализации, утверждаемым ей ценностям и институтам. В отличие от различных христианских вероисповеданий, буддизма, индуизма мусульманская религия требует следования определенному образу жизни, несовместимому (или, может быть, с большим трудом совместимому) с глобалистскими представлениями»⁵¹.

Социальность ислама⁵²

Мировые религии отличаются по своим взглядам на мир, его духовные и материальные блага, по степени своей включенности в регулирование социальных отношений. Сравнивая православие и ислам с позиции их участия в регламентации повседневной общественной жизни, приоритет следует отдать мусульманству.

В силу мировоззренческих особенностей ислама, значимая роль религиозной формы общественного сознания в мусульманских странах является признанной. Ислам во многом определяет обыденное сознание, унифицирует восприятие и интерпретации, формирует идентичные паттерны поведения и повседневные практики. Как мощный социальный институт, он обладает не просто конвенциональной, но императивной функцией. В исламе нет явного разделения мирской и духовной сторон человеческой жизни. Охватывая разные стороны жизни, основной теологический трактат магометан выполняет функцию религиозного, социального и политического кодекса. Коран дает определения и предписывает законы,

⁵¹ Филатов С.Б. Религиозная жизнь Евразии: реакция на глобализацию (вместо введения) // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко, С. Филова. М., 2009. С. 19–20.

⁵² Основой параграфа послужила публикация: Солодова Г.С. Социальность ислама – некоторые штрихи // Вопросы культурологии. 2010. № 4. С. 31–34.

относящиеся не только к культу, но и к социальной и политической жизни верующих, регулирует, организует отношения разного рода: брачно-семейные, государственно-политические, экономические, культурно-просветительские. Это своего рода внятные и устойчивые нормативные рамки человеческого существования, «законодательные предписания о гражданской жизни».

Взаимно связаны, не отделены друг от друга религиозные воззрения мусульманства и хозяйственно-бытовая жизнь исповедующих его народов. В определенных рамках можно говорить о стратификационном и географическом проникновении ислама, пропитанности им разных сторон жизни. Согласно с религией устраивает частный человек свой домашний порядок, в согласии с нею управляет и султан своими народами. Как и целыми столетиями ранее, Коран производит неизменное влияние на формы и порядки всего человеческого общежития⁵³.

Можно предположить, что сохранение высокого уровня религиозности в странах, традиционно придерживающихся мусульманства, отчасти обусловлено именно тесной связью социальной и религиозной составляющих ислама. Существует мнение, что в связи духовного и светского, религиозного и государственно-политического сила и слабость ислама.

Исходя из этого немаловажно знать и понимать социальные императивы, содержащиеся в религии и влияющие на социальные процессы, в том числе на успешность вхождения мигрантов-мусульман в российское общество. Предполагаем, что изучение и показ влияния ислама на социальную жизнь будут полезны для получения адекватного представления как о самой религии, так и о потенциальных общественных изменениях.

Обращение к теме ислама связано с набором факторов.

1. *Территориальное распространение ислама и рост его глобализационного влияния.* Исторически быстрое распространение мусульманства, по своим последствиям имевшее, безусловно, все-

⁵³ Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. Сочинение, удостоенное премии Гаагского общества распространения христианства / пер. с нем. П.И. Хомутова. Ташкент: Типо-литография бр. Каменских, 1893. С. 3–4.

мирно-историческое, цивилизационное значение, стало возможным благодаря удачному сочетанию ряда факторов. Среди них сочетание оседлого и кочевого образа жизни. Утверждением о том, «что мусульманская цивилизация – цивилизация по преимуществу городская, стало избитой истиной», – начинается статья о мусульманском городе один из американских востоковедов⁵⁴. К концу VI – началу VII в. кочевой образ жизни бедуинов вела примерно пятая часть населения Аравии. Основными видами занятий среди арабских племен к этому времени стали оазисное земледелие, скотоводство, торговля. Занятие двумя последними видами деятельности можно трактовать как проявление «большой любви к перемене местопребывания» и явный фактор, способствовавший распространению вероучения.

Зарождение и территориальная активная экспансия ислама проходили в условиях постепенного разрушения отживающих родоплеменных и рабовладельческих отношений, выстраивания новой системы социальных и духовных ценностей. Судя по историческим фактам, Мухаммеду, как бы сейчас сказали, было свойственно активное отношение к жизни, им была положена, а его последователями успешно и широко продолжена политика военных территориальных завоеваний. В разное время были завоеваны Испания, Индия, Египет, Иранское царство, Армения, Грузия, часть Византии. Начатые еще при Пророке, внешние завоевания и сопровождавшее их дальнейшее распространение ислама привели к образованию Дамасского и Багдадского халифатов, а в дальнейшем и Османской империи. В состав халифата Аббасидов (Багдадский халифат) входили северная Африка, Аравия, Передняя Азия, Ирак, Иран, значительные территории в Закавказье и Средней Азии.

Весьма показательный пример: Укба ибн Нафи, завоевав ряд стран Северной Африки и дойдя до Атлантического океана, стал молиться: «О, мой Аллах! Если бы не встало это море на моем пути, я пронес бы Твое имя до конца мира»⁵⁵. Территориальному рас-

⁵⁴ Очерки истории арабской культуры (V–XV вв.). М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1982. С. 156.

⁵⁵ Фетхуллах Гюлен и современный мир: толерантность, диалог, взаимопонимание. Алматы, 2009. С. 76.

пространению ислама, его глобализационному воздействию способствовал и способствует сам дух мусульманства. «В большей части стран ислама само понятие о родине совсем неизвестно. Как для поэта ислам был настоящим отцом, так и для всякого мусульманина ислам его истинное отечество»⁵⁶.

Важным фактором стала совместимость исламских законов с доисламскими обычаями. Распространение ислама обеспечивалось «не столько огнем и мечом», сколько в силу того, что «Коран давал вполне доступные пониманию веру и законы», которые во многом совпадали с существовавшим у многих кочевых народов в доисламскую эпоху «неведения» обычным правом и «как бы освящали его»⁵⁷. Нераспространенность принуждения содействовала его ненасильственному проникновению. Некоторые арабские племена приняли иудейство, но оно оказалось «в таком резком противоречии с арабским народным духом, что не могло овладеть им прочным образом»⁵⁸. Напротив, шариат предполагал смысловые совмещения с адатом, поэтому был понят и воспринят бедуинами. Даже кочевые орды Чингисхана, завоевав территорию современной Средней Азии и разрушив крепости и отчасти арабскую культуру, не только не уничтожили ислам, но напротив, приняли его. Омусульманившиеся кочевники совершали моления в войлочных юртах как в мечетях и по возможности применяли шариат к кочевому обычному праву (адату)⁵⁹.

Частной, но очень существенной особенностью исламского мировоззрения стали его адаптивные возможности, легкое принятие этнической специфики, национальных форм. Происходило тесное переплетение этнической и религиозной культур. Отсутствие единой церкви и сквозной, однозначной системы толкований способствовало сохранению этнической специфики народов, принимающих исламское мировоззрение. Вместе с тем, четко регламентируя социальную жизнь религиозными предписаниями и формами, ислам, как

⁵⁶ Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. С. 267–268.

⁵⁷ Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1887.

⁵⁸ Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. С. 20.

⁵⁹ Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. С. 4–5.

и другие религии, может сужать и ограничивать возможности для проявлений местных этнических особенностей, т. е. несет определенный выравнивающе-консолидирующий характер.

2. *Консолидирующая роль ислама.* Несмотря на очевидные исторически сложившиеся противоречия внутри мусульманства, оправданно и обоснованно говорить о мире ислама как некоем общем, едином образовании, в основе которого лежит религиозное мировоззрение. «Мухаммед связал прочным религиозным единством добрую треть исторического человечества... Мухаммед объединил арабов, сделал их братьями по вере»⁶⁰. Аравийский полуостров был заселен разными, враждующими между собой племенами, «был расколот враждой». «Невозможно найти второй такой трудновоспитуемый народ, как тот, который... Мухаммад сумел перевоспитать за столь короткий срок – всего двадцать три года», – цитирует Мольера турецкий теолог Фетхуллах Гюлен⁶¹. «Ислам сам по себе уже есть глобализационный концепт. Сущностно он представляет один из вариантов глобализации. Христианство, ислам, буддизм – это все глобализационные учения. Все они космополитические, все они интернационалистические, все они по-своему становлению были направлены против национальной идентичности и против традиций как таковых»⁶². Очевидно созвучие идей, высказанных с интервалом более чем в сто лет. Данное обстоятельство только подтверждает и подчеркивает основополагающие роль и влияние ислама на жизнь целого ряда народов и государств.

3. *Время принятия и число последователей.* Российское общество многонационально и поликонфессионально, и ислам является религией многих российских народов. По числу последователей в России ислам традиционно второе после православия вероисповедание. Обращение к истории показывает, что распространение

⁶⁰ Сборник материалов по мусульманству / под ред. В.П. Наливкина. Ташкент: Типо-Литография бр. Порцевых, 1900. Т. 2. С. 16–19.

⁶¹ Фетхуллах Гюлен и современный мир. С. 72.

⁶² Багдасарян В.Э. Исламский путь как путь глобализации // Мусульманский опыт миростроительства: базовые цели и ценности, формы познания и социокультурной организации. Исторический опыт и российская ситуация: Материалы постоянного действующего науч. семинара. М.: Науч. эксперимент, 2007. Вып. 5. С. 69.

православия и ислама – это длительный, протяженный во времени процесс. Говорить об окончательном установлении христианства следует только после освобождения от монголо-татарского нашествия. Чем дальше селения находились от городов, тем сильнее и дольше в них проявлялись остатки язычества.

Начало распространения ислама на территории современной России приходится на середину VII в. и связано с завоеванием земель современного Дагестана войсками Арабского халифата. В Хазарском каганате (VII–X вв.), куда входили Северный Кавказ и большая часть Волго-Уральского региона, ислам существовал наряду с христианством и иудаизмом. Официальной датой принятия Волжской Булгарией ислама считается 922 г. На современной российской территории когда-то были Булгарское, Астраханское, Крымское, Казанское, Сибирское, Касимовское ханства. Как пишет Н.Н. Балкашин, «покорение Россией находящихся под ее властью мусульман совершалось в разные времена и при совершенно неодинаковых обстоятельствах»⁶³.

4. Наконец, возможно, самый важный фактор обращения к исламу связан с *миграционными процессами*. Современное общество – это не то общество, в котором можно не замечать или, тем более, игнорировать наличие представителей разных религиозных конфессий и культур и вытекающую отсюда религиозную и культурную многоплановость и разнородность. Необходимость реагирования на изменившиеся условия обуславливает целесообразность обращения к внутреннему позитивному, духовно-нравственному, созидательному потенциалу мировых религий.

Основная задача данной работы – некоторым образом приблизиться к раскрытию социальных представлений, содержащихся в исламе и влияющих на успешность вхождения мигрантов-мусульман в российское общество. Отправной точкой обращения к теологическим текстам служит положение о связи и влиянии религиозного мировоззрения на ценностные установки и повседневное поведение его последователей. При этом необходимо понимать, что их интерпретации населением и тем более их реальные

⁶³ Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. С. 1–11.

массовые повседневные воплощения могут существенно отличаться от самих религиозных норм и догматов. В связи с этим исследование носит сравнительный двухуровневый характер – теоретико-религиоведческий и социолого-эмпирический. Продуктивным представляется как выявление постулатов, могущих служить источниками потенциальных противоречий и конфликтов, так и, что более важно, поиск консолидирующих, объединяющих положений и взглядов, препятствующих представлению ислама как религии и идеологии конфликта.

Государственно-религиозные отношения в исламе

Из всех религий ислам, возможно, наиболее связан с политикой, вопросами государства и права. Исламское мировоззрение, Коран и Сунна содержат множество предписаний, относящихся к политической жизни, вопросам государственного, гражданского и уголовного права. И много веков назад, и сейчас они влияли и влияют на социальное, экономическое и государственное развитие.

1. Один из внешних стимулов, побуждавших племена Аравийского полуострова к объединению, – завоевательный интерес и давление, проявляемые со стороны соседних великих империй. Византия и Персия несли Аравии угрозу покорения.

2. Внутренним фактором, способствующим формированию государственного союза, стала идея. Существует мнение, что изначально основной задачей ислама было религиозное просвещение арабских племен, распространение среди них единобожия. Изменение социально-политических отношений не входило в первоочередной список. Но, как показала история, распространение новой религии оказалось тесно сопряженным с объединением племен и созданием государственности. Ислам стал сквозной, всепроникающей идеологией, объединившей разрозненные племена в единую, мощную, целостную империю – халифат. Ислам и образование государства, государственное строительство – тесно связанные явления: «политика Мухаммеда была всегда религиозна, а религия с самого начала имела политическую задачу»⁶⁴. Еще в конце XIX в. известный исследователь Иоганн Гаури отмечал, что изначально,

⁶⁴ Сборник материалов по мусульманству. С. 18–19.

еще при первых халифах, мусульманское государство было «не что иное, как религиозно-политический союз» «из Пророка вышел законодатель и политик»⁶⁵.

3. Распространению ислама и созданию мощной государственности способствовало объединение в одном лице духовной и светской власти. Религиозная основа мусульманского государства проявлялась в соединении в руках халифа (заместитель, наместник, посланник Аллаха) или имама (*араб.* – стоять впереди, предводительствовать – предстоятель на коллективной молитве; глава мусульманской общины глава мусульманского духовенства, духовное лицо, служитель мечети) духовной и светской власти. Это присутствует и в самом понятии халифата – теократическое государство, основанное на законах шариата. «В древнюю эпоху законным повелителем всегда считался один лишь имам»⁶⁶.

Одним из свидетельств соединения государственного и религиозного правления является правление династии Омейядов, превративших религиозную общину в светское государство и правивших, как «цари»⁶⁷. Омейяды придавали важное значение светскому владычеству, Муавия именовал себя первым из царей. Однако когда империя распалась, халифы стали особенно заботиться о своей духовной власти. Эмиры и султаны также стремились к тому, чтобы быть признанными в «звании духовных властителей в своих светских владениях»⁶⁸. Показателем соединения религиозных и светских функций является совмещение богослужений и проповедей с судебными и управленческими задачами. Связь религии и государства хорошо просматривается в одном из наименований Османской империи, часто встречающемся в средневековых турецких источниках, – Богохранимое государство.

Другим подтверждением государственно-религиозного взаимодействия является стремление халифов править сообразно ис-

⁶⁵ Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. С. 59–413.

⁶⁶ Там же. С. 375.

⁶⁷ Бартольд В. Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности // Христианский Восток. Сер., посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки; Российская АН. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1922. Т. VI, вып. 3. С. 203.

⁶⁸ Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. С. 374.

ламскому закону и, как следствие, их обращение к помощи ученых богословов. Изменения в государственном управлении допускались лишь после согласия улемов – знатоков Корана, которых еще имам аль-Бухари называл «истинными наследниками Пророка».

Наблюдаемое на протяжении истории чередование усиления светских полномочий у духовных лиц и, напротив, духовного влияния у светских правителей стало дополнительным фактором и иллюстрацией тесного переплетения и соподчинения религиозных и государственно-политических функций и полномочий.

Политическим следствием соединения духовного и светского, религиозных и государственных полномочий – «религия и политика слиты исламом в одно неразделимое целое» – стало господство абсолютизма, который, впрочем, в Азии и прежде был обыкновением. Безусловная покорность, являясь религиозным законом ислама, распространилась и на государственно-политическую сферу. Этому, видимо, способствовало и патриархальное устройство жизни, которое, обеспечивая авторитет главы племени, в дальнейшем логично привело к закономерному и нетравматичному принятию авторитета и власти более высокого уровня – глав государственных образований.

Стоит отметить, что значение религии как государственно образующего и государственно поддерживающего фактора применительно к исламу не является исключительным. Сложно отрицать в истории России роль православия. Относительно иудаизма можно сказать, что религия «заменила разрушенное государство», «образовала плотную, везде замкнутую оболочку» и «имела не столько значение религиозное, сколько значение государственных законов»⁶⁹.

Исламское мировоззрение, как и раньше, содержит множество предписаний, относящихся к политической жизни, вопросам государственного и гражданского права, повседневности в целом. Как следствие, говорить о социальной значимости ислама как регулятора общественной жизни уместно не только к периоду его активного распространения, но и к современности. В наибольшей степени это

⁶⁹ Изгоев А.С. Национальные и религиозные вопросы в современной России // Русская мысль. М., 1908. Цит. по: Россия и современный мир. 2001. № 4. С. 199.

относится к жителям мусульманских государств, в меньшей – к его последователям за пределами действия шариата как внутреннего права. Снижение его социальной важности относительно. И много веков назад, и сейчас он влиял и влияет на убеждения и их реальные проявления и на индивидуальном, и на корпоративном, и на государственном уровнях.

Элементы исламского социального характера

Ни отдельный человек, ни сообщество в целом не могут жить и развиваться вне конкретных условий – социальных, природно-климатических. И индивидуальное, и общественное сознание в той или иной мере чувствительно и восприимчиво к внешним обстоятельствам. Исторически длительное время человек сильно зависел от природной среды, и это закономерно влияло на быт, культуру, политическое устройство государства и личные качества людей.

Один из основоположников политической географии Ф. Ратцель различал четыре типа влияния географических условий на культуру и политическую организацию народов. Среди них – непосредственное влияние на физические и духовные особенности индивидов, на территориальное распространение народов; на «внутреннее строение народного организма», т. е. на особенности политического и экономического устройства; и наконец, влияние распространения народов в пространстве на сохранение или исчезновение их особенностей. Важнейшими факторами среды Ф. Ратцель считал географическое местоположение, климат, почву, рельеф, близость к морю. Даже в условиях развитой культуры, которая становится самостоятельным фактором истории, каждый народ тесно связан со средой своего обитания. Однако соотношение роли природного и культурного факторов на протяжении истории меняется⁷⁰.

Отталкиваясь от положений природно-географического детерминизма, можно предположить, что природно-климатические, территориально-ландшафтные условия проживания арабских племен наложили определенный отпечаток на их социально-психологические черты, получившие свое отражение и продолжение в религиозном веровании.

⁷⁰ Культурология. XX век: энцикл. СПб.: Унив. кн., 1998. Т. 2.

Попытаемся очень пунктирно обрисовать связь между географическими условиями проживания первых последователей ислама и их социально-психологическими особенностями. Климатические условия Аравийского полуострова не способствовали широкому распространению земледелия. Существенная часть населения жила в жестких условиях пустыни, что в значительной мере обуславливало кочевой образ жизни племен. Можно предположить, что это повлияло как на индивидуальные характеры бедуинов, так и на отношения между племенами. Они были весьма самостоятельны, независимы, если не сказать разобщены, и, как следствие, – уязвимы. Важным является отсутствие обеспечиваемой природой богатой растительной пищи. Иными словами – никаких гарантий и уверенности в своем будущем. Понимание своей полной зависимости от естественно-географических условий, невозможность противостоять климатическим факторам определяли одновременное и вполне закономерное развитие безропотности, покорности тому, с чем человек не мог вступать в противоборство, – мощным силам природы. Возможно, это стало одной из предпосылок органичного принятия исламского мировоззрения как проявления покорности, но теперь уже не силам природы.

Элементы фатализма присутствуют и в самом религиозном веровании. Отметим, что понимание своей беспомощности и безвыигрышности в споре с жизненными превратностями типично и для других, не только восточных, народов того времени. Фатализм, предопределенность одних к вечной гибели, а других – к спасению входит в основные догматы кальвинизма.

Экстремальный температурный режим не способствовал энергичной деятельности. Следствием этого на государственном уровне стало большее распространение деспотических, тиранических режимов, принуждающих к активности. Низкая плотность расселения приучала к самостоятельности, обеспечивала независимость от других людей. На индивидуальном уровне это проявлялось в «сильно развитом в арабах чувстве собственного достоинства», влечении к личной свободе и независимости. Вместе с тем пустынная местность, обеспечивая определенную независимость и даже изолированность от других людей, развитое чувство «гордого самоуваже-

ния», не способствовали и даже затрудняли развитие общественно-коммуникативных качеств, «добродетелей гражданских»⁷¹.

Среди мусульманских народов большое значение придается внешне фиксируемому благополучию, приличной внешности. Мухаммеду приписывают слова: «Богу неприятно, когда Он видит, как люди в беспорядочном виде показываются братьям своим». Важно соблюдение этикета, умение держать себя солидно, сохранять чувство собственного достоинства. Разработаны специальные приемы и правила вежливости на все случаи жизни мусульманина. Применительно к каждой ситуации дается подробный, часто даже слишком подробный совет, как следует себя вести, чтобы не уронить себя в глазах соотечественников. Знание приличий составляет долг каждого, независимо от общественного положения и происхождения. И это привито самой религией ислама⁷².

Природно-географический фактор мог способствовать и выработке особого восточного темперамента. Человек Востока более страстен, нежели человек Запада, «способен к более высокому одушевлению». Неслучайным, видимо, является возникновение к середине VIII в. исламского мистицизма – суфизма, в дальнейшем получившего широкое распространение.

Попытки найти связь между условиями проживания и характером народа не являются новаторскими. Много говорилось о влиянии на социально-психологические особенности русских территориального пространства, сурового климата. Однако, в любом случае, ограничиваться рассуждениями в духе жесткого природно-географического детерминизма неправомерно. Природные условия – это важный, но только один из факторов, определяющих социально-личностные качества и тип сообщества.

Роль мечетей

Социальная наполненность верований складывалась исторически. Как проявление и подтверждение тесного переплетения религиозного и социального проявлений ислама можно рассматривать

⁷¹ Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. С. 6–11, 371–377.

⁷² Сборник материалов по мусульманству. С. 21.

те задачи, которые длительно выполняли мечети. Заметим, что в православии церкви и монастыри традиционно играли значимую роль в социальной и экономической жизни, были крупными землевладельцами, вели торговлю, ссужали деньгами, становились опорными точками при освоении новых земель. Исторически сложилось так, что первоначально в Средние века мечети были не только религиозными, но и значимыми светскими, «идеологическими» центрами, выполнявшими важные социальные функции.

1. Выполнение религиозной молитвы.

2. Разрешение повседневных, мирских вопросов и споров. В мечетях вершился суд.

3. В мечетях хранились пожертвования, полученные в результате заката.

4. Как в православии церкви, монастыри, так в исламе мечети выполняли образовательную, просветительскую функцию, были местом, при которых появлялись школы: мектеб (низшая религиозная школа) и медресе (религиозная школа более высокого уровня). Обычно в таких школах готовили служителей мечетей и шариатских судов. Образование основывалось на изучении Корана, мусульманского права и теологии, арабского и персидского языков, а также арабской и персидской поэзии и литературы. В зависимости от ранга школы менялся набор и глубина изучения дисциплин.

5. Мечети были местом ночлега для путешественников, странствующих дервишей.

6. Мечеть давала возможность общения, формировала и поддерживала социальные коммуникации и сети. Была «просто клубом, где было удобно и прилично собраться потолковать с приятелями, как это делал известный арабский писатель IX в. ал-Джахиз»⁷³. С социальной точки зрения главной задачей мечетей, было и остается объединение, консолидация верующих на основе религиозного мировоззрения.

Усложнение общества, развитие в нем разделения труда и социальной инфраструктуры постепенно приводило к передаче части этих задач другим специализированным институтам, позволяя ме-

⁷³ Очерки истории арабской культуры (V–XV вв.). С. 199.

четям концентрироваться преимущественно на выполнении религиозных функций.

Факторы возникновения разных направлений в исламе

Ислам – это сложное и многоплановое религиозное и социальное явление. Как и другие религии, в том числе христианство, он допускает множество версий и вариантов и не является однородным и теоретически непротиворечивым вероучением. В нем существуют разные течения и направления, в том числе антагонистические, – можно найти противоречащие друг другу положения, принципы, призывы. Ислам не исключает национальных особенностей и различий трактовок. Пророку приписывают такие слова: «Иудеи раскололись на семьдесят одну секту, назреяне (христиане) раскололись на семьдесят две секты. Расколется и моя община – на семьдесят три секты»⁷⁴. На протяжении истории происходило развитие богословско-общественной мысли мусульманства. Правомочно даже говорить «о мусульманской религиозной поливариантности»⁷⁵.

И в исламе и в христианстве существует письменный канон и система толкований. В христианстве это Библия и труды богословов. Основы исламского мировоззрения сосредоточены в Коране – главной священной книге ислама. Коран включает 114 глав (сур), каждая из которых состоит из стихов (аятов). Считается, что Коран ниспослан Аллахом через ангела Джебрайла (Гавриила) пророку Мухаммеду. Другим важным источником является Сунна – предания о жизни пророка Мухаммеда и его последователей.

Процесс догматизации ислама в основном заканчивается в позднем Средневековье. Однако еще в XI в. в связи с многочисленными спорами был запрещен так называемый иджитхад – право на самостоятельное суждение и толкование, совершенствование богословских и правовых установок⁷⁶. Предпосылки для возникновения разных течений в исламе были заложены еще при жизни Мухаммеда. Среди них:

⁷⁴ *Игнатенко А.А.* Расколота умма в ожидании Судного дня // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 31

⁷⁵ *Багдасарян В.Э.* Исламский путь как путь глобализации. С. 69.

⁷⁶ *Хвеля-Олинтер А.И.* Особенности радикальных направлений ислама // Мусульманский опыт миростроительства. Вып. 5. С. 87.

1. *Отсутствие прямых наследников.* У Мухаммеда не было сыновей – наследников по мужской линии, что внесло бы однозначность в последующее правление. Вследствие этого после смерти Мухаммеда в 632 г. произошел закономерный раскол в борьбе за власть. Назначение верховных правителей стало основываться на двух основных принципах – родственном (шииты) и сподвижническом (сунниты).

С позиций шиизма халифами или имамами могут быть лишь потомки дочери Пророка Фатимы и ее супруга четвертого халифа Али, т. е. прямые потомки от первой жены Хадиджи. Верховная власть передается по наследству. Шииты утверждают, что три первых имама, Абу-Бекр, Омар и Осман, присвоили себе халифское звание самозванно. На этом основании они считают, что и сунна, собранная большей частью тремя первыми халифами, – неверна и заменяют ее своими собственными преданиями⁷⁷.

Суннизм (*араб.* сунна – обычай, пример, поведение, традиция) – ортодоксальное, наиболее многочисленное течение в исламе. Основу наряду с Кораном составляет Сунна, служащая источником веры и руководством в повседневной жизни. Имам, глава мусульманского государства и общины, выбирается, и изначально им мог стать только курейшит.

Халифы назначались из последователей и сподвижников Мухаммеда. Первыми «выборными» халифами и преемниками власти были Абу Бекр (632–634), Омар (634–644), Осман (644–656), Али (656–661) – двоюродный брат Мухаммеда, его воспитанник, зять Пророка, женатый на его дочери Фатиме.

Еще одним направлением, выделившимся в исламе в 657 г., вскорости после смерти Мухаммеда, был хариджизм. В основе этого течения – несогласие с тем, что главой уммы или халифа может быть только наследник одной семьи. Хариджиты (вышедшие) полагали, что им может стать любой избранный общиной правоверный мусульманин, вне зависимости от наличия родства с семьей Пророка. Они выдвинули лозунг «нет халифа иначе как по воле бога и народа», избранным может быть и крестьянин, и невольник, если только они обладают необходимыми качествами. Основы хариджизма были

⁷⁷ Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. С. 141–142.

заложены во времена правления четвертого «выборного» халифа Али. Сам Али в 661 г. был убит одним из хариджитов⁷⁸.

2. *Процесс оформления текста Корана.* Известно, что Новый Завет – это книга, написанная учениками и последователями Христа, – о его деяниях, заповедях, законах, данных людям, содержащая послания апостолов христианам. Принято считать, что Коран – это «предвечное, несотворенное слово Божье», что это мысли Бога, переданные через Мухаммеда. Вечными считаются не только мысли, но и самые слова, и звуки, и буквы. «Именно этот текст, считавшийся позднее вечным, несотворенным словом Бога и есть откровение. Здесь не деяние порождает книгу, а книга, ее передача составляет основное деяние Мухаммеда, а зафиксированные в хадисах дела и слова пророка – лишь дополнение и пояснение к книге. (Поэтому обиходное утверждение, что Коран – это Библия ислама, строго говоря, неверно, полного функционального тождества здесь нет, есть лишь функциональное сходство.)»⁷⁹ Коран, по меткому выражению Честертона, не упал на Землю в виде аккуратного томика. При жизни Мухаммеда текст главным образом передавался в устной форме, существовали лишь отдельные записи, причем сделанные не самим Пророком, а другими людьми. Состав и порядок этих записей разнился. И лишь через 20 лет после смерти Мухаммеда была назначена специальная комиссия, которая из множества версий выбрала одну, на основе которой и сформировала канонический текст⁸⁰.

Со временем недостаточность Корана, дающего общие и основные вероучительные положения, становилась очевидной. Это привело к необходимости дополнить Коран при помощи предания. Ближайшие друзья Пророка, его жены, знавшие множество его изречений, рассказывали, как поступал Пророк в тех или иных обстоятельствах, какие принимал решения в разных правовых спорах, как устанавливал разные обрядовые церемонии. Люди, встречавшиеся с Пророком или хотя бы только видевшие его лично и быв-

⁷⁸ Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. С. 384–385.

⁷⁹ Журавский А.Б. Своеобразие религиозной системы ислама: Ислам и общество (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 12. С. 5.

⁸⁰ Тихонравов Ю.В. Опыт комплементарности // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 69–70.

шие в состоянии рассказать хоть что-нибудь из его жизни, приобрели большой общественный вес. Когда около 718 г. скончался последний из людей, лично знавших Мухаммеда, тогда место товарищей Пророка заняли те, кто знал последних. Так возникла – главным образом в Медине – Сунна⁸¹.

3. *Отсутствие института духовенства.* В исламе, как и в православии, все верующие равны перед Богом. Однако в мусульманской традиции существует равенство и в толковании Корана, что ведет к отсутствию необходимости в специальном посреднике между человеком и Богом – духовенстве. Обычно верующими из своей среды выбирается предстоятель на коллективных молитвах, глава мусульманской общины, который должен знать содержание и порядок отправления культа, быть знатоком шариата, способным дать объяснения его основных положений. Возможно, одним из следствий отсутствия института духовенства стала неоднозначность интерпретаций Корана. Отметим, что и христианские богословские взгляды не избежали несовпадений.

Одним из следствий существования разных направлений в исламе стало наличие двух основных методов толкования Корана суннитского – тафсир и шиитского – тавил.

Семья, родство

В исламе признается высокая ценность семьи. Создание семьи рассматривается как проявление любви к Богу и предпосылка для духовного роста и добропорядочности человека. Заключение брака лежит «в основании вероисповедания» и трактуется как религиозная обязанность мусульманина по продолжению рода. Как и в православии, считается, что отказ от создания семьи ведет к греховности и порочности.

Большое значение придается родственным и родовым связям. К изречениям Пророка относят: «Разрывающий отношения со своими родственниками не войдет в рай» и «Одна молитва с двумя поклонами, совершаемая женатым человеком, более угодна Аллаху, чем ночные молитвы и дневной пост, совершаемые холостяком на протяжении всей жизни». Подтверждением значимости родст-

⁸¹ Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. С. 108.

венных связей является то, что концентрация, сосредоточение власти в мусульманском обществе происходит в определенных родах, т. е. присутствует феномен родовой (семейно-родственной) власти. Причины высокой ценности родственных связей связаны с историей арабских народов. «Каждый бедуин хранил в памяти знание родственных связей и отношений внутри своей семьи, внутри своего рода... Это знание входило в круг обязательной информации, ему учили с детства сознательно, его усваивали в бытовом общении. Это знание хранили в памяти всю жизнь, дополняли и расширяли его по мере расширения контактов с окружающим миром. Функции знания родства были универсальны. Они составляли основу социального самосознания, посредством их осознавалось понятие общества и место индивида в нем. Именно знание связей по родству и браку давало бедуину возможность практически осуществлять свои права и обязанности, принимать участие в социальной жизни своего рода. На них опирались при осуществлении кровной мести... при предоставлении защиты, гостеприимства или покровительства отдельному лицу или родовой группе... Это знание... несло с собой также указания на “наследственные” права, на общественный ранг»⁸². Иначе говоря, социальное устройство, структура в значительной мере основывались на семейно-родственных, клановых связях. Исходя из этого совсем иначе может толковаться традиционно широкое использование родственных связей в деловой сфере мусульманских народов, не встречающее понимания и одобрения у большинства представителей современных обществ.

К более взрослым, и тем более родителям и пожилым людям, принято относиться с большим почтением. Родители могут и имеют право самым решительным образом влиять на жизнь даже взрослых детей, что особенно явно проявляется в выборе их будущих супруг и супругов. Неповиновение родителям считается одним из семи смертных грехов. «Если один из родителей или оба достигнут старости, то не говори им: “Тьфу!” – не кричи на них и обращайся к ним почтительно» (17:23).

⁸² Очерки истории арабской культуры (V–XV вв.). С. 125.

Положение женщин

Несколько слов о положении женщин в исламе. Интерес представляют как богословские каноны, так и реальная повседневная практика и ее изменения, обусловленные историко-культурным контекстом. Как и в христианстве, в исламе присутствует различие во взглядах на роли мужчины и женщины, что, по сути, вполне закономерно и объяснимо. Христианство – за равенство мужчин и женщин в нравственном отношении, но за сохранение различий в их социальных ролях. «Муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви» (Еф. 5: 23). В обеих религиях прелюбодеяние женщины наказывается и рассматривается как покушение на одну из основных ценностей – продолжение рода.

Существующие в исламе ограничения для женщин связаны как с исполнением религиозного культа, так и с бытовым поведением, к примеру, ношение специального покрывала. В первые века распространения ислама, в отличие от последующих, «доступ женщин в мечеть не ограничивался, хотя им предписывалось молиться отдельно во избежание соблазна»⁸³. Примечательно, что, задвинутые на самые невидные роли в ортодоксальном исламе, среди суфиев женщины играли заметную роль. Уже первая из известных суфиев, подвижница VIII в. Раби'а ал Адавийя (в миру бывшая певицей) слагала стихи. В сочинении Джами «Дуновение дружбы» (XV в.) приведены биографии шестисот шестнадцати видных суфиев, из них тридцать четыре – женщины⁸⁴.

До распространения ислама среди большинства бедуинов, как и среди горожан, господствовало многоженство. Иметь от восьми до десяти жен было делом довольно обыкновенным. Времена были сложные, и положение жен было незавидным, у бедуинов они держалась на положении рабынь, у людей богатых – были игрушками мужа⁸⁵. Ни о каких узаконенных правах женщин речи не было. Мухаммед стремился улучшить положение женщин и в его времена оно было существенно улучшено. Как отмечал В.П. Наливкин, пример матери – вдовы не прошел бесследно, когда он говорил

⁸³ Очерки истории арабской культуры (V–XV вв.). С. 198.

⁸⁴ Каграманов Ю.М. Какое евразийство нам нужно // Новый Мир. 2002. № 3.

⁸⁵ Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. С. 191–195.

о положении вдов и об отношении к ним. Существование собственных дочерей не могло не повлиять на обнародованный в Коране закон о сохранении дочерям жизни. Наконец многочисленные распри со своими женами яснее всего отразились в законодательстве Корана о браке и разводе⁸⁶. В отношении к женам Мухаммед советовал мужчине придерживаться кротости и великодушия, приличествующих сильному в отношении к слабым. «О, вы, которые уверовали! Обращайтесь с вашими женщинами хорошо и достойно» (4:19). Пророк ограничил число законных жен четырьмя, но и это может быть возможным только в том случае, если муж в состоянии обеспечить всем женам необходимый комфорт. В обязанность мужа были введены соблюдение супружеской верности и одинаковое обращение со всеми женами.

Важное значение придается материальному, имущественному обеспечению женщины, которое считается богоугодным делом. В силу этого и других, связанных с отказом мужа от жены, условий «женщины до такой степени обременяли себя дорогими тканями и разными яркими украшениями, что едва могли двигаться».

Вместе с тем говорить о реальном социальном равноправии и свободе женщин оснований нет. «Оплаченная калымом», жена была не вправе оставить мужа и должна принадлежать семье⁸⁷. Общую тенденцию оценки места женщины в обществе характеризуют слова богослова IX в. Аль-Бухари: «Никогда не преуспеет народ, который сделает женщину своим правителем».

Наряду с этим необходимо понимать, что мусульманские женщины, социализированные в иных социокультурных и конфессиональных условиях, зачастую не видят проблемы в ущемлении собственных прав и их вполне устраивает положение, занимаемое в обществе и семье.

⁸⁶ Сборник материалов по мусульманству. С. 10–11.

⁸⁷ Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. С. 32.

История ислама в России

Ислам относят к авраамическим религиям. Помимо христианства, иудаизма, зороастризма, непосредственным предшественником ислама является и автохтонный аравийский монотеизм, корни которого возводятся к библейскому Аврааму (кораническому Ибрахиму), считающемуся прародителем арабов и евреев.

Как отмечает Гаури, «не считая целого ряда христианских и персидских представлений, мы находим в Коране существенно-иудейские мысли». И это отчетливо проявляется в вероучении. Первоначально, в том числе для привлечения на свою сторону проживавших в Медине евреев, за направление для молитвы, т. е. киблу, Мухаммед принял Иерусалим. В это же время, по аналогии с христианской Св. Четыредесятницей, были введены и тридцатидневный пост и день очищения, принятые в иудаизме. Однако это не принесло увеличения числа последователей, Мухаммед увидел, что «обманулся в своей надежде; иудеи не признавали араба пророком». Впоследствии явилось откровение, объявившее за киблу вместо Иерусалима Каабу в Мекке⁸⁸.

Мировая история взаимоотношений христианства и мусульманства включает разные страницы – и крестовые походы, и слова эмира Омара: «Мы должны поглощать христиан и потомство наше должно поглощать их потомство до тех пор, пока существует ислам». В целом можно сказать, что, хотя в исламском вероучении можно найти призывы и обоснования религиозной нетерпимости и экстремизма, преобладающей является взвешенная позиция, стремление учитывать уже сложившееся в обществе конфессиональное распределение.

Дореволюционная Россия была по преимуществу православным государством. Однако присоединение в XVI–XVII вв. территорий с исламским, буддистским населением обусловили культурную многоукладность и полирелигиозность. В прямом российском подданстве находились мусульманские народы, проживавшие в Поволжье, Сибири, на Русском Востоке, на Кавказе и в среднеазиатских областях.

⁸⁸ Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. С. 44–69.

Интерес к исламу как «политической силе» в первую очередь был порожден с территориальным расширением и военными походами. Возможно, первым не только в России, но и в западном исламоведении опубликованным научным трудом такого уровня была работа молдавского господаря Дмитрия Кантемира «Книга Систима, или Состояние мохаммеданския религии». Приказом Петра I она была переведена с латыни и впервые издана. На титульном листе книги помещено «напечатался повелением его величества Петра Великого». Сам Д.К. Кантемир родился в Молдавском княжестве, долго жил в Турции, где изучил турецкий и персидский языки, затем принял российское подданство.

Другой связанной причиной, обусловившей интерес к магометанству, стало пополнение империи народами-иноверцами, исповедующими иные религии, нежели христианство.

Первоначально в качестве внутренней политической стратегии было выбрано обращение мусульман в православие. Однако со временем взгляды существенно изменились и число обращений уменьшилось. К XVIII в. «самодержавие значительно охладело к политике обращения мусульман в православие», стало ясно, «что поддерживать ислам может быть выгоднее, чем распространять среди исповедующих его народов православие»⁸⁹. При Екатерине II, сделавшей веротерпимость одной из основ государственной политики, ислам получил права гражданства на территориях компактного проживания мусульманского населения. По указу императрицы в 1788 г. был образован первый мусульманский религиозный центр в Уфе – Оренбургское магометанское духовное управление⁹⁰.

В начале XIX в. был создан специальный Департамент духовных дел иностранных исповеданий, который занимался делами вероисповеданий католического, армяно-григорианского и протестантского, а также духовными делами мусульман, евреев, караимов и ламаистов.

Конфессиональная принадлежность играла большую роль, чем этническая, и определяющим признаком было вероисповедание. Как

⁸⁹ Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. М.: Гос. антирелигиозное изд-во, 1936. С. 16–19.

⁹⁰ Справка. Устройство и структура исламских организаций. С. 136.

следствие, в переписи 1897 г. фиксировались вероисповедание, язык, но не этническая принадлежность. Также и в паспортах, в отличие от советского времени, указывалась не национальность, а конфессиональный признак. Записи о рождении, крещении, вероисповедании родителей делались в метрических книгах, которые вели священники. С первой половины XIX в. это стало относиться не только к православным священникам, но и к мусульманским, католическим, протестантским и иудейским служителям.

Выделяли четыре главные группы мусульман: татарско-башкирскую, кавказскую, киргизскую и среднеазиатскую. По численному составу среди мусульманского населения преобладали татары. Говоря о взаимоотношениях русских и татар, автор отмечает, что «русских татары не чуждаются, если не наталкиваются на презрение к своей вере и не опасаются за ее неприкосновенность»⁹¹. И сейчас и ранее преобладают мусульмане, исповедующие суннитское направление. По данным указанной первой Всеобщей переписи населения 1897 г. в Российской империи насчитывался 13 889 421 магометанин, что составляло 11,06 % от общего числа населения. Среди них общая численность купцов первой, второй и третьей гильдий и членов их семей составила 7 067 человек.

Слабо вмешиваясь во внутреннюю жизнь мусульманских народов, российское правительство не воспрещало мусульманам «оканчивать миролюбиво свои дела» по законам шариата, «особенно в тех случаях, если адат не удовлетворял бы тяжущимся». Однако Государственный совет не признавал заключающиеся в Коране гражданские и уголовные законы священными⁹².

Вместе с тем Российское государство принимало меры к сохранению православного вероисповедания населением. Так, в «Наказе Губернаторам и Воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать» от 12 сентября 1728 г. говорится: «А ежели явятся такие Магометане или другие иноверцы, которые тайно или явно кого из Российских народов в свою веру превратят и обрежут, таких брать и разыскивать, и по розыску, чинить указ по Уложению

⁹¹ Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах.

⁹² Там же. С. 49.

22 главы 24 статьи, а именно: казнить смертью, сжечь без всякого милосердия»⁹³.

Несмотря на то, что во времена конфликтов духовенство обеих сторон называло противников неверными, гяурами, басурманами, однако отсюда едва ли ошибочно заключить, что если мусульманам и христианам невозможно сплотиться в одну веру, то это составляет препятствие для мирной совместной жизни, «особенно, если бы христианское и мусульманское духовенство более указывало своим паствам на сходство в верованиях, нежели на разнь»⁹⁴.

В целом, говоря об отношении к исламу в дореволюционное время, хотелось бы привести выдержку из работы, написанной и опубликованной в несомненно идеологизированное время: «Распространенная до сих пор в литературе и тщательно поддерживаемая мусульманским духовенством версия о преследовании русским самодержавием ислама как религии является ложной. Не имеет оснований она и для того периода, когда русский царизм силой меча покорил татар, узбеков и ряд других народностей, исповедовавших ислам... Самодержавная Россия боролась с неугодной ей организацией мусульманского духовенства, особенно в первое время после подчинения тех народов, которые исповедовали ислам. Но борьба эта не имела характера борьбы против мусульманской религии и ее представителей, а была борьбой против старого мусульманского управленческого аппарата, не желавшего мириться с русским господством»⁹⁵.

Отношение к иноверцам

Если обратиться к истории, то следует отметить, что население арабских городов было смешанным и в социальном, и в конфессиональном, и в этническом плане: «купцы и ремесленники, мусульмане и христиане, арабы и евреи жили бок о бок не только в соседних домах, а даже в соседних квартирах и комнатах. Но все

⁹³ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор вводной ст. Д.Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. С. 43.

⁹⁴ Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. С. 10–11.

⁹⁵ Климович Л. Ислам в царской России. С. 11–12.

же существовала тяга к себе подобным»⁹⁶. Такая тяга сохранилась и в дальнейшем в виде кварталов, сформированных на основе профессиональных занятий.

Как правило, мусульмане никого не принуждали к принятию ислама. Это объясняется причинами, имеющими религиозный и экономический характер. С одной стороны, так сложилось исторически, что христианство, иудаизм и ислам относятся к авраамическим религиям и имеют общие корни. В исламе признаются предыдущие Пророки и их Книги. Как следствие, «христианским и иудейским народам» в разные времена и в разной мере дозволялось сохранять свою веру: «Нет принуждения в религии» (2:256) и «Кто хочет, тот останется неверным» (18:29). Аналогичное предписание присутствует и в современных религиозных документах – Каирской декларации (Статья 10) и «Основных положениях социальной программы российских мусульман», в которых говорится о запрещении использования любых методов принуждения для обращения кого-либо в другую веру или навязывания атеистических убеждений. На территориях массового распространения ислама на иноверцев смотрели «как на покровительствуемых союзников мусульман». В Суре «Мумтахина» говорится: «Аллах запрета не дает вам доброту и справедливость проявлять к тем людям, кто за вашу веру с вами не сражался, не изгонял из дома вас – поистине Он любит справедливых!» (60:8). Иными словами, насильственное обращение в свою веру, навязывание своих религиозных норм отрицается.

С другой стороны, отношение мусульман к иноверцам носило достаточно утилитарный, прагматичный характер. Для христиан и иудеев был введен дополнительный налог за сохранение веры (джизья), который в значительной мере формировал государственные доходы. На них накладывались поголовная подать и поземельный налог, помимо этого вводились «значительные натуральные повинности по содержанию расположенных в крае войск». Закономерно, что массовые обращения в ислам были экономически невыгодны и вызывали беспокойство. Так, администратор омайядского халифа Омара писал: «Если в Египте дела пойдут и далее, как идут они теперь, то христиане сделаются все без исключения мусульма-

⁹⁶ Очерки истории арабской культуры (V–XV вв.). С. 197.

нами и государство лишится тогда всех доходов своих». Достоин всяческого уважения ответ Омара: «Я считал бы для себя великим, если бы и все христиане обратились к исламу, потому что Бог послал пророка своего для исполнения призвания апостола, а не какого-нибудь сборщика податей»⁹⁷.

Вместе с тем в исламе существуют ограничения, накладываемые на степень межконфессиональной близости: так, женщины-мусульманки не имеют права выходить замуж за иноверцев. Или, по-другому, иноверцу не позволительно жениться на мусульманках. Отказ от ислама рассматривается как тяжкое преступление.

⁹⁷Гаури И. Ислам в его влиянии на жизнь его последователей. С. 247–248.

Раздел II
**ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО
И ИНОЭТНИЧНЫЕ МИГРАНТЫ –
СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

Глава 1
Описание эмпирической базы исследований

Организация и процедура опроса. Выборка исследований

Выборка исследований

Не претендуя на полноту и всесторонность, что сложно по определению, позволим себе поделиться некоторыми впечатлениями от процесса организации и проведения опроса.

Опрос мигрантов – дело непростое. Опыт показал, что руководители предприятий стараются не нарушать налаженный ритм и режим работы и избегают присутствия посторонних людей, тем более социологов. Это вполне объяснимо, и мы с уважением и пониманием относимся к законному праву работодателей не прерывать производственный процесс. Среди других аргументов отказа в проведении опроса заявления примерно такого характера: «мигранты у нас не работают». В то время как и по данным Управления Федеральной миграционной службы, и по неофициальным данным они числятся и действительно работают.

В некотором смысле показательной оказалась ситуация на одном из крупных предприятий г. Новосибирска. Служба персонала предварительно попросила текст анкеты, на что, кстати, имеет полное право – администрация вправе знать, о чем будут спрашивать ее работников. Однако в ходе опроса выяснилось, что с вопросами анкеты ознакомилось не только руководство, но и потенциальные респонденты – каждый мигрант держал при себе распечатанную ранее анкету, на которой было написано имя опрашиваемого и карандашом выделены варианты нужных ответов. На наш вопрос руководитель подразделения ответил, что «анкеты были розданы ра-

ботникам для ознакомления и каждый заранее отвечал сам». Занятно, что ответы во всех анкетах были одинаковыми. К примеру, все ответили, что на работе у них нет дискриминации, что никто не ущемляет их прав и чувства самоуважения, а условия труда и жизни в Новосибирске на порядок лучше, чем на Родине. После окончания опроса представитель предприятия отметил, что исследователи теперь имеют возможность убедиться в том, что все работники думают одинаково и, несмотря на большое число работающих мигрантов, смысла опрашивать кого-то еще нет. Мы полностью с ним согласились – было очевидно, что результат будет тем же. Надо полагать, что в данном случае работодатель, по тем или иным причинам, не хотел показывать реальную картину. Однако это единственный, исключительный случай.

Вторая сложность была связана с самими мигрантами, в частности их языковыми навыками. Не все опрашиваемые знают русский язык в достаточной мере. В случаях хорошего владения русским языком заполнение анкеты респондентами проводилось самостоятельно. В ситуациях низкой языковой компетенции приходилось обращаться к землякам, хорошо владеющим русским языком, с просьбой о переводе или дополнительном объяснении. Полагаем, что, так как это носило эпизодический характер и переводчиками-толмачами выступали разные люди, это не внесло статистически значимых искажений в полученные результаты. Хотелось бы заметить, что за время проведения исследования мы ни разу не столкнулись с нежеланием или тем более отказом мигрантов, хорошо знающих русский язык, помочь своим соотечественникам понять задаваемый вопрос и сформулировать свое мнение. Помимо этого, проведя «работу над ошибками», мы просили (и работники служб персонала шли нам навстречу) приглашать на опрос только тех, чье знание русского языка является достаточным. Условия проведения опросов и интервью для мигрантов были привычными. Преимущественно это предприятия, на которых они работают, общежития, в которых живут. Специфика опрашиваемого контингента и затрачиваемое на опрос время (в среднем около 40 минут на респондента) обусловили необходимость привлечения большого числа интервьюеров-социологов. В целом хочется отметить, что, несмотря на сложности и для интервьюеров, и для самих мигрантов, большей

частью люди с готовностью отвечали на вопросы, им было приятно, что кроме миграционной службы и полиции ими интересуется кто-то еще.

Сразу отметим, что жесткой миграционной статистики не ведется, поэтому говорить о репрезентативности выборки можно весьма условно. Достоверность полученных результатов обеспечивалась методическим инструментарием, большим числом и разнообразием мест и условий проведения опроса и соответствующим им разнообразием групп опрашиваемых мигрантов.

Для выявления и отслеживания динамики происходящих изменений часть вопросов входила в обе анкеты для мигрантов – 2009 и 2013 гг. Близость результатов, полученных в обоих исследованиях, позволяет рассчитывать на их дескриптивное соответствие протекающим процессам.

Общее число официально зафиксированных мест опроса – заводов, комбинатов, строительных фирм, торговых предприятий и других учреждений – 24: в 2009 г. – 10, в 2013 г. – 14. Помимо этого, часть мигрантов опрашивалась в средних школах после родительских собраний, в офисе, оказывающем услуги перевода и юридические консультации, в кассе по продаже авиабилетов. Исходя из этого можно говорить, что охват сфер занятости мигрантов и их социальных характеристик вполне реален и представлен.

Наряду с опросом непосредственно мигрантов было проведено экспертное интервьюирование сотрудников Управления Федеральной миграционной службы, активных членов национальных общин. Отдельно были проведены глубинные интервью-беседы с руководителями и активными членами национально-культурных автономий, организаций и мигрантских сообществ. Дополнительно в качестве экспертов были проинтервьюированы представители администраций средних школ и работники средств массовой информации.

Опрос мигрантов – исследования 2009 и 2013 гг.

Первый этап работы включал два крупных опроса мигрантов, проживающих в двух городах Новосибирской области – областном центре и Бердске. Выбор Новосибирска обусловлен тем, что он обладает развитой структурой производства, строительства и сферы

услуг. Бердск, будучи небольшим городом, практически городом-спутником, в силу целого набора факторов также является миграционно привлекательным. В составе его населения много приезжих из Средней Азии.

Выборка распределялась не в целом по мигрантам из Средней Азии, проживающим в Новосибирске, это потребовало бы большого массива, чтобы получить статистически представительные данные по всем этногруппам. Найти способы определения квот по таким группам мигрантов не просто из-за отсутствия точной информации и значительной доли нелегальной миграции. В нашем исследовании использовался анкетный опрос на мигрантоемких предприятиях города. Для опроса иноэтничных мигрантов использовались места концентрации данной категории населения, что является признанной практикой в подобных исследованиях. Полученные данные по представителям Таджикистана, Узбекистана и Киргизии дают достаточный материал для отражения мнения мигрантов-мусульман по вопросам их интеграции. Исходя из общероссийских статистических данных, выборку можно считать репрезентативной по основному этническому составу мигрантов-мусульман из среднеазиатских стран.

Объем выборки. Полагаем, что первую очередь необходимо понимать кто, откуда, зачем и на какое время к нам приезжает. Весной 2009 г. было опрошено (частично проинтервьюировано) 190 человек. Летом 2013 г. выборка была дополнена данными опроса еще 363 мигрантов. В соответствии с задачами исследования акцент был сделан на наших бывших соотечественниках – выходцах из республик Средней и Центральной Азии.

Место жительства. В 2009 г. распределение мигрантов по своему предыдущему месту жительства было следующим: Киргизия – 40 %, Узбекистан – 26 %, Таджикистан – 16 %, Азербайджан – 10 %, Казахстан – 4 %. В 2013 г. наибольшее число опрошенных респондентов приехало из Таджикистана – 35 %, из Киргизии и Узбекистана – по 26 %. Выходцев из Казахстана и Армении в выборочной совокупности оказалось немного – по четыре процента. Основные сравнительные социально-демографические характеристики опрошенных представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Половозрастной состав, уровень образования,
семейное положение мигрантов
и представителей принимающего общества, %**

Социально-демографические характеристики опрошенных	Мигранты, 2009 г.	Мигранты, 2013 г.	Принимающее общество, 2014 г.
Пол			
Мужской	71	67	37
Женский	30	33	63
Возраст			
До 20 лет	6	6	12
20–29 лет	50	37	24
30–39 лет	22	31	21
40–49 лет	20	20	22
50–59 лет	2	5	12
60 и старше	0	0,3	9
Уровень образования			
Начальное	0	2	0
Неполное среднее	9	11	1
Полное среднее (10–11 классов)	37	40	9
Профессионально-техническое и среднее специальное	32	25	16
Высшее и неполное высшее	22	21	73
Предыдущее место жительства			
Таджикистан	16	35	–
Узбекистан	26	26	–
Киргизия	40	26	–
Азербайджан	10	2	–
Казахстан	4	3	–
Армения	0	5	–
Другое	2	3	–
Семейное положение			
Женат (замужем)	70	71	66
Не женат, не замужем	30	28	32
Другое	0	1	2
Наличие детей			
Есть дети	44	63	53
Нет детей	56	37	47

Пол. По результатам обоих исследований среди мигрантов преобладают мужчины, что совпадает с данными миграционной службы. В 2009 г. доля респондентов-мужчин составила 71 %, в 2013 г. – 67 %. Как отметил один из экспертов, «в последние несколько лет появилась тенденция, что сюда едут и женщины. Обычно женщины едут сюда вместе со своими мужьями, тогда они нацелены на то, чтобы остаться здесь жить».

Возраст. Наблюдается явное преобладание людей молодого и среднего возраста. В 2009 г. все опрошенные были активного трудоспособного возраста – до 50 лет включительно. В 2013 г. возрастные характеристики распределились в следующем диапазоне – от 20 до 39 лет 69 %, от 40 до 49 лет 20 %. Тех, кому больше 50 лет, менее шести процентов. Возрастное разделение подтверждает – к миграции, тем более трудовой, более склонны люди молодые. Причины этого прозрачны – поиск лучшей доли, отсутствие перспектив и приемлемо оплачиваемого даже низкоквалифицированного труда в собственных странах.

Семейное положение. Несмотря на молодость, значительная часть мигрантов имеет свои семьи и детей. По результатам опроса 2013 г. почти 57 % наших респондентов имеют более двух детей. С учетом того, что большинство из них еще молодые люди, можно ожидать, что семьи будут более многодетными. Доля приехавших сразу вместе со своей семьей или привезших ее позже составила чуть более трети. Еще 9 % опрошенных мигрантов в будущем планируют перевезти свою семью в Россию. Тех, кто не строит планов по смене места жительства своих родных, 29 %.

Типы поселений проживания мигрантов до приезда в Россию

С точки зрения типов поселений, в которых до приезда в Россию жили мигранты, мы наблюдаем достаточно обычную картину миграции последних лет, когда активно мигрирует не только городское, но и сельское население некогда бывших советских республик. Вместе с тем говорить о преобладании потоков из городской или, напротив, сельской местности оснований нет. По результатам обоих исследований разделение оказалось довольно сбалансированным – процент приехавших из городской и сельской местности (деревень,

аулов, кишлаков) распределился практически поровну. Небольшим отличием стало то, что по сравнению с 2009 в 2013 г. выявилось незначительное, но возможно симптоматичное увеличение числа приехавших из сельской местности.

Причины приезда

По результатам обоих исследований среди причин приезда преобладают экономические цели – едут «на заработки». Потребность «обеспечить себя и свою семью» из предложенного списка причин оказалась доминирующей – в 2009 г. ее указали 75 %¹. В комментариях мигранты отмечали, что «нужно поднять детей», «отработав здесь 5–6 месяцев, можно сыграть свадьбу, построить дом», что тяжелые условия в семье, а он хочет «помогать маме, которую любит».

Подталкивающей к размышлению оказалась разная значимость этого фактора среди выходцев из городской и сельской местности. Если среди горожан на него сослались около 60 % опрошенных, то среди селян до 90 % (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Каковы причины Вашего отъезда с прежнего места жительства?», 2009 г., %

Причины отъезда	Сельское население	Городское население	Всего
Необходимость обеспечить себя и свою семью	89	61	75
Ведение бизнеса, торговли в России	4	14	9
Получение образования самому, дать образование детям	8	30	20
Изменение семейного положения (замужество, женитьба)	16	4	10
Усложнение политической ситуации, несогласие с проводимой политикой	2	6	4
Потребность в безопасности – военные, межнациональные, межконфессиональные конфликты	1	0	0,6
Другие причины	1	2	2

¹ Вопрос был неальтернативным и допускал несколько вариантов ответов.

Важным по значимости стало приятное, льющее на душу балзам желание «получения образования» как самими респондентами, так и их детьми (19,6 %). Однако из сельских районов на учебу приезжает существенно меньшая доля мигрантов. Можно предположить, что экономическая ситуация в сельской местности республик не становится более благоприятной и диапазон материальных, трудовых и образовательных возможностей как минимум не расширяется.

В силу сложившейся относительной социально-политической и экономической стабильности политические мотивы, причины, связанные с межэтническими или межконфессиональными конфликтами, на период проведения опросов оказались не значимыми. Как следствие, миграционные перемещения носят преимущественно не массовый, а индивидуальный и групповой характер.

Среди причин приезда именно в Россию – некогда общее языковое пространство, как следствие, отсутствие языковых барьеров, знание местных законов и норм, безвизовый режим въезда и, наконец, общая история: «потому что знаю язык», «в Россию приехал, потому что уважаю русских. В Узбекистане моим начальником был русский, помогал мне», «приехал, потому что здесь служил», «пригласили друзья-однополчане». «В Россию уехать проще чем, например, в Европу – не надо большого количества денег, виз и т. д. Поэтому обычно это выглядит так: человек захотел уехать на заработки, собрал вещи, сел в автобус и уехал. Все. Для этого обычно даже не надо денег: наши шоферы людей везут в долг, а потом, когда они заработают, долг отдают». Миграционная привлекательность России связана и с упрощенной системой регистрации и получения легального статуса. Как отметил один из опрошенных, «в России гораздо проще остаться. Тут ты приезжаешь, и тебе дается две недели на то, чтоб сделать патент. Не скажу, что для этого требуется много сил... Людям проще сделать все и не бояться выдворения». О позитивных изменениях введения патентов нам говорили и в Министерстве труда, занятости и трудовых ресурсов Новосибирской области.

Тип приезда – планируемая продолжительность пребывания

Современному обществу свойственно возрастание неопределенности, снижение возможностей человека контролировать свою жизнь. Согласно З. Бауману, нарастающая неопределенность является естественным способом существования человека. Возможно, к мигрантам это относится еще в большей степени, чем к другим людям.

Материалы исследований не позволяют говорить об изначальном планировании безвозвратной миграции. Большая часть опрошенных (51,4 % в 2009 г., 62 % в 2013 г.) свой приезд рассматривает как временное нахождение на российской территории, связанное в том числе с учебой и сезонной работой (в основном с апреля по октябрь). Приезжают на 3–6 месяцев – «только на время сезонной работы», но каждый год.

Забегая вперед, отметим, что ориентация мигрантов на маятниковую миграцию, на временное пребывание снижает их мотивацию на изучение русского языка, освоение и соблюдение российских норм, интеграцию в целом. Перспектива скорого возвращения домой создает ощущение непрерывности привычного культурного и религиозного контекста, ведет к устойчивому воспроизводству принятых в стране исхода норм в новом для них социокультурном пространстве.

О намерении остаться на постоянное местожительство сообщили 41,4 % мигрантов в 2009 г. и 32,2 % в 2013 г.: «в Таджикистан возвращаться пока не планирую, если все будет нормально», «мечтаю жить в России». Наряду с этим следует учитывать высокий уровень неопределенности, заложенный в ситуацию межгосударственной миграции по определению. Приезжая «на один год», «на 3–5 лет», «до 2013 года», сами респонденты пишут, что «приезжал на один сезон, но скоро будет один год», «жил здесь полгода, потом на 3 месяца уехал там, потом вернулся». Зачастую опрашиваемые сами не знают, как сложится, насколько стабильна и оплачиваема будет их работа: «пока будет работа», «сколько будет работы», «на работу, на долгое время». К примеру, человек пишет «только на время сезонной работы», потом зачеркивает «сезонной» и чуть позже приписывает «потом решу». Другой респондент отме-

чает «на сезон», но далее говорит, что «думает, что, может, останется на ПМЖ». Иначе говоря, человек может планировать остаться, но будет вынужден вернуться, и напротив, были случаи, когда, приехав на сезон, люди оставались и укоренялись. В целом низкий уровень уверенности в своем потенциальном социально-экономическом благополучии не позволяет строить долгосрочные планы – «на неопределенное время». Как отметил один из приехавших, «как захочет Бог». Семьи перевозят преимущественно те, кто имеет достаточную квалификацию, определился с работой и получает постоянный доход.

Уровень образования

Весьма актуальным в рассмотрении вопросов миграции является тема культурного, профессионального и образовательного уровня приезжающих. Остановимся на образовательном факторе. В силу определенных причин образовательный уровень большинства мигрантов, въезжающих на территорию России, кстати и Европы тоже, является низким даже по меркам невзыскательного эксперта и существенно снизившегося качества современного российского образования.

Несмотря на то, что по результатам наших исследований доля приезжих с высшим образованием остается стабильной – на уровне 20 %, есть основания считать, что она будет снижаться. Среди причин потенциального снижения – выбывание людей среднего возраста, получивших образование еще в советское и раннее постсоветское время. Проблема усугубляется одновременным увеличением доли мигрантов, имеющих начальное и незаконченное среднее образование. Если в 2009 г. она составляла 9 %, то в 2013 г. – уже 14 %. Среди приезжих есть и те, кто «ноль классов» закончили, « всю жизнь не учился ». Невыгодным отличием приезжающих мигрантов из сельской местности является их уровень образования. По сравнению с горожанами среди них почти на 20 % больше тех, кто имеет только среднее и ниже среднего образование. При общем снижении качества образования, особенно применительно к тем, кто учился в сельской местности – аулах и кишлаках, такой изначально низкий уровень подготовки не позволяет рассчитывать на освоение мигрантами

высококвалифицированного труда. Отметим, что одновременно наблюдается снижение (на 6 %) притока специалистов, получивших профессионально-техническое (профессиональное училище) или среднее специальное (техникум) образование.

Для принимающей страны, то есть для нас, – это минус. С учетом оттока из России преимущественно квалифицированного и образованного населения, исходя из образовательного критерия въезжающих, происходит некачественное пополнение и замещение населения. Прибывающих мигрантов еще нужно учить.

Подобные обстоятельства формируют сегодняшнюю и влияют на завтрашнюю структуру занятости приезжих, создают принципиально новую ситуацию на локальных рынках труда.

Трудовая занятость

Работают или учатся большинство опрошенных. Незанятость оставшихся носит временный характер и связана с такими причинами, как нахождение в декретном отпуске, поиск работы, ожидание разрешения на работу, занятость в личном подсобном хозяйстве – «держит хозяйство». Основными сферами занятости мигрантов, как и по результатам прошлого исследования, являются строительство, сфера услуг, общественное питание, торговля, транспорт и связь, жилищно-коммунальное хозяйство. Выросло число занятых на транспорте и в промышленности (табл. 3).

Профессиональная деятельность мигрантов фокусируется преимущественно в сфере низкоквалифицированной занятости. Среди называемых профессий – арматурщик, продавец, водитель, выбивальщик отливок, газорезчик, грузчик, дворник, закройщица, каменщик, карщик, кондитер, кондуктор, маляр, мастер по ремонту обуви, монтажник по вентиляции, кладовщик, повар, занятость в клининговых службах – техничка, уборщица и другое. Наряду с этим – машинист мостового крана, кассир в авиакассе, косметолог, директор фирмы, менеджер по продажам, менеджер по охране труда, бригадир, электрик, кредитный специалист, занимаюсь переводами, учусь.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«В какой сфере Вы сейчас работаете?», %**

Сфера деятельности	Принимающее общество, 2014 г.	Мигранты	
		2009 г.	2013 г.
Промышленность, энергетика	4	11	11
Транспорт, связь	7	3	7
Строительство	5	25	33
Предпринимательство, свое дело	4	5	2
Здравоохранение, медицина	3	1,5	0,3
Сельское хозяйство	1,7	1,5	1
Образование и воспитание	19	3	1
Жилищно-коммунальное хозяйство	0,2	2	1
Наука, преподавание в высшей школе, культура, искусство	6	6	0
Финансовые институты, недвижимость, страхование	–	0,5	–
Аппарат государственного управления	8	0,5	0
Бытовое обслуживание, парикмахерские, общественное питание	8	25	9
Торговля	8	14	12
Армия, милиция, охрана, юридические службы	1	1	1
Другое	11*	2	5**
Я сейчас не работаю	15	–	17,9

* Варианты ответов «другое» для принимающего общества: HR менеджер, IT-специалист, авиационная промышленность, администратор, аппарат президиума СО РАН, банк, журналистика, информационные технологии, разработка сайтов, информационные услуги, коллекторское агентство, в декрете, телекоммуникационная компания, маркетинговые исследования, менеджер-маркетолог, недвижимость, обслуживание организаций, охранник, переводчик, программирование, проектирование, проектирование домов, психологический центр коррекции веса (администратор), птицеводство, редактор-корректор (подработка), реклама, промоутер, ремонт бытовой техники, сбербанк, секретарь, СМИ, сотовая связь, социальная служба, соцопросы, спорт, студия красоты, сфера услуг – фитнес, токарь, уборщица, физическая культура и спорт, фотография, ФСИН, эколог-инженер.

** Варианты ответов «другое» для мигрантов: для работы документы собираю; не работаю, мужу помогаю; учусь в вузе.

Исходя из сравнения данных о профессиональной занятости мигрантов, полученных нами в 2009 и в 2013 гг., можно говорить о наметившейся тенденции восходящей профессиональной мобильности приезжающих. Приезжие все чаще появляются среди квалифицированного обслуживающего персонала: водителей, продавцов, врачей. Косвенно об этом говорят и ответы на вопрос о предпочтительной сфере занятости и месте работы: аппарат государственного управления, армия, милиция, юридические службы, бизнес, технолог, в международной организации, в налоговой, в полиции, в энергетике инженером, в университете, гидом или преподавателем, врачом, учителем и др.

Хотелось бы добавить, что среди ответов на вопрос о том, где и кем хотели бы работать, прослеживается установка на труд по уже имеющейся специальности. В наибольшей степени это характерно для мигрантов, имеющих высшее образование.

Особенностью сложившейся профессиональной занятости приезжих является то, что мигранты даже с высоким уровнем образования и квалификации не могут устроиться по специальности, вынуждены соглашаться на любую работу и заниматься низкоквалифицированным трудом. По оценке одного из привлеченных экспертов «до 90 % людей с высшим образованием работает здесь не по специальности и на более низких должностях». Но если стоит задача прокормить семью, то «работать дворником в таком случае – это не зазорно». Приведем одну из историй, позволяющих говорить о непростой, но успешной карьере. «Я учился в Ленинграде на филолога, а в Таджикистане работал заведующим кафедрой в университете. Но когда моего оклада не стало хватать даже на мешок муки, я понял, что больше так нельзя. В Россию я приехал в 1997 году, бросив все. Здесь я торговал на базаре, работал дворником, разнорабочим, охранником, зимой чистил крыши, даже помойные ямы копал. Но когда у тебя есть высшее образование, ты стараешься заняться чем-то большим. Так я из дворника перешел в таксисты, где проработал 6 лет. Потом я организовал свою строительную бригаду, а потом начал заниматься правозащитными делами и открыл филиал в Бердске. В прошлом году, когда Президент принял концепцию о трудовых мигрантах, в тот же день мы с директором “Правозащитного центра таджикистанцев” начали

работать над учебниками. В течение трех месяцев я разрабатывал учебный материал, потом мы запустили курсы изучения русского языка. Мы были первыми, и вся Россия узнала о нас. Нас отправили на курсы повышения квалификации в Москву, и теперь мы имеем право тестировать на знание русского трудовых мигрантов и тех, кто хочет получить гражданство. 13 марта 2013 г. мы открыли в Новосибирске филиал международного центра тестирования и ведем работу. Так только спустя годы у меня появилась возможность заниматься наукой». Полагаем, что на сегодня это скорее редкий, нежели заурядный случай.

Негативной тенденцией, отмеченной экспертами, но не получившей пока статистического подтверждения, стало снижение трудовой мотивации мигрантов. Складывается в некотором роде нелогичная ситуация: при падении образовательного и профессионального уровня въезжающих растет их избирательность по отношению к будущему месту и условиям занятости, оплате труда, снижается желание работать, во всяком случае на предлагаемых условиях. Одновременно увеличилась доля неработающих на момент опроса. Как безработные себя определили 5,5 % мигрантов.

Полагаем, что это, с одной стороны, может рассматриваться как показатель позитивной социальной адаптации мигрантов, с другой – как иллюстрация профессиональных амбиций и профессиональной нереализованности приезжих.

Опрос принимающего общества – исследование 2014 г.

В качестве второго этапа исследования был запланирован опрос взрослого населения г. Новосибирска, который и был проведен весной 2014 г. Объем выборки составил 601 человек. Поскольку в целях исследования опрос принимающего населения запланирован с акцентом на основные группы – агенты социализации и инкультурации, влияющие на отношение населения к различным сторонам общественной жизни, в том числе мигрантам (работники сферы образования, управления, СМИ), то выборочная совокупность опрошенных имеет сдвиг по полу в сторону большей доли женщин, чем в целом по Новосибирску. Для целей нашего исследования мы провели процедуру взвешивания выборки по полу. По

данным Новосибирскстата² на 2010 г. в городе мужчин 46 %, женщин 54 %. В массиве опрошенных в 2014 г. новосибирцев мужчин 37 %, женщин 63 %. Взвешивание производилось на основе весовых коэффициентов, рассчитанных по параметру пола процедурой «взвесить наблюдения».

Основные социально-демографические характеристики опрошенных представлены в табл. 1. В соответствии с задачами исследования опрос принимающего общества Новосибирска был сфокусирован на трех основных группах – работниках образования, управленческой сферы и молодежи. Выбор первых двух групп обусловлен их объективной ролью в формировании отношения к различным сторонам общественной жизни, в том числе к мигрантам. Молодежь интересна с точки зрения ее сегодняшней социальной активности и потенциальной роли в обществе в ближайшие десятилетия. Как следствие, получаемые результаты позволяют говорить о складывающихся в обществе тенденциях.

Практически лишним считаем упоминание о том, что опросы и мигрантов, и принимающего общества были анонимными.

Необходимость внешних мигрантов для России

Сравнивая оценки необходимости привлечения мигрантов местным населением и самими мигрантами, отметим, что было зафиксировано определенное совпадение взглядов. Превалирующей позицией является мнение о необходимости нормативно-правового регулирования миграции: «мигранты нужны, но этот процесс должен регулироваться» (табл. 4). Далее консенсус взглядов терпит провал. Разница в частоте выбора варианта ответа «да, мигранты обязательно нужны» составила 16 раз. В отличие от принимающего общества, среди приезжих не было ни одного человека, который посчитал, что российская экономика не нуждается в мигрантах.

² Городское и сельское население Новосибирской области по полу // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области (официальный сайт). Перепись 2010 г. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, нужны ли России мигранты из Средней Азии?», %

Вариант ответа	Мигранты, 2009 г.	Принимающее общество, 2014 г.
Да, мигранты обязательно нужны	41	3
Мигранты нужны, но этот процесс должен регулироваться	59	69
Нет, мигранты России не нужны	0	28

Приведем некоторые комментарии местного населения: «мигранты должны быть трудоустроены либо иметь какую-то другую конкретную цель приезда, в противном случае нужно запретить въезд» (муж., 21 год); «чтобы миграция была выгодна для нашего государства, нужно правильно контролировать ее размер и трудовые навыки мигрантов. Желательно стремиться предоставлять доступ в страну мигрантам с теми профессиями, которые требуются для нашего государства в конкретное время. И год от года регулировать этот процесс» (муж., 42 года). Новосибирцы осознают, что «в миграции есть свои плюсы, приезжие соглашаются работать там, где большинство русских никогда не станут работать».

Наряду с этим: «мигранты вытесняют российских работников, так как готовы работать за низкую зарплату, нелегально и жить в плохих квартирных условиях»; «мигранты увеличивают рост преступности и коррупции».

Мнения о мигрантах

Как самим мигрантам, так и местному населению было предложено высказать свой взгляд на роль мигрантов в российском обществе. Сразу отметим, что принимающее общество среднеазиатских мигрантов этнически и культурно не дифференцирует, все они просто «гастарбайтеры». Из предложенного списка можно было выбрать несколько вариантов соображений (табл. 5). Наиболее распространенной точкой зрения стало то, что мигранты работают там, где не хочет работать местное население, что, как мы уже показали, в значительной степени отвечает реальности. Дальнейшее

сравнение оценок мигрантов и принимающего общества обнаруживает существенные расхождения. Единственным пунктом, в котором мнения совпали, было то, что благодаря мигрантам завозятся более дешевые продукты и товары.

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«С какими из нижеперечисленных мнений о мигрантах
Вы согласны?», %**

Вариант ответа	Мигранты, 2009 г.	Мигранты, 2013 г.	Принимающее общество, 2014 г.
Они работают там, где не хочет работать местное население	71	65	75
Занимаются незаконным бизнесом	6	8	32
Дешево и качественно ремонтируют квартиры	44	39	21
От них антисанитария и болезни	1	3	26
Привносят в жизнь национальное и культурное разнообразие	22	26	12
Обостряют межнациональные отношения	11	7	37
Благодаря им завозятся более дешевые продукты и товары	29	19	18
Из-за них растет преступность	2	3	32
Торгуют наркотиками	3	2	28
Пополняют население специали- стами, квалифицированными кадрами	21	24	3
Другое	3	5	–

Среди часто звучащих упреков в адрес иноэтничных мигрантов и причин социального недовольства местного населения – реальная или мифическая криминальная деятельность приезжих, их вовлеченность в теневой бизнес. Формирование противоправных, преступных групп на основе общего или этнически близкого происхождения ее лидеров и основного национального состава породило появление понятия «этническая преступность», которое используется в профессиональной терминологии силовых структур.

На связь мигрантов с незаконным бизнесом указали 32,2 % респондентов. Однако в значительной степени это является производным от неготовности принимающего общества интегрировать приезжающих на взаимоприемлемых условиях. Взаимодействия местных и приезжих исходно не являются паритетными, что отчасти вполне закономерно и объяснимо, особенно в первые годы после приезда. Важно, чтобы изначальное неравенство не стало толчком к вынужденному уходу в сферу неправовых и криминальных отношений.

Дальнейший анализ показал наличие выраженной корреляции между оценкой необходимости мигрантов и отношением к ним (табл. 6). В группе респондентов, считающих, что мигранты России

Таблица 6

Связь оценки необходимости мигрантов и отношения к ним

Необходимость мигрантов	Привносят национальное и культурное разнообразие	Обостряют межнациональные отношения	Благодаря им завозятся более дешевые продукты и товары	Из-за них растет преступность	Торгуют наркотиками	Пополняют население квалифицированными кадрами
Да, мигранты обязательно нужны	20	13	40	27	7	13
Мигранты нужны, но этот процесс должен регулироваться	14	30	20	22	20	4
Нет, мигранты России не нужны	4	59	12	58	49	0

не нужны, минимальные оценки как культурного вклада мигрантов (привносят национальное и культурное разнообразие), так и экономического (умение дешево и качественно ремонтировать квартиры, обеспечивать местное население более дешевыми продуктами и то-

варами, пополнять его специалистами и квалифицированными кадрами). Одновременно, по сравнению со считающими, что мигранты нужны, в этой группе наблюдается преувеличение негативных последствий миграции. Это относится к состоянию межнациональных отношений, качеству санитарных условий и уровню привносимых заболеваний, распространению преступности и торговли наркотиками. Вместе с тем еще раз подчеркнем, что во всех группах принимающего общества есть осознание, что «они работают там, где не хочет работать местное население».

Современная глобальная экономика подразумевает комбинирование различных способов организации производственного процесса – активное привлечение иностранных рабочих с их территориальным перемещением, вынос производства в другие страны. В силу необходимости разделения труда, в том числе международного, набор востребованных компетенций рабочей силы может быть разным. Постановка вопроса немного в другой плоскости, не о том, нужны ли нам мигранты или не нужны, а о том, кто, какие именно нужны, позволяет говорить, что задача в изменении «качественных» показателей и привлечении квалифицированных рабочих и специалистов.

*Согласие местного населения выполнять работу,
которую делают мигранты*

Не секрет, что пока приезжие заполняют преимущественно рынок краткосрочных, неквалифицированных работ. Высокий уровень неприятия миграции из Средней Азии логически должен означать способность российского общества решать проблему трудовых ресурсов самостоятельно, в том числе готовность местного населения выполнять работу, которую сегодня делают мигранты. Однако, по нашим данным, согласны ее делать только 13 % опрошенных (табл. 7). Доминирующей позицией является «если заставят обстоятельства» (61 %). Еще 8,1 % выбрали вариант полного и однозначного несогласия «нет, не согласился бы». Если говорить о долгосрочной перспективе, то очевидно, что структурные последствия решения проблемы нехватки трудовых ресурсов за счет использования неквалифицированного труда мигрантов могут

иметь неоднозначные последствия для развития российской экономики в целом. В частности, сохранение высокой доли низкопроизводительного труда.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Согласились бы Вы выполнять работу, которую делают мигранты?», %

Да	13
Если заставят обстоятельства	61
Думаю, что нет	18
Нет, не согласился бы	8

Обратимся к связи между оценкой необходимости миграции и согласием местного населения выполнять работу, которую делают мигранты. Показательно, что среди считающих, что мигранты не нужны, тем не менее только 16,4 % согласились бы делать работу, выполняемую приезжими. При этом каждый десятый однозначно не согласился бы на ее выполнение. Еще 58,2 % высказавшихся против мигрантов новосибирцев выразили такую готовность только в случае, если заставят обстоятельства. На этом фоне заявления о ненужности мигрантов выглядят несколько непродуманными и безответственными, не предлагающими другой альтернативы.

Негативное отношение принимающей стороны иногда ничем не спровоцировано, существует само по себе: «просто лицо мне твоё не нравится». Иными словами, негативный стереотип сформировался ранее.

Ущемление прав. Дискриминация

Весьма устоявшимся является представление об ущемлении прав мигрантов, отсутствии у них каких-либо социальных гарантий и низкой оплате труда. Наиболее распространенными формами дискриминации являются ограничение доступа к отдельным видам работ и сферам занятости, более низкая оплата труда и его худшие условия по сравнению с местным населением. Как отметил представитель Управления Федеральной миграционной службы, «отсутствие свободного доступа к рынкам труда, правам в сфере труда, социальной защите и социальному диалогу – российские реа-

лии, с которыми сталкивается большинство трудовых мигрантов». Мы попытались понять восприятие ситуации самими мигрантами, в связи с этим им был задан вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с ущемлением ваших прав по сравнению с местным населением? В чем это проявлялось?» Полученные результаты оказались несколько неожиданными для нас – большинство респондентов ответило, что с дискриминацией, ущемлением своих прав не сталкивалось. Это относилось и к продолжительности, и к условиям, и к оплате труда. Только пятая часть опрошенных ответила, что им «платили меньше, чем другим работникам, хотя работал также» (табл. 8). Для сравнения данный вопрос, но с некоторыми закономерными корректировками, предлагался представителям принимающего общества. За исключением только одной сферы – религиозной (запреты на ношение религиозных символов, соблюдение религиозных предписаний) – местное население чаще отмечало, что встречалось с ущемлением своих прав. Так, одной из причин большей продолжительности труда респонденты называли служебные и личные особенности – «из-за моей должности и мягкого характера». Говоря о пренебрежении к личности и принижении чувства собственного достоинства, представители принимающего общества резонно замечают, что «все такое испытывают иногда». Исходя из этого складывается довольно парадоксальная, и даже нелепая ситуация – принимающее общество более дискриминировано, чем мигранты.

Можно предположить, что в основе данных результатов лежат несколько причин. Во-первых, места занятости мигрантов – это преимущественно довольно крупные предприятия, привлекающие приезжих уже ни один год. На них, как правило, накоплен продуктивный для обеих сторон опыт. Взаимоотношения сложились и в рабочих, и в бытовой сферах – для работы и проживания создаются приемлемые условия. Оплата труда оговорена и гарантирована, иногда довольно высокая – выше, чем у вузовских преподавателей. Служба персонала знает своих работников-мигрантов. С их формальными и неформальными лидерами устанавливаются в той или иной мере личные доверительные отношения. В некоторых случаях через них проходит дополнительный набор работников, и, как следствие, они отвечают за поведение и труд рекомендованного ими мигранта (как

правило, родственника, знакомого). Такой тип взаимодействия в большей или меньшей степени устраивает и работодателей, и мигрантов.

Таблица 8

**Распределение ответов на вопросы
«Приходилось ли Вам сталкиваться с ущемлением Ваших прав
по сравнению с местным населением? В чем это проявлялось?»
(для мигрантов) и «Приходилось ли Вам сталкиваться
с ущемлением Ваших прав? В чем это проявлялось?»
(для принимающего общества), %**

Сфера дискриминации	Мигранты, 2013 г.		Принимающее общество, 2014 г.	
	да	нет	да	нет
Продолжительность труда (заставляли работать дольше, чем других)	21	79	25	75
Условия труда (были хуже, чем у других работников)	6	84	16	84
Оплата труда (платили меньше, чем другим работникам, хотя работал также)	20	80	29	71
Условия проживания, предоставляемые работодателем	7	83	–	–
Прием на работу (отказ в приеме на работу по специальности и др.)	4	76	–	–
Прием на учебу (отказ в приеме на учебу, хотя все документы в порядке, знание русского языка есть)	4	76	–	–
Возможность аренды жилья (сдают жилье только русским)	3	67	–	–
Религиозная дискриминация (запреты на ношение религиозных символов, соблюдение религиозных предписаний)	1	89	4	96
Пренебрежение к личности, принижение чувства собственного достоинства	6	84	24	76

Еще одной причиной ответов об отсутствии трудовой дискриминации, на наш взгляд, является низкий уровень притязаний мигрантов, в особенности по сравнению с местным населением. Они дорожат своими рабочими местами и заработком, им есть что те-

рять. Как следствие, лояльность к тем обстоятельствам, в которых они оказываются.

Однако чтобы не идеализировать ситуацию, приведем суждение одного из респондентов, записанное им на полях анкеты, – «буду трудиться для удовольствия и для общества. Не хочу РАБотать!». Иначе говоря, формула «бизнес на неустроенности и безвыходности» устраивает не всех.

Оценивая потенциальную динамику развития ситуации, отметим: уровень ожиданий и притязаний мигрантов может существенно вырасти. В принципе это логично. Адаптировавшись, получив российское гражданство и оставшись на постоянное место жительства, теперь уже бывшие мигранты невольно будут сравнивать уровень своих социальных возможностей, материального благополучия, качества жизни с аналогичными показателями принимающего общества. С большой долей вероятности сравнение будет не в их пользу. Лучше, чем на прежнем месте жительства, но хуже, чем у большей части местного населения. Толчком к подобного рода сравнениям зачастую служат дети.

Глава 2

Приверженность традиционным религии и культуре

Конфессиональная принадлежность, вера в Бога

Более основательное, детальное рассмотрение религиозного фактора в нашем исследовании связано с тем, что потребность человека в духовно-нравственной и практической системе координат довольно устойчива, а религии являются наиболее традиционными и, возможно, самыми мощными идеологическими системами и императивами.

В нашем исследовании, когда мы говорим о мигрантах, речь идет о представителях народов, традиционно исповедующих ислам, т. е. в некотором роде о «традиционных», «этнических» мусульманах. Конфессиональная принадлежность мусульман – «это приобретенность к гораздо более активной вере. То есть к такой вере, которая, во-первых, действительно, определяет их мировоззрение и нравственные представления и, во-вторых, имеет ярко выраженное общинное и даже общественное измерение. И чем более осознанной и прочувствованной становится эта религиозная идентичность иммигрантов-мусульман, тем более они отдаляются от ценностей и образа жизни секуляризованных европейцев-христиан»³.

Оценка, измерение религиозности чрезвычайно сложное дело. Как отмечал известный русский философ И.А. Ильин, «это один из самых тонких и глубоких вопросов, касающихся человеческого существа. Здесь дело идет о самой интимной сфере внутреннего мира, где многое оказывается столь “воздушным” и неуловимым, безмолвным и избегающим слов, где самое ароматное оказывается невыразимым и неопишущим, так что иногда кажется совершенно невозможным приблизиться к исследуемому предмету, не говоря уже о логических определениях и исчерпывающей точности»⁴.

³ *Игумен Филарет (Булеков)*. Время новой проповеди // Эксперт. 2011. № 2.

⁴ *Ильин И.А.* Путь к очевидности: Сочинения. М., 1998.

Религиозная самоидентификация – это, в первую очередь, признание духовной связи и принадлежности к определенному сообществу, близости с ним. Самоидентификация предполагает осознание себя субъектом некой социальной общности, включающей набор предписанных терминальных и инструментальных ценностей. Самоидентификация наших мигрантов – внятная и устойчивая – исламская. Проведенное исследование подтверждает: можно говорить о массовой (примерно 97 %) приверженности исламу – абсолютное большинство опрошенных верят в Бога и придерживаются ислама.

Безусловно, значительная доля мигрантов, идентифицирующих себя как верующих, не означает одинаковой и однозначно высокой степени их религиозности. Степень религиозности и конфессиональной включенности различны. Среди приезжих – и не строго придерживающиеся предписаний ислама, и те, кто в полной мере следует законам шариата (табл. 1). Однако в любом случае неверующий мигрант – это большая редкость.

Таблица 1

Распределение ответов мигрантов и местного населения на вопрос «Удается ли Вам соблюдать следующие религиозные предписания, если да, то в какой мере?», 2009 г., %

Религиозные предписания	Ежедневно	Каждую неделю	Ежемесячно	Только по праздникам	Примерно раз в год, и даже реже	Религиозных предписаний не соблюдают
Молиться	31	8	4	19	8	30
Соблюдать пост	2	1	4	32	33	28
Читать Священное Писание (Библию, Коран, др.)	13	9	8	10	11	49
Посещать храм/мечеть	3	13	6	19	12	46
Давать милостыню	5	10	25	25	12	23

Говорить о существовании каких-либо четко выраженных и распространенных организованных форм религиозной жизни не

приходится. В значительной степени это связано с высоким уровнем трудовой занятости, плохим знанием крупного города, стремлением избежать конфликтных ситуаций. Еще один напрямую не связанный, но важный аспект. На руководителей национальных общин выходили миссионеры из арабских стран, но местные мусульмане не ориентированы на сотрудничество и не поддерживают экстремистские направления ислама. Как заметил один из руководителей национальной общины: «Упаси, Аллах!» Приведем высказывание еще одного нашего респондента экспертного уровня: «Сейчас я вижу некое противопоставление, например, между нашими традиционными татарскими муллами и муллами из Средней Азии, которые проходят обучение в Арабских Эмиратах и потом уезжают куда-нибудь в Челябинск. И это внутреннее столкновение существует. Понятно, что наши власти и спецслужбы стараются работать с традиционным духовенством, которое складывалось именно на нашей территории. В этом смысле есть вызов со стороны монархий Персидского залива, которые проводят другое обучение. И даже в Узбекистане уже есть такие центры обучения... Думаю, что вот этот вызов ответа пока не нашел, и эти люди являются вербовщиками в тот же исламский халифат, и распространяют радикальный ислам. Такая же ситуация складывается на Северном Кавказе, где противостояние между различными течениями ислама доводит и до взрывов, и до убийств. Наш российский традиционный ислам и некий экспортный вариант, который поступает извне, вступают в противоречие, и это еще один вызов нашему государству. Хотя для большинства неисламского населения это не так очевидно, этот процесс очень активно идет: приезд священнослужителей, строительство храмов, распространение радикальных идей. В отличие от наших башкирских и татарских священнослужителей, приезжающие с юга, как я понимаю, более идеологизированные, более фундаменталистские, более жесткие. Нужно понять, могут ли наши традиционные приверженцы ислама как-то их адаптировать, бороться с ними. Без помощи самих мусульман Россия не справится».

Полагаем, что любопытным может быть обращение к динамике изменения религиозной включенности (табл. 2). За прошедшие четыре года степень приобщенности к различным сторонам ислама несомненно и заметно выросла.

Таблица 2

**Распределение ответов мигрантов-мусульман на вопрос
«Какие религиозные предписания Вы соблюдаете?», %**

Религиозные предписания	2009 г.	2013 г.
Молитва	70	84
Чтение религиозной литературы	51	76
Милостыня, закят	77	90

Не умаляя значимости молитвенных практик, посещения храма, чтения религиозной литературы, соблюдения обрядовых предписаний, все-таки отметим, что они не гарантируют воцерковленности в полном ее духовном понимании. Одновременно неприобщенность к ритуально-обрядовой стороне не означает морально-духовной отдаленности от вероучения как нравственного императива.

Сравнивая степень приобщенности к религии мигрантов и местного населения, отметим существенное превышение уровня религиозности среди приезжих. Так, если доля верующих среди мигрантов составляет 97–98 %, то среди местного населения – 66 %. При этом число неверующих среди приезжих – около 1 %. В принимающем обществе атеистов в пять раз больше – более 15 % (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Верите ли Вы в Бога?», %

Степень веры	Принимающее общество, 2014 г.	Мигранты	
		2009 г.	2013 г.
Да, я верю	66	97	98
Я колеблюсь, моя вера неустойчива	18	1,8	1,4
Нет, я не верю	15	1,2	0,6

Местное население оказалось существенно более секулярным, нежели приезжие. В той или иной мере оно придерживается традиционных религиозных традиций и требований – посещение храма, участие в богослужениях, крещение детей, венчание, празднование христианских праздников и другое. Однако в определенной степени это приобретает несколько поверхностный, приземленный, прагматический характер. Делается потому, что так заведено, так

принято, так положено. Не исключено, что о большинстве верующих можно говорить как о номинальных христианах.

Тревожным, дающим пищу для размышлений оказалось отношение мигрантов к разговорам о превосходстве одной религии, одного народа над другими. Большинство из них, в отличие от принимающего общества, к подобным разговорам относятся либо с одобрением, либо нейтрально, спокойно (табл. 4). Не одобряют их, относятся негативно менее 40 % опрошенных мигрантов. Среди местного населения эта позиция выражена более четко – 68 %.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы относитесь к разговорам о превосходстве
одной религии, народа над другим?», %**

Отношение	Мигранты, 2013 г.	Принимающее общество, 2014 г.
Положительно, одобряю	22	2
Спокойно, нейтрально	40	31
Плохо, не одобряю	38	68

Подводя некоторый итог, отметим, что можно говорить о пополнении принимающего общества людьми с большей степенью религиозности и более выраженной приверженностью своим религиозным идеям, чем местное население.

**Знание религиозных предписаний своей веры
и своих национальных обычаев**

Россия и республики Средней Азии после распада СССР находятся в сходной ситуации религиозного подъема и возрождения. Однако, как показывают исследования, по традиционно-культурным и демографическим основаниям положение среднеазиатских республик стабильнее. В них сохраняются ценности и традиции крепкой семьи, многодетности, родственных связей, религиозной включенности.

По самооценкам мигрантов, знание религиозных предписаний своей веры и своих национальных обычаев вполне приемлемое

(табл. 5). Тех, кто их практически не знает, менее 3 %. Среди местного населения ситуация существенно отличается. Доля хорошо знающих религиозные предписания своей веры и свои национальные традиции в три раза меньше (32 %), напротив, практически не знающих – в 4 раза выше, чем среди приезжих (12 %). Среди причин культурной и конфессиональной неосведомленности принимающего общества – в том числе отсутствие элементарного интереса – «особо не интересуюсь». Социализирующее влияние российской, русской культуры, таким образом, пока проявляется в меньшей степени.

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«Хорошо ли Вы знаете религиозные предписания своей веры
и свои национальные обычаи, традиции?», %**

Вариант ответа	Принимающее общество, 2014 г.	Мигранты, 2013 г.
Да, я хорошо знаю предписания моей веры и свои национальные обычаи, традиции	23	76
Знаю, но не очень хорошо	64	22
Практически не знаю	12	3

Очевидно, что теория и практика – не всегда совпадающие инстанции, знание не всегда означает исполнение. В связи с этим приезжим было предложено оценить, в какой мере они придерживаются своих национальных традиций, живя здесь, в российском обществе. Результаты демонстрируют высокий уровень, надо полагать, реальной практики сохранения традиционных ценностей (табл. 6). Наблюдается довольно последовательное воспроизводство исходных установок в новом для мигрантов социокультурном контексте. Более того, налицо стремление придерживаться сформированных ранее убеждений. Это позволяет говорить о довольно выраженной привязанности мигрантов к своей культуре. Причины этого могут быть разными: как сознательное следование интернализированному ранее миропониманию, так и определенная социокультурная инерционность мышления. Некоторым отклонением выглядят две из перечисленных областей общественной жизни: соблюдение традиций, связанных со сватовством, проведением

свадьбы и относящихся к еде, одежде и оформлению жилья. Однако в значительной степени это закономерно – в выборе брачного партнера в России человек оказывается более свободным, не требуется выплаты калыма. Бытовые, жилищные условия мигрантов, с одной стороны, зачастую весьма ограничены. Однако одновременно они расширились за счет попадания в другой социокультурный контекст, появились возможности увидеть, попробовать в повседневной жизни новое.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «В какой мере Вы соблюдаете здесь в России разные религиозные предписания и свои национальные традиции?»

Предписания и традиции, связанные	Стараюсь соблюдать	Хотел бы соблюдать, но не получается	Не соблюдаю и не вижу в этом смысла
с отношением к старшим	89	9	3
со сватовством, проведением свадьбы	64	24	12
с отношением к женщинам	71	21	9
с рождением и воспитанием детей	75	17	8
связанные с едой, одеждой, интерьером дома	61	27	13
с семейными отношениями, семейным порядком в целом	78	17	6

Информация, полученная в процессе интервьюирования мигрантов, хорошо знающих русский язык, подтвердила, что для большинства респондентов вопросы религии и традиций являются очень важными. Они соблюдают пост, ходят в мечеть, часто молятся. Для половины проинтервьюированных респондентов главной задачей посещения мечети является молитва, общение с Богом. Около трети опрошенных отметили, что помимо этого мечети помогают в разрешении повседневных вопросов, в том числе связанных с работой и жильем. Помимо духовной составляющей было названо также общение с единоверцами. В данном случае можно говорить о сохранении традиционных функций мечетей.

Празднование праздников

Одним из показателей интегрированности мигрантов может стать значимость для них государственных, религиозных и других праздников. Наряду с тем что более 80 % опрошенных празднуют Навруз, Курбан-байрам и Рамадан, почти 13 % мигрантов отмечают и Рождество, и Пасху (табл. 7). Такие общероссийские праздники, как День России, День народного единства, День Победы (в прошлом общесоюзный) отмечает большинство как среди местного населения, так и среди приезжих. Иллюстрируя результаты опроса принимающего общества, приведем такой комментарий: «У меня подруга – азербайджанка, прихожу к ней, поздравляю и ем их традиционные сладости». В тоже время публичный забой жертвенных животных в праздник Курбан-байрам для местного населения неприемлем. В принимающем обществе такой традиции нет.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Какие праздники Вы здесь отмечаете?», %

Варианты ответов	Мигранты, 2009 г.	Мигранты, 2013 г.	Принимающее общество, 2014 г.
День Победы, День России, День народного единства	–	72	93
Навруз, Курбан-байрам, Рамадан	83	84	2
Пасха, Рождество	12	13	71
Восточный Новый год	–	20	3
Другие	2	–	–
Никаких праздников не отмечаю	–	2	3

Знание и соблюдение культурных и религиозных традиций своего народа является одним из показателей связи с ним, предпосылкой самоидентификации с ним. Это может означать, что в своей каждодневной практической деятельности, а также в перспективных планах мигранты-мусульмане в большей степени могут руководствоваться и основываться не на ценностях довольно секуляризованного российского общества, а на требованиях, предъявляемых их религией. Это означает, что религиозное мировоззрение оказы-

вается определяющим императивом в выстраивании не только личных, но и общественных связей, что напрямую влияет на социальные отношения в целом. В этих условиях более сильная выраженность, пропитанность традициями своей культуры среди мигрантов может оказывать двоякое влияние на принимающее общество:

- прозелетическое (переход в ислам через браки, из-за симпатии к способности приезжих соблюдать традиционные ценности – семьи, веры, здорового образа жизни и др.);

- способствующее обращению местного населения к собственным этноконфессиональным корням, возрождению традиций, веры, культуры в целом.

Как следствие, миграция мусульман представляет собой приход в российское культурно ослабленное общество этнических групп с иной и более крепкой этноконфессиональной основой. Это может сместить фокус социальных проблем в этноконфессиональную сферу, обострить проблемы социокультурной социализации и интеграции. Общество должно озадачиться институциональным формированием и поддержанием традиций.

Весьма симптоматична и тревожна, с этой точки зрения, оценка современной европейской ситуации. Говоря о верующих мусульманах, Игумен Филарет (Булеков) пишет, что, ставшие в силу разных обстоятельств жителями и гражданами европейских стран, они «выступают не древними варварами, но носителями многовековой и чрезвычайно богатой религиозной культуры. Суть конфликта совсем не в том, что они инокультурны, а именно в том, что они религиозны... Пораженческие по своему характеру страхи европейцев перед “исламизацией”, порождающие растущую исламофобию, это по существу страхи перед всеопределяющей силой религиозной веры – перед той силой, которая оставила европейских христиан и их секулярных наследников»⁵.

К слову, заметим – исторический экскурс не дает резонанса говорить о рафинированности, чистоте и автономности большинства национальных, как в традиционном, так и в современном понимании, культур. Национальные культуры зачастую – это мифы и идеологемы. Большинство современных государств, в том числе

⁵ Игумен Филарет (Булеков). *Время новой проповеди.*

западноевропейских, выстроено на основе многих и разных этнических групп, культур и языков, определенные различия в которых, несмотря на длительное совместное проживание, принадлежность к одному государству и нации, сохраняются. Этнические группы и их культуры не являются непроницаемыми, неподверженными влияниям других культур и этносов. Происходят закономерное взаимопроникновение и объединяющая социокультурная гомогенизация. Российская культура – пример продуктивного взаимного обмена и обогащения, принципиально не нарушившего отчетливость этнического колорита.

Вместе с тем напомним: Российская Федерация – это светское государство. Определяющими регуляторами общественной жизни являются общегражданские, а не религиозные нормы и традиции. Светская нормативная система и образ жизни в их общественных, публичных проявлениях являются универсальными и приоритетными для представителей всех религиозных направлений. Как заметил один из респондентов, «светские нормы и закон должны превалировать над любой религиозной составляющей».

Приток мигрантов и проблема сохранения культурного единства России

Социальные нормы, жизненные ценности и смыслы – вещи достаточно устойчивые и консервативные. Пересечение границы, переезд в другую страну не означают одновременной и сиюминутной смены мировоззренческой системы. Как следствие, с приездом мигрантов российская культура дополняется новыми элементами, становится более разнообразной, если не сказать пестрой. Безусловно, в этом есть определенные плюсы. Однако существует и другая сторона. Культурное разнообразие, не опирающееся на общую, связующую государственную идеологию, общегражданскую идентичность, может становиться предпосылкой сепаратизма, препятствовать интеграции всего населения страны и вести к деструктивным, сепаратистским настроениям и изменениям.

Большинство мигрантов, прибывающих сегодня из Средней и Центральной Азии, у себя на родине находились вне поля влия-

ния российской культуры. Напротив, в их странах на протяжении уже нескольких десятилетий идет интенсивное и повсеместное возвращение к своим национальным традициям, языку. Помимо этого, в некоторых из среднеазиатских республик наблюдается усиление роли ислама, его новых, в том числе крайних течений. Закономерным результатом подобных процессов становится ментальное отдаление российского населения и граждан стран, недавно входивших в общее советское государство.

Территориальные перемещения не ограничиваются физическими передвижениями – меняются этнические и конфессиональные, социокультурные характеристики въезжающей и принимающей сторон. Привносится иная, новая культурная и духовно-ценностная палитра, способствующая изменению социальных, культурных и психологических установок обеих сторон. И отсутствие культурной интеграции мигрантов и их инкорпорирование в любом случае обуславливают изменения социокультурной среды принимающего общества. Данный процесс может вести к «культурному сопротивлению» принимающего общества, нацеленного на сохранение культурной преемственности и сложившейся социокультурной идентичности. В принимающем обществе, сталкиваемом с большим притоком иноэтничных мигрантов, могут возникать опасения, связанные с сохранением своих национальных традиций и обычаев.

Исходя из полученных нами результатов, только 17,7 % опрошенных новосибирцев не видят в притоке мигрантов угрозу для сохранения российских национальных обычаев, традиционных религий, культурного единства России в целом (табл. 8). Наряду с этим, почти половина опрошенных придерживается противоположной точки зрения, полагая, что такая угроза существует. Большую долю неопределившихся с ответом («трудно сказать» 33 %) можно рассматривать как проявление скрытого, пока неосознаваемого беспокойства.

Приезжим также было предложено выполнить функцию экспертов и попытаться оценить, представляет ли приезд мигрантов угрозу для сохранения российских национальных обычаев, культурного единства страны в целом. При 15 % согласившихся с определенными рисками для социокультурной цельности государства

и трети затруднившихся с ответом более половины опрошенных не видят в этом проблемы и угрозы для принимающего общества. Сравнивая мнения местного населения с представлениями мигрантов, отметим: доли видящих и не видящих угрозу для сохранения культурного единства России зеркально противоположны. Соотношение затруднившихся с ответом почти одинаковое – треть.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, представляет ли приток мигрантов угрозу для сохранения национальных обычаев, традиционных религий, культурного единства России в целом?», %

Вариант ответа	Мигранты, 2009 г.	Принимающее общество, 2014 г.
Да	15	49
Нет	54	18
Трудно сказать	31	33

Резюмируя, приведем соображения, высказанные в одном из экспертных интервью: «Я думаю, что такие вызовы, связанные с изменением этнического и религиозного состава населения, в любом случае есть. Это вызовы государственной системе и обществу... С одной стороны, мы видим, что увеличивается количество узбеков, киргизов, таджиков, а они все исповедуют ислам суннитского толка, появляются мечети (кстати, православные храмы тоже появляются, но не вызывают повышенного внимания). Для большей части населения, которая не привыкла жить в таких полиэтнических обществах, это является вызовом: не все понимают, как на это реагировать, как с этим жить... Я вижу появление неких анклавов с мононаселением, которое не имеет российского гражданства или такое гражданство имеет, но является представителем определенного этноса. Это МЖК, Хилокский рынок, «Расточка» в Кировском районе; на пятом и шестом микрорайонах, в Дзержинском районе есть такие очаги, где складываются целые кварталы, населенные какой-то одной национальностью. И это тоже вызов».

Глава 3

Интеграционный потенциал – социокультурная и коммуникативная составляющие

Отношение к представителям и проявлениям других религий и культур

В исламе признаются предыдущие Пророки и их Книги, отрицается насильственное навязывание религиозных норм – «Нет принуждения в религии» (2:256). В Суре Мумтахана говорится: «Аллах запрета не дает вам доброту и справедливость проявлять к тем людям, кто за вашу веру с вами не сражался, не изгонял из дома вас – поистине Он любит справедливых!» (60:8). В более поздней «Каирской декларации о правах человека в исламе» отмечается: «Все люди образуют одну семью, члены которой объединены повиновением Господу и являются потомками Адама. Все люди равны в основополагающем человеческом достоинстве и основополагающих обязательствах и обязанностях без какого-либо различия по признаку расы, цвета кожи, языка, пола, религиозной веры, политических взглядов, социального положения и других оснований» (Статья 1). Практическая реализация данных положений предполагает уважительное отношение к верованиям и культуре других людей. В связи с этим нашим респондентам предлагалось ответить на вопрос об их преимущественном отношении к людям разных этнических и конфессиональных групп.

Детализация отношения мигрантов к другим людям включала вопрос об отношении к исповедующим православие. В данном случае речь идет об основной части населения Новосибирска и России в целом. Результаты показывают рост позитивного восприятия приезжими мусульманами местного населения, придерживающегося православия. Одновременно снизилось число относящихся «нейтрально, мне все равно» и «не очень хорошо» (табл. 1). Примечательно, что доля воспринимающих православных «с симпатией и интересом» среди них даже выше, чем в принимающем обществе. Отчасти это можно связать как с общим более низким уровнем ве-

рующих среди опрошенных новосибирцев, так и с примерно совпавшей по времени кампанией против РПЦ в российских медиа.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Люди разные, и мы все друг к другу относимся по-разному.
Как Вы преимущественно относитесь
к следующим группам людей?», %**

Отношение	Мигранты, 2009 г.	Мигранты, 2013 г.	Принимающее общество, 2014 г.
К людям, исповедующим православие (христианство)			
С симпатией и интересом	34	51	28
Нейтрально, мне все равно	55	40	69
Не очень хорошо	10	6	3
Резко отрицательно	1	3	1
К людям, исповедующим ислам			
С симпатией и интересом	69	74	8
Нейтрально, мне все равно	30	21	67
Не очень хорошо	1	3	18
Резко отрицательно	0	2	7
К людям, исповедующим буддизм			
С симпатией и интересом	19	30	16
Нейтрально, мне все равно	53	45	75
Не очень хорошо	18	11	8
Резко отрицательно	11	14	2
К неверующим людям			
С симпатией и интересом	8	30	10
Нейтрально, мне все равно	44	40	80
Не очень хорошо	30	23	9
Резко отрицательно	19	7	1
К европейцам, гражданам стран Запада			
С симпатией и интересом	28	43	22
Нейтрально, мне все равно	50	48	64
Не очень хорошо	18	6	11
Резко отрицательно	4	2	2

Подталкивающим к размышлению стало отношение к последователям ислама в принимающем обществе. При доминировании нейтрального отношения (67 %), высока доля относящихся к мусульманам как таковым не очень хорошо и резко отрицательно. Для срав-

нения отметим, что к буддистам новосибирцы относятся существенно более лояльно, в то время как мигранты, напротив, более негативно, чем к православным. Иными словами, принимающее общество демонстрирует более негативное отношение как к православным, так и к мусульманам, чем приезжие мигранты-мусульмане.

Весьма любопытным представляется отношение мигрантов к неверующим. Люди, живущие без Бога, вызывают недоверие и настороженность: «в Бога должны верить все». Самый высокий уровень неприятия обнаружился в отношении к сектантам и представителям нетрадиционных религий. Как заметил один из собеседников, «не хочу с ними никаких отношений». Вместе с тем данных, говорящих о социально значимом уровне предупреждения, отчуждения, недоверия или тем более противоборства, с этими группами людей не выявлено.

Опрошенные понимают важность мирного сосуществования с коренным населением. Помимо своего трудового и демографического потенциала, мигранты-мусульмане привозят с собой готовность относиться к другим народам без выраженного предубеждения и дружелюбно жить в некогда общей стране. Активные территориальные перемещения и межкультурные взаимодействия активизируют адаптационный потенциал человека, его восприимчивость других нормативных представлений. Можно предположить, что само решение об отъезде на работу или учебу в другую страну заведомо приемлемо не только для активных, но и для гибких, восприимчивых людей, способных встраиваться в новую социальную среду и заранее себя ей не противопоставляющих.

*Языковая компетентность –
необходимость изучения русского языка*

Приезжающие отличаются от большинства российского населения не только в этническом и конфессиональном, но и в лингвистическом плане. Вместе с тем наличие единого языкового пространства – одно из непреложных условий создания и поддержания государственной целостности. Этот фактор является обязательным для выстраивания общества, которое будет понятным для всех его членов. Определенная языковая компетентность представляется

необходимой предпосылкой для успешного межкультурного взаимодействия мигрантов и местного населения.

Оценивая степень знания русского языка, заметим, что она разная. Диапазон владения менялся от полного незнания (эти мигранты автоматически исключались из исследования) до хорошего, на уровне местных жителей. При ответах на открытый вопрос о том, легко ли им говорить по-русски, прослеживалась несколько завышенная самооценка разговорных навыков. Мигранты писали «легко», одновременно наблюдения не давали достаточных оснований для подобных заявлений. Встречались ситуации, когда опрашиваемые понимали разговорную речь и написанный текст, но изъяснялись нечетко, отмечали, что «общаться сложно – не хватает словарного запаса». Или, к примеру, говорили хорошо, но не владели письмом. К предпосылкам, способствовавшим хорошему знанию русского языка, мигранты относили: предыдущий опыт – «раньше работал в Москве, Екатеринбурге»; полиязычную ситуацию у себя дома – «сейчас все больше людей в Узбекистане хорошо говорят на русском»; обучение в русской школе – «была русская школа».

Очевидно, что говорить на языке, на котором разговариваешь с детства всю свою жизнь, проще, менее психологически и интеллектуально затратно. Тем не менее исследование показало: подавляющее большинство приезжих ориентировано на изучение и общение на русском языке, в том числе потому, что это позволяет выстраивать более широкую сеть коммуникаций как с представителями принимающего общества, так и с мигрантами из других республик. Выбор русского языка как языка межнационального общения связан и с тем, что он является посредником, не дающим преимуществ ни одной из сторон. Приезжих спрашивали о том, где и с кем они разговаривают на русском и своем национальном языках. Сферами использования русского языка оказались работа, общение с незнакомыми людьми, с мигрантами из других республик. На своих родных языках – узбекском, киргизском, таджикском, рутульском и др. – общаются дома, с теми, с кем живут. Некоторые из мигрантов владеют тремя языками – русским, узбекским и таджикским. Один из респондентов отметил, что говорит по-узбекски,

по-таджикски и по-турецки, при этом на русском языке говорить ему «тяжеловато».

Экспертами зафиксирована наметившаяся негативная тенденция снижения языковой компетентности мигрантов. «Не читают, не говорят, ни одной буквы не знают по-русски» – так охарактеризовал один из экспертов уровень знания русского языка части молодых мигрантов, въехавших в недавнее время. Как мы отмечали ранее, аналогичный тренд проявился и в динамике уровня образования приезжих. Можно предположить, что эти негативные изменения коррелируют друг с другом.

«Приезжающие должны стараться научиться хорошо говорить по-русски» – данное положение разделяет абсолютное большинство опрошенных во всех трех исследованиях (табл. 2). Как отмечало местное население, чтобы уважать мигрантов, нужно, чтобы они выучили русский язык. Доля мигрантов, выбравших позицию «безязыкости» и полагающих, что «это не обязательно», незначительна (менее 3 %). Отчасти это может быть связано с кратковременностью пребывания за пределами своей страны, работой и общением преимущественно, а возможно, даже исключительно внутри своего этнического сообщества.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Должны ли приезжающие в Россию мигранты
стараться научиться хорошо говорить по-русски?», %**

Вариант ответа	Мигранты, 2009 г.	Мигранты, 2013 г.	Принимающее общество, 2014 г.
Да, должны стремиться	90	98	87
Нет, это не обязательно	3	2	13
Трудно сказать	8	–	–

Любопытным наблюдением стало то, что женщины, не занятые в общественной жизни, на производстве, не прикладывают усилий для изучения русского языка. Отсутствие прямой повседневной необходимости, ограничение контактов семейной и этнической группой способствует консервации ввезенного социокультурного статуса и препятствует интегративным процессам.

Конструктивным подходом к решению уже существующих и предупреждению потенциальных языковых и коммуникативных проблем является активное включение детей мигрантов в систему детских дошкольных заведений. С одной стороны, это может стать способом более активного включения их матерей в сферу общественного производства, с другой – позволит самим детям более успешно встроиться в принимающее общество. Реализация дошкольной интеграции детей особенно важна в районах с большим числом мигрантов и может проходить как в детских садах, так и в специальных группах при школах. «Дети разных национальностей ходят в подготовительный класс дошкольный и уже с базовым знанием русского языка приходят в первый. Плюс есть дополнительные программы, которые учат их вместе жить, изучать культуру друг друга. Так как эта школа рядом с “барахолкой”», там, по-моему, 30 или 40 национальностей, то есть в одном классе могут быть дети 10–15 разных национальностей. И это, конечно, уникальный опыт», – отмечает один из экспертов.

Еще один немаловажный аспект – отношение принимающего общества к разговорам в общественных местах не на русском языке. Согласно нашему исследованию, все опрошенные были свидетелями ситуаций, когда в общественных местах мигранты общаются на своем родном языке. Число тех, кто относится к чужой речи спокойно и считает ее приемлемой, и тех, кто высказал негативное отношение и воспринимает это с неодобрением, полагая, что для общения в общественных местах должен использоваться русский язык, равны – 48,0 и 48,8 % (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к разговорам в общественных местах не на русском языке?», %

Отношение	Мигранты, 2013 г.	Принимающее общество, 2014 г.
Положительно, одобряю	26	3
Спокойно, нейтрально	39	48
Плохо, не одобряю	35	49

Роль русского языка и русской культуры, ставших одним из многовековых оснований российской культуры и целостности российского общества и государства, трудно переоценить. Общий язык создает условия для взаимопонимания представителей разных религиозных направлений, духовного объединения разных народов и народностей. Использование русского языка как надэтнического и кросскультурного способствует стиранию этнокультурных границ и предотвращению отчуждения между мигрантами и принимающим обществом. Этноконфессиональный признак, как ресурс локальной интеграции и мобилизации приезжающих, в этих условиях оказывается актуализированным и востребованным в меньшей степени.

Знание русского языка мигрантами – основополагающий, ключевой вопрос. Степень его знания может коррелировать с продолжительностью проживания, наличием российского гражданства. Незнание русского языка является недопустимым при получении гражданства. И это, как отмечает один из экспертов, не вопрос толерантности или ее отсутствия, это вопрос выживаемости государства, благополучия самого мигранта.

Ношение национальной одежды

Одежда выполняет регулятивную функцию, накладывает поведенческие рамки, задает стиль поведения. Надев деловое платье, строгий костюм, чадру или спортивное трико, человек ведет себя по-разному. Стиль одежды несет социальный смысл, проявляет место человека в обществе, его ценности, отношение к окружающим его людям. Это часть самопрезентации. В наибольшей степени это относится к подчеркнуто выраженным стилевым проявлениям. В этнически и религиозно невыраженном контексте повседневная одежда, имеющая религиозную и этническую привязку, рассматривается как проявление этнорелигиозной идентичности (табл. 4). Ношение национальной, религиозной одежды на улице, в общественных местах является внешне фиксируемым этноконфессиональным признаком.

Интеграционные процессы будут вести к размыванию ввезенных культурных норм и практик, к их диффузии. Многие мигранты, особенно из Киргизии, внешне, по стилю одежды и поведения,

практически не отличаются от местных жителей. Это можно рассматривать как проявление установки на интеграцию, на выстраивание контактов на более широкой, нежели этнической, основе.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы относитесь к следующим явлениям?», %**

Отношение	Мигранты, 2013 г.	Принимающее общество, 2014 г.
Ношение национальной одежды в общественных местах		
Положительно, одобряю	33	6
Спокойно, нейтрально	48	60
Плохо, не одобряю	19	34
Ношение одежды, связанной с религиозной принадлежностью		
Положительно, одобряю	24	3
Спокойно, нейтрально	41	46
Плохо, не одобряю	36	51

Большое влияние на обретение общегражданской идентичности приезжими оказывает отношение к ним местного населения. Даже безупречное знание русского языка и этнически и конфессионально нейтральные повседневные практики не обеспечивают и не гарантируют полной интеграции. Принятие мигрантов может носить внешний, неустойчивый характер. Их идентификация как «своих» распространяется на не критичные ситуации. В случае конфликта или ограниченности ресурсов этнический фактор может актуализироваться и живущему рядом человеку могут напомнить об его исторических корнях. Единичная, разовая или неоднократно повторяющаяся негативная реакция со стороны местного населения ведет к «выталкиванию» мигрантов и их последующей интеграции на основе исходно родной культуры и религии. Иначе говоря, принимающее население, само по себе может стать фактором затрудняющим процесс формирования у мигрантов общегражданской идентичности.

Анализ стратегий самих мигрантов показал: на локальном уровне установка на сближение выражена отчетливо. По результатам опроса 2009 г. почти три четверти этнических мигрантов-мусульман (72 %) хотели бы стать ближе к местным жителям, со-

седам. Наряду с этим и в силу разных причин, в том числе временности своего пребывания, оставшаяся треть не видит в подобном сближении необходимости, т. е. потребность стать «своим» не обозначена. Оценивая скорость потенциальной интеграции, отметим, что более половины опрошенных полагает, что для того, чтобы считаться своим, нужно прожить в населенном пункте не менее 5 лет (52 %), увеличивают этот срок до 10 лет еще 19 %. Вместе с тем часть опрошенных (16 %) уверена, что для этого нужно «здесь родиться». В любом случае, это результат двух составляющих – установок приезжающих и местного сообщества.

Мигрантам задавался вопрос (2009): где они чувствуют себя дома, где по их ощущениям их дом. Несмотря на то, что вопрос был открытым, полученные ответы можно сгруппировать в три основные группы «здесь», «там» и «везде».

Для большинства ответивших дом остался там, откуда они приехали (69 %), – «в Таджикистане», «на Родине», «на Родине в Ошской области», «в Узбекистане, если бы родители были здесь – другое дело», «в Таджикистане, где мама и папа». Для почти каждого пятого домом стало новое место жительства и работы – «здесь», «где я сейчас живу». Часть респондентов ощущает себя дома и на своей родине, и здесь, в России. И там и там пущены корни, заведены связи и есть друзья – «и там и здесь», «и дома и здесь», «по-разному, но здесь прижился», «там бываю, хочется сюда, здесь – туда». Примерно 13 % опрошенных можно охарактеризовать как высоко адаптивных, чувствующих себя дома на любом новом месте – «везде», «мне все равно», «там, где я живу».

Основные принципы формирования социальных сетей – деловые, дружеские, брачные предпочтения

Развитые социальные связи, выстроенные на этнической основе, приобретая характер этнических сетей, являются важным механизмом миграции и дальнейшей адаптации мигрантов, особенно приезжающих не на постоянное проживание. Большая разветвленность неформальных этнических связей, их устойчивость могут существенно упростить получение работы, решение жилищных и других

проблем. В конце концов, снизить риск потерь. «Мягким» способом адаптации к инокультурному пространству является создание или вхождение в уже существующую местную диаспору. Сразу отметим, что для принимающего общества это не является оптимальным способом интеграции, так как подобные этнические сообщества, с одной стороны упрощая адаптационные процессы, с другой – могут способствовать консервации ввезенных социокультурных и этноконфессиональных установок, сознания, идентичности.

Соседские предпочтения. Традиционно стараясь поддерживать приветливые отношения и быть хорошими соседями, свои соседские предпочтения в 2009 г. мигранты связывали в первую очередь с простыми человеческими качествами. Вариант ответа «главное, чтобы это были хорошие люди» предпочли более 90 % опрошенных (табл. 5). Доля тех, кто избрал в качестве соседей людей своей национальности или единоверцев, весьма незначительна – менее пяти процентов. Это позволяет говорить об определенной индифферентности опрошенных к этническим и религиозным различиям в выборе соседей. На фоне распространения в Западной Европе и Северной Америке компактных поселений на основе этнических связей полученные данные можно рассматривать как предпосылку для успешной интеграции мигрантов из постсоветского пространства в российское общество. Национальность или вероисповедание не проявились как ключевые факторы, влияющие на соседские предпочтения.

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«Вы хотели бы, чтобы Вашими соседями были?», %**

Национальность, вероисповедание соседей	Мигранты, 2009 г.
Люди одной с Вами национальности	3
Люди одного с Вами вероисповедания	2
Люди разных национальностей и вероисповеданий	4
Главное, чтобы это были хорошие люди	92

Деловые предпочтения. Следующим этапом была оценка значимости родственной, вероисповедной и национальной общности

в выборе деловых партнеров. По сравнению с соседскими предпочтениями роль родственного и конфессионального признаков оказалась более существенной. Быть просто хорошим человеком и иметь необходимые деловые качества становится недостаточным (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Что для Вас важно в деловых отношениях? С кем Вы бы предпочли работать?», %

Вариант ответа	Мигранты, 2009 г.	Мигранты, 2013 г.	Принимающее общество, 2014 г.
Деловые качества важны, но для работы важно иметь рядом надежных людей – родственников	11	23	6
Деловые качества важны, но важнее, чтобы человек был одной с тобой веры	12	10	3
Деловые качества важны, но важнее, чтобы человек был одной с тобой национальности	0	9	5
Просто деловые качества человека вне зависимости от его национальности, религии и родства	78	58	87

Важность конфессиональных, родственных связей – традиционный атрибут культуры коренных народов Средней и Центральной Азии. Для приезжих характерны устойчивые и разветвленные семейно-родственные связи. Активное привлечение близких и дальних родственников в бизнес, ведение семейного предприятия поощряется и широко распространено. С рациональной точки зрения предполагается, что это упрощает договоренности, уменьшает коммерческие риски и обеспечивает надежность.

Оценивая динамику анализируемого четырехлетнего периода, заметим: кровнородственное, религиозное и этническое единство начинает играть для приезжих все большую роль. Если в 2009 г. полученные результаты можно было рассматривать как показатель высокой степени готовности мигрантов к выстраиванию своих социальных сетей на основе более широкого диапазона признаков,

нежели этнический и конфессиональный, – ни в случае выбора соседей, ни в рабочих предпочтениях национальный и вероисповедный признаки не проявились как основополагающие или тем более критериальные, то к 2013 г. их значимость заметно выросла. Деловые, профессиональные качества для почти 60 % опрошенных мигрантов оказались второстепенными, менее приоритетными. Можно говорить об усилении роли этнического, родственного и конфессионального факторов как таковых.

Среди причин таких изменений – все большее временное отдаление общего советского прошлого, соответственно, уменьшение доли заставших и сформировавшихся под его влиянием. Это один аспект. Другой причиной является одновременный рост значимости религиозной и этнической составляющей в государствах Средней Азии. Формирование системы ценностей и идентичности происходит в них уже на иных, новых социокультурных основаниях. Это подтверждают и результаты сравнения деловых предпочтений мигрантов и принимающего общества. В принимающем обществе явный приоритет отдается деловым, профессиональным качествам человека вне зависимости от его национальности, религии и степени родства. Для 86,8 % опрошенных при выборе делового партнера это является главным (см. табл. 6). Оно более негативно настроено на совместную работу с родственниками: «только не с родственниками, все отношения насмарку», – замечает одна из респонденток. Полагаем, что разница почти в 30 % может служить показателем отличий в установках и приоритетах приезжих и местного населения. Исходя из полученных результатов, есть основания говорить о потенциальном усилении социокультурного разрыва.

Социокультурный опыт приезжающих к нам на работу людей является односторонним. Экономическое, социальное, этноконфессиональное пространство их предшествующей жизни было иным и однородным. Закономерным является наличие несовпадений и несоответствий в повседневных практиках приезжающих и местных жителей. Данные обстоятельства объективно усложняют взаимные коммуникации. Как следствие, создаются новые формы локального тождества, включения и исключения, основанные на этнической принадлежности и религиозной вере, что затрудняет потенциальную инкорпорацию приезжающих.

В дальнейшем при неблагоприятном развитии интеграционных процессов структурирование общества может проходить на новых для него основаниях – объединении не на профессиональной, статусной, классовой позиции, рациональных экономических интересах, а на базе этнического и религиозного факторов – культурных символов и этнокультурной, этноконфессиональной идентичности. Результат выстраивания такого типа отношений – образование компактных, локальных зон проживания, процесс взаимного обособления и отчуждения. Данный процесс нежелателен, так как нарушает социокультурную целостность общества, усложняет формирование объединяющей, солидаризирующей общегражданской российской идентичности. Более того, развитие подобных процессов содействует последующей социокультурной и социальной поляризации мигрантов и принимающего общества, ведет к социальной и социокультурной раздробленности и политической дезорганизации.

Стоит отметить, что этноконфессиональный признак дает только толчок. В последующем он просто озвучивается и используется в соответствии с его уместностью и результативностью в выполнении конкретных инструментальных целей. В реальной основе могут лежать социально-экономические и управленческие проблемы, а не априорная социокультурная несовместимость мигрантов и местного населения.

*Отношение к дружбе и браку своих детей
с людьми других национальностей*

Проявлением открытости и готовности к межэтническим контактам является одобрение родителями дружбы своих детей с детьми других национальностей. У наших мигрантов, в отличие от принимающего общества, выявлена несомненно позитивная (87–90 %) установка на расширение межкультурных взаимодействий молодого поколения. Негативное восприятие носит скорее характер исключения (табл. 7). Большая настороженность и неприятие проявляются в случае гипотетического брака сына или дочери с человеком другой национальности. В этом случае пределы допустимого сближения существенно сужаются и у приезжих, и у местного населения. Положительное отношение к межэтническому по-

роднению – «если по любви поженятся, то хорошо» – проявилось у 40–30 % опрошенных мигрантов (динамика нисходящая) и всего у 9 % местного населения.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос о возможности дружбы и брака детей с представителями других национальностей, %

Отношение	Мигранты, 2009 г.	Мигранты, 2013 г.	Принимающее общество, 2014 г.
Дружба Ваших детей с детьми других национальностей			
Положительное	87	90	30
Отношусь не очень хорошо	3	3	21
Нейтральное, не придаю этому особого значения	6	6	44
Негативное	4	2	5
Брак Вашего сына/дочери с человеком другой национальности			
Положительное	40	30	9
Отношусь не очень хорошо	18	26	28
Нейтральное, не придаю этому особого значения	13	19	31,5
Негативное	29	25	31

Практика интервьюирования и опроса показала, что нередко для мигрантов определяющим был не национальный, этнический признак (в данном контексте понятие национальности рассматривается как совпадающее с понятием этноса), а конфессиональный – исповедование ислама. Как родители уже или потенциально взрослых детей, они согласны на брак сына или дочери с человеком другой национальности, если тот является мусульманином – «да, если мусульманин», «если ислам, то не против» или если примет ислам – «если примет веру». Наоборот, «если не мусульман – против». Вероисповедание приобретает в этом случае дифференцирующий и определяющий характер.

Любопытными являются высказывания молодых мигрантов, которые говорят, что сами они не против строить свою жизнь с человеком другой национальности и религии, но «даже если родители не будут против, то что скажут многочисленные родственники». Мне-

ние родственного окружения, живущего в этнических республиках, является существенным фактором при выборе брачного партнера.

Характеризуя отношение принимающего общества, приведем такое соображение: «если полюбит, то я переживу» – так прокомментировала отношение к браку своего ребенка с представителем коренных народов Средней Азии одна из респонденток.

*Готовность к вступлению в брак с человеком
другой национальности*

В исламе отсутствует институт монашества и безбрачие отрицается как таковое. Вступление в брак является религиозной обязанностью мусульманина. Согласно исламу мужчина-мусульманин может жениться на христианке или иудейке. В ином положении находится женщина-мусульманка, ей запрещено выходить замуж за христиан и иудеев, хотя те и другие обладают особыми привилегиями и относятся к «покровительствуемым», «людям Писания».

Приезжая на временные заработки, волею обстоятельств мигранты остаются на длительное время. Ничего удивительного, что на новом месте создаются семейные союзы. Иногда параллельно с оставшимися дома, иногда впервые. Не всегда юридически оформленные, тем не менее они остаются реальностью. «Первая жена умерла. Вторая русская, живем в гражданском браке. Она приняла ислам, когда ездили в гости в Узбекистан. Жене там понравилось, и она захотела остаться, но я был против, хочу жить здесь». Не вникая в тонкости столь деликатной темы, отметим, что среди мотивов вступления в брак с местными российскими женщинами («ищу русскую»), помимо романтических, присутствуют и вполне прагматические резоны, что не является чем-то новым.

Нами рассматривались реальное состояние и принципиальная готовность к вступлению в брак с человеком другой национальности. Среди опрошенных доля межнациональных браков ограничилась менее чем семью процентами (табл. 8). Потенциально не против межэтнического (межнационального) союза треть опрошенных – «уже женат, но мог бы жениться на женщине другой национальности»; «могу, если родители разрешат», «да могу, если характер хороший». Выявилась некоторая корреляция (статистически не

проверялась) между приемлемостью межэтнического брака и национальной однородностью родительской семьи. Сразу отметим, что в этом случае речь шла преимущественно о народах, традиционно живущих рядом. «Да могу, моя мама узбечка, а папа таджик».

Наряду с этим, заметно выросла доля мигрантов-мусульман, однозначно не приемлющих для себя вариант межнационального брака – почти 40 % в 2009 г. и более 60 % мигрантов в 2013 г. Из интервью: «состою в браке с женщиной своей национальности, женился на ней сознательно, так как так делают все»; «только на узбечке, потому, что так принято»; в браке с узбечкой, «потому что ее выбрали родители, но с ней ужился хорошо».

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос
«Готовы ли Вы вступить (или уже вступили) в брак
с человеком другой национальности?», %**

Вариант ответа	Мигранты, 2009 г.	Мигранты, 2013 г.	Принимающее общество, 2014 г.
Уже в браке	6	6	5
Могу	33	30	43
Нет	39	64	52
Затрудняюсь	19	—	—

Зафиксирована высокая значимость мнения родителей, в частности матерей. При ответе на этот и на другие вопросы довольно непривычно было слышать, так как перед нами взрослые и самостоятельные люди, частые ссылки на мать, родителей в целом. Так, в качестве аргумента против женитьбы на женщине другой национальности, в частности узбечке, мигрант из Таджикистана ответил: «Моя семья не знает другого языка, мама не знает узбекский». Подобные высказывания и комментарии по-настоящему позволили ощутить разность культур и традиций. В российском обществе к этому возрасту непосредственное воздействие родительской семьи, во всяком случае в выборе брачного партнера, обычно слабее.

В процессе бесед среди мужчин зачастую высказывалось предпочтение в пользу конфессионально однородных браков – «если мусульманка», «могу жениться и на русской, если она примет веру и традиции», «главное, чтобы была общая вера». Среди жен-

щин-мигрантов такое условие практически не проговаривалось. Выезд на заработки в другую страну уже сам по себе не согласуется с требованиями шариата. На этом фоне готовность женщины-мусульманки выйти замуж за иноверца или человека другой национальности не выглядит чем-то неожиданным и нелогичным.

Таблица 9

**Распределение ответов на вопрос
«Если Вы не помогли, то с чем это связано?», %**

Вариант ответа	В группе тех, кто не помог	Всего
Такого не было	–	90
Считаю, что каждый должен справляться с ситуацией сам	27	3
Не помогаю людям других национальностей	20	2
Побоялся, что человек меня неправильно поймет	41	5
Страх, что меня осудят окружающие	12	1

Одним из показателей социальной дистанции по отношению к мигрантам стала готовность местных жителей прийти на помощь. При опросе новосибирцев был задан вопрос, случалось ли им быть в ситуации, когда приезжему, по всей видимости, из Средней Азии нужна была элементарная бытовая помощь, поддержка: «Случалось ли, что Вы не помогли человеку – например, человек упал и не может встать – только потому, что он по внешнему виду другой национальности?» По счастью, большинству опрошенных (88 %) не приходилось оказываться в подобной ситуации. Среди тех, кто попадал в такие обстоятельства и не помог, основной причиной стала потенциальная возможность межкультурного непонимания, неправильной интерпретации поступка – «побоялся, что человек меня неправильно поймет» (табл. 9). Следующим основанием пассивного поведения стало представление о том, что каждый человек должен справляться с ситуацией сам (27 %). Как вызывающие общественное беспокойство можно рассматривать следующие две причины – «не помогаю людям других национальностей» и «страх, что меня осудят окружающие». Полагаем, что они могут свидетельствовать о наличии негативного отношения и ксенофобии по отношению к представителям других этнических групп.

Этническая самоидентификация

Самоидентификация является процессом приобретения идентичности, результатом ответа индивида на вопрос: «Кто я?» У этого вопроса существует множество аспектов. Социальная, пространственная составляющая – самоотнесение индивида к стране, культуре. В данном случае интересен его этнический аспект. Причина такого выбора – значимость этнической идентификации индивида при определении им спектра поведенческих стратегий и практик, личностных смыслов, баз для солидарности.

Формирование идентичности, самоидентификация индивида протекают через «обобщенного другого» как совокупности общих ожиданий, посредством реакций, суждений других. «Окольный путь через других» – человек осознает собственную идентичность, свое существование в системе, только когда он применяет чужие точки зрения к самому себе, смотрит на себя с позиции других⁶. Общепринятые мнения, стереотипы ведут к разной степени осознанному изменению поведения, стремлению соответствовать / не соответствовать сложившемуся образу.

Активные межстрановые перемещения, стремительное развитие различных средств коммуникации обеспечивают доступность и включенность в разного рода социокультурный контекст и информацию. Происходит своеобразная интернализация, объединение мирового пространства. Человек имеет возможность наблюдать за территориально рассеянными событиями, в определенной степени участвовать в них. Можно предположить, что, используя подобные возможности, индивид перестанет определять себя только как члена привычной ему этнической группы, как жителя определенной территории, к которой он непосредственно привязан фактом происхождения и проживания. Однако практика показывает, что индивиды склонны идентифицировать, самоопределять себя в соответствии с исходными этнической и территориальной общностями, в которых протекала их социализация. Идентификационное пространство устойчиво тяготеет к пространству исходных, базовых связей.

⁶ Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999. С. 35.

Этническая самоидентификация является своеобразным индикатором социокультурной интегрированности мигрантов. Потребность в самоидентификации относится к антропологически базовым. Она позволяет индивиду почувствовать причастность, принадлежность, чувство общности, солидарности, поддержки, создает некий кумулятивный эффект. Самоидентификация есть некий способ поиска собственного положения в системе социальных координат. Без подобного самоосознания, самоопределения человек не сможет действовать адекватно внешней среде. Одним из апробированных и традиционных способов идентификации является подчеркивание принадлежности к группе, в том числе к этнической. Развитие форм этнокультурной идентичности исторически шло от привязки к роду, непосредственной примордиальной группе, далее к нации как политическому сообществу и согражданству.

С точки зрения теорий идентичности современные общества представляют собой совокупность постоянно взаимодействующих, в большей или меньшей степени устойчивых индивидуальных и коллективных идентичностей. К факторам формирования базовых идентичностей традиционно относят семью, систему образования, масс-медиа, культурную среду. Однако будем исходить из положения, что, в конечном счете, отправной точкой в процессе самоидентификации и развитии собственной идентичности является сам индивид. Самоидентификация человека в определенной мере является пластичной конструкцией, подверженной изменениям, корректировкам в зависимости от коммуникативной среды. Социальные интеракции могут сосредотачиваться как внутри достаточно однородной социокультурной и этноконфессиональной среды, так и вне ее пределов, т. е. носить более разнородный характер. Можно говорить о разной степени благоприятности условий для формирования цельной и непротиворечивой идентичности. Даже исходно предписанные, примордиальные идентичности могут приобретать изменчивость, трансформироваться. Иными словами, самоидентификация – это результат предыдущих, настоящих и будущих взаимодействий. В то же время присутствует и обратный процесс, когда этническая самоидентификация выступает в качестве матрицы и детерминирует структуру взаимодействий. Можно предположить, что в случае межкультурного взаимодействия,

в том числе мигрантов и принимающего общества, базовая имманентная структура идентичностей будет препятствовать полноценному взаимному переходу на более глубокий, внутренний уровень коммуникаций. Социальная дистанция будет сохраняться, а позитивная эмоциональная вовлеченность может оставаться низкой.

Обращаясь к материалам проведенного нами исследования, отметим, что мигранты, как никакая иная группа, наиболее часто стоят перед реальными ситуациями выбора идентичности. Профессиональная, публичная, семейная сферы активизируют разные виды социокультурного багажа. В различных обстоятельствах может доминировать то или иное сообразное ситуации этнокультурное самоопределение. Выбор идентичности в подобных случаях может основываться как на осознанном, рациональном, так и на эмоциональном решении.

Преобладающей, как и следовало ожидать, стала примордиальная самоидентификация. Закономерно, что большинство опрошенных (45 % в 2009 г. и 64 % в 2013 г.) определяют себя в соответствии с предписанным статусом, т. е. узбеками, таджиками, киргизами – «узбек, хотя сам из Таджикистана, там мой дом». С людьми своей национальности они ощущают и наибольшую близость. Зафиксировано проявление четкой установки на сохранение исходной этнической идентичности – «есть и буду настоящей...».

Представителем сразу двух народов, этнически базового и русского, считают себя менее 20 % опрошенных мигрантов (16 % в 2009 г. и 18 % в 2013 г.): «русский и узбек», «киргиз и русский», «русский и таджик», «россиянин и узбек». При этом в одних случаях «русский» стояло на первом месте, в других – на втором. Любопытной оказалась такая самоидентификация: «чувствую себя казахом (немного обрусевшим)». Полагаем, что такой тип самовосприятия в реальности более распространен. Другое дело, что не у всех респондентов хватает знаний для подобной оценочной формулировки своего места на пересечении культур, народов, стран. Основания для двойной самоидентификации могут быть разные: смешанная в этническом плане родительская или собственная семья, стремление к инкорпорации или определенная комплиментарность, присущая представителям восточных этносов. Двойная самоиден-

тификация показывает связанность мигранта с обеими этническими группами и культурами.

По результатам исследования 2013 г. считают, чувствуют себя русскими 13 % опрошенных нами мигрантов. Для сравнения в 2009 г. – 18 %. Иными словами, динамика нисходящая. Параллельно – идентификация по принципу отличия – считаю, чувствую себя «нерусским». Если перечисленные виды самоидентификации, раскрывая этнокультурное разнообразие, могут провоцировать дезинтегрированность, то ощущение себя «просто человеком, разницы нет» носит примиряющий характер. Некоторые из опрошенных говорили, что «деление на национальности к хорошему не приводит». Однако это не являлось преобладающим взглядом. В странах, откуда приезжают мигранты, в паспортах сохраняется графа с указанием национальности (Таджикистан, Узбекистан). Более того, на вопрос о необходимости введения такой графы в паспорта половина опрошенных (49 %) ответила «да, обязательно». Треть мигрантов считает, что «нет, этого делать не нужно». При относительной религиозной целостности этническая дифференциация между мигрантами-мусульманами сохраняется. Сохранение деления мусульманских народов в соответствии с национальным признаком подтверждает и организация национально-культурных общностей уже здесь, в России на этнической, а не на конфессиональной основе.

Стоит отметить нечасто, но показательно встречающиеся другие вариации самоидентификации. Среди них основанные на религиозном критерии «мусульманин», «только мусульманка». В соответствии с положениями ислама, также как с христианским (православным) видением, определяющим является не этнический, а конфессиональный признак. Деление мусульман по национальному признаку вторично. Религия, объединяет людей в одну общую национальность. Все мусульмане являются одним единым народом. Такая точка зрения проявилась и в процессе опросов: «в исламе нет наций, главное – вероисповедание, мы мусульмане». Иначе говоря, господствующей, более важной, чем этнический признак, оказалась конфессиональная принадлежность, ощущение своей причастности к исламу.

Материалы интервью показывают, что к воздействию новой для мигрантов культуры, новых более свободных норм и, как след-

ствие, к смене прежней идентичности в большей степени склонны молодые люди. Это логично, так как данная возрастная группа находится в процессе поиска и достижения своего места в принимающем обществе. Принятие российской идентичности упрощает процесс их инкорпорирования, предоставляет больше возможностей для социального продвижения.

Рассматривая роль планируемой продолжительности приезда, отметим, что маятниковый тип миграции изначально дает большие возможности для сохранения в принимающем обществе базовой этнокультурной идентичности. Контакты с оставшимися на родине родственниками оказываются более интенсивными, чем в случае переезда в другую страну на постоянное место жительства. Присутствует понимание временности территориального отдаления. Духовная и коммуникативная связь остается устойчивой, ее ослабления и разрыва, как правило, не происходит. Соответственно, с позиции социокультурной интеграции в принимающее общество сезонный вид миграции оказывается менее благоприятным. Взаимодействие происходит преимущественно внутри своей этнической группы – таких же трудовых мигрантов, как следствие, снижена установка на изучение русского языка, аккультурация весьма ограничена. Подобная постоянная ротация работающих мигрантов способствует скорее взаимному культурному знакомству, чем расширению и изменению идентичности. Это подтверждают и полученные нами результаты. Так, среди приехавших «только на время сезонной работы» самоидентификация как носителя базового этноса существенно выше по сравнению с теми, кто предполагает остаться или уже остался на постоянное проживание в России – 71 и 52 % соответственно (табл. 10). Помимо этого, среди приехавших на постоянное место жительства восприятие себя как представителя сразу двух народов распространено в два раза чаще, чем среди мигрантов, работающих сезонно.

Значительная доля мигрантов из Средней Азии до приезда в Россию жила в сельской местности (49 %). Это подразумевает наличие стабильного и гомогенного социокультурного контекста, благоприятного для формирования базовых ценностей и представлений. В подобных условиях говорить о возможной этноконфессиональной вариативности формирующейся идентичности не при-

ходится. Исходя из того, что это процесс первичной и вторичной социализации, можно предположить, что устойчивость данной идентичности априори будет максимально высокой. Происходящие в дальнейшем изменения с большой вероятностью будут носить менее значимый, неглубинный характер. Разделение на «своих» и «других» останется прежним, т. е. внутреннее ядро идентичности, по определению, тяготеет к неизменности.

Таблица 10

**Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы сами и для себя определили свою национальную принадлежность?»
(в зависимости от типа приезда), %**

Тип приезда	Считаю, чувствую себя* (узбеком, таджиком и т. д.)	Считаю себя представителем сразу двух народов
Только на время сезонной работы	71	14
На постоянное место жительства	52	27
Всего	64	19

* Респондентам предлагалось продолжить строчку и обозначить свою этническую самоидентификацию.

Полученные нами результаты не позволяют с достаточной обоснованностью говорить о выраженном влиянии типа поселения (город, сельская местность – село, аул, кишлак) на тот или иной вид самоидентификации. Отчасти это обусловлено общей высокой долей респондентов, придерживающихся исходной этнической принадлежности. Однако если отталкиваться не от прежнего места жительства, а от самоидентификации, то необходимо сказать, что среди респондентов, считающих, чувствующих себя русскими, доля горожан на 20 % выше, чем среди селян.

Другим аспектом нашего рассмотрения было выявление связи между самоидентификацией и гражданством. Получение российского гражданства можно интерпретировать как проявление желания интегрироваться в российское общество. Логично предположить, что в этой группе чисто этническая самоидентификация будет проявляться в меньшей степени, чем среди тех, кто не планиру-

ет принимать российское гражданство. Полученные результаты не опровергают выдвинутое предположение (табл. 11).

Таблица 11

**Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы сами и для себя определили свою национальную принадлежность?»
(в зависимости от наличия российского гражданства), %**

Наличие гражданства РФ	Считаю, чувствую себя русским	Считаю, чувствую себя (узбеком, таджиком и т.д.)	Считаю себя представителем сразу двух народов	Другое	Всего
У меня уже есть российское гражданство	10	53	28	10	22
Российского гражданства у меня нет, но планирую его получить	17	64	16	3	54
У меня нет российского гражданства, и я не планирую его получать	7	74	15	5	24
Всего	13	64	19	5	100

* Респондентам предлагалось продолжить строчку и обозначить свою этническую самоидентификацию.

Считая себя членом, гражданином того или иного общества, государства, индивид принимает существующие в нем нормы, основные поведенческие практики. Для адекватно протекающего взаимодействия он должен освоить минимальный набор социально приемлемых стандартов поведения, принятых «канонов жизнедеятельности». Связь реального поведения с нормативными требованиями определяется глубиной самоидентификации иммигранта с новым местом жительства, степенью включения нового образа в его смысловую, ментальную базу.

Подводя некоторые итоги, заметим, что жизнь в новой стране ведет к своеобразной идентификационной фрустрации мигрантов. Наблюдается определенная неустойчивость, потеря прежней самоидентификации. Происходит сложный, противоречивый поиск но-

вых самоопределений. Формирование идентичности и, как следствие, самоидентификации – процесс двусторонний. С одной стороны, это личностные черты индивида, уникальность жизненного опыта, с другой – то, что видят в индивиде другие. Индивид осознает себя, только если смотрит на себя глазами других, в данном случае местных жителей.

Иммиграция – это не разрыв и не забвение, прошлое продолжает жить в человеке намеренно, согласно или помимо его воли. Это подтверждает и двойственная, подвижная этническая самоидентификация мигрантов – одновременная вовлеченность и не вовлеченность, связанность и не связанность со страной-реципиентом и со страной-донором. Однако, в любом случае, попадание, погружение в иное культурное пространство – это возможность расширения идентичности, ее большая или меньшая трансформация. Данное обстоятельство не исключает идентификации с семейной, этнической, конфессиональной и многими другими группами, но подразумевает дополнение социальных идентичностей, выстраивание их иерархии.

В целом отметим, что заявляемая самоидентификация в действительности может не всегда совпадать с реально проецируемыми в реальную жизнь практиками. Очевидно, что, хотя около восьмидесяти процентов населения России идентифицируют себя как русских, не каждый из них является этнически русским. Можно предположить, что и среди мигрантов этническая самоидентификация не всегда совпадает с исходной этнической группой. Однако данное замечание скорее носит общеметодологический характер и может быть отнесено к любым эмпирическим оценкам ценностной системы индивидов.

На вопрос о том, с какой страной мигранты связывают будущее своих детей, более половины опрошенных (54 %) ответили: «хочу, чтобы они жили в России» (табл. 12). Представители местного населения, отвечая на этот вопрос, иногда задумывались и говорили, что это зависит от того, «какая в стране будет ситуация и в мире».

Однако, в силу худшего знания русского языка, стартовые возможности мигрантов, как правило, более низкие, чем у местных детей. Это определяет возможности получения дальнейшего, в том числе качественного профессионального образования, будущий со-

циальный статус детей-мигрантов в целом. Данное предсказуемое неравенство может быть компенсировано в дальнейшем, во втором поколении приезжих. Тем не менее на определенном, первоначальном этапе оно может оказаться болезненным и для родителей-мигрантов, и для их детей. В дальнейшем это может обусловить ощущение дискриминированности, второсортности и ущемленности.

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос «С какой страной/странами Вы связываете будущее своих детей?», %

Вариант ответа	Мигранты, 2013 г.	Принимающее общество, 2014 г.
Хочу, чтобы они жили в России	54	74
Хочу, чтобы они жили там, где жили наши предки	26	–
Хочу, чтобы они уехали в Европу, США	9	16
Другое	11	10

Косвенным показателем межкультурной дистанции является готовность местных жителей поехать на заработки в среднеазиатские республики. Естественно, при условии, что уровень экономической жизни, материального вознаграждения в них был бы таким же, как в США и Европе. Полученные результаты показали, что при трети затруднившихся с определенным решением более половины опрошенных (61 %) не готовы к подобной смене места жительства. Причины такого распределения могут лежать в разных плоскостях. Вместе с тем они могут быть признаком прочности межкультурного барьера и некоторым итоговым показателем.

Быть восприимчивым и обучаемым сложно, особенно в зрелом возрасте. Освоение и использование новых норм часто сопряжено с одновременным переобучением, переориентированием и замещением (место-то уже занято) ценностей и взглядов, усвоенных и одобряемых на предыдущем жизненном этапе. С этой точки зрения длительное после переезда сохранение привычного уклада вполне объяснимо и часто не подразумевает негативного отношения к принимающей культуре. Легче и комфортнее вести себя так, как уже умеешь, как вели себя близкие, как издавна жил твой на-

род. При этом эффективность новой, иногда повторной социализации тем ниже, чем более интернализованы представления и практики, принятые в исходной культуре. Логично, что для сохранения некой культурно-нормативной цельности принимающее общество заинтересовано в молодом пополнении, как наиболее восприимчивом и социализируемом.

Длительность и частота воспроизводства в новых условиях элементов родной для приезжих культуры – соблюдение национальных традиций и праздников, принятых на прежнем месте жительства, приготовление привычных блюд национальной кухни, не важно, бешбармак это, плов или лепешки, – может рассматриваться как индикатор степени интегрированности. В то же время это зависит и от других факторов. К примеру, наблюдения показали, что мигранты, приехавшие на заработки без семьи, имея ограниченные финансовые возможности и не совсем подходящие бытовые условия, зачастую ограничиваются доступными продуктами быстрого приготовления из разряда «доширак». Семейные мигранты традиционную еду готовят чаще. Но в том и в другом случае возможности соблюдения халляльного питания ограничены. Как говорил один из давно приехавших в Россию мусульман, он сознательно держит на рынке торговую точку, в которой продается мясо животных, забитых в соответствии с предписаниями Корана, разрешенное к употреблению.

Некоторые выводы

Потенциальный ресурс и успешность интеграции или, напротив, культурной и территориальной локализации мигрантов определяется разными факторами. Во-первых, это реальные намерения, готовность интегрироваться в новое социокультурное и этническое пространство: планируют ли они стать частью российского социума и российской культуры или предпочтут воспроизвести здесь свое этнически привычное пространство и локализоваться в нем. Следует учитывать и личностные адаптивные и коммуникационные способности. Как правило, мигранты приезжают не на пустое место, как следствие – существенную роль играют диапазон, плотность и налаженность сложившихся ранее социальных связей родственников, друзей и просто соотечественников. Значима ориенти-

рованность местных властей на принятие и инкорпорирование мигрантов. Не останавливаясь на законодательной, управленческой составляющей, отметим, что чем длительнее опыт взаимодействия между народами и чем меньше культурная дистанция между сообществами, тем с большей вероятностью можно рассчитывать на нетравматичное и успешное вхождение мигрантов в новое культурное и языковое поле.

Исходя из полученных результатов можно заключить, что пополнение принимающего общества происходит преимущественно за счет мужчин молодого и среднего возраста с относительно невысоким по сравнению с местным населением уровнем образования. Обозначилась тенденция дальнейшего снижения образовательного и профессионального уровня приезжающих. Есть основания ожидать увеличения притока мигрантов из сельской местности, обладающих меньшим социальным капиталом и склонных к сезонной миграции, без ориентации на освоение российской культуры и русского языка. В свою очередь, это может вести к образованию в городском пространстве устойчивых и самодостаточных инокультурных сегментов.

Принимающее общество, как и сами мигранты, видит необходимость в регулировании миграционных процессов. Наряду с осознанием позитивных сторон миграции – решением проблем занятости в сфере строительства, жилищно-коммунального хозяйства и других, зафиксировано однозначно негативное отношение к приезжим, в том числе как к угрозе для национальной и социокультурной идентичности.

Процесс интеграции проявился как весьма противоречивый. Наряду с объективной необходимостью и закономерным желанием вхождения в принимающее общество, принятия его языка и культуры (наиболее выражено в деловых, соседских предпочтениях, ориентациях на дружбу своих детей с детьми других народов), присутствует понятное стремление к сохранению единства с этнически родной культурой. Это в большей степени проявилось в частной приватной сфере – установках на межэтнический, межкультурный брак.

Параллельно с процессами глобализации и унификации, распространением «универсальной нормативности» в поведении, по-

треблении и восприятию не исчезает и тяготение к сохранению собственного, в чем-то самобытного социокультурного пространства. Часть мигрантов боится обрусеть, потерять свои традиции, культуру, язык. Выражена потребность в сохранении собственной языковой среды и культуры в целом. Самой «закрытой» остается сфера внутрисемейных отношений. При этом реальные практики межэтнических отношений в семейно-брачной сфере самих респондентов более либеральны, нежели те, которые декларируются вербально в проективных ситуациях, связанных с возможностью вступления в межэтнический брак своих детей.

Трудовая или социальная дискриминация приезжих усиливает их стремление к проживанию среди «своих», обособлению в целом. В свою очередь, изолированность мигрантов, будучи отчасти следствием социальной депривации, ведет к усугублению их социальной исключенности и объединению не на принципах принимающего общества, а на основе своих, ввезенных социальных, культурных и конфессиональных норм. И как показывает европейский опыт, становясь крупными, подобные мигрантские сообщества начинают оказывать давление на правительства, вынуждая их принимать выгодные законы. Территориальная локализация, духовная и социально-экономическая ориентация только на внутриэтнические и внутриконфессиональные взаимодействия ведет или является следствием самодостаточности и реальной добровольной изолированности от принимающего общества, что очевидно не способствует интеграционным процессам.

Среди мигрантов наблюдается установка на выравнивание положений ввозимой культуры и доминирующей культуры принимающего общества. Отметим, что подобные результаты лишают процесс интеграции иллюзорной простоты.

Отдельный аспект – отношение принимающего общества. Настороженность, недовольство местного населения особенно явно проявляются в случаях шумного поведения мигрантов, громкая речь в России не принята. Особенно остро на это реагирует молодежь, воспринимая его как развязное и неуважительное по отношению к местному населению. Абсолютное большинство молодых людей находит, что условием нахождения иноэтнических мигрантов

в нашей стране является уважение с их стороны к нашей культуре, традициям и верованиям.

Выраженность этнической и конфессиональной идентичности мигрантов рассматривается как проявление солидаризации с их исходной культурой, общностью, что может обуславливать напряженность и противоречия с принимающим обществом.

В целом можно сказать, что, хотя и существуют определенные проблемы и недопонимание между жителями Новосибирска и иноэтничными мигрантами, говорить о негативном или тем более враждебном отношении к мигрантам не представляется возможным. Если мигранты готовы к уважительному отношению к российским традициям, верованиям, готовы и хотят улучшить знания русского языка и норм поведения, то вероятнее всего они смогут занять достойное положение в обществе и будут восприняты адекватно. Этому способствуют и процессы глобализации, стирающие межкультурные границы и придающие обществам качества единого социокультурного контента.

В качестве некоторого итога заметим, рассматривая принимающее общество и мигрантов, помимо различий, важным представляется акцентировать наши общность и единство. Ментальная близость может быть неочевидной, в некотором роде даже латентной, но реально присутствующей и влияющей на сегодняшние и потенциальные повседневные практики взаимодействия. Вместе с тем надо понимать, что приезжающие привозят с собой другую культуру и другие верования, более отчетливо выраженные, а приверженность своим традициям среди них более устойчива, нежели у принимающего общества. Невыраженность общероссийского самосознания, общегражданской идентичности при одновременном усилении значимости этнической и религиозной самоидентификации представляется контрпродуктивной, затрудняющей формирование социального и духовного единства общества. Если экономика принимающего общества сильная, а культура духовно-насыщенная, то приезжие с большой вероятностью будут стремиться позитивно интегрироваться в местное сообщество. В этом случае можно рассчитывать на культурно и экономически продуктивные последствия для обеих сторон.

Глава 4

Интеграционные процессы и этнополитика принимающего общества

Мигранты и принимающее общество: формы интеграционных процессов

Миграция жителей из Средней Азии имеет достаточно интенсивный характер и затрагивает интересы современного российского общества. Она может вести как к росту социальной и этнической напряженности, так и способствовать развитию экономики страны приема. В виду неоднозначности последствий такой миграции представляет интерес изучение социальных характеристик процесса вхождения мигрантов в российское общество.

Для целей нашего исследования важно уточнить ряд понятий. Рассмотрим прежде всего понятия интеграции и ассимиляции. Термины «интеграция» и «ассимиляция» относятся к взаимодействию этносов. Интеграция означает включение в систему социальных связей, объединение, согласование, выработку общего самосознания, идентичности. Под ассимиляцией имеют в виду поглощение большим народом малого, смену представителями меньшинства быта, языка и культуры. Оба процесса (на микроуровне) идут через социальную адаптацию индивида, его приспособление к новой социальной, а также культурной, языковой, этноконфессиональной среде. Термин «ассимиляция» в общем смысле означает «уподобление». Ассимиляция происходит, когда входящая этнокультурная группа постепенно адаптируется (или вынуждается к адаптации) к обычаям, ценностям, жизненным стилям и часто языку доминирующей культуры. Нередко культурную ассимиляцию отождествляют с аккультурацией, подразумевая частичную либо полную утрату этнической культуры в пользу осваиваемой культуры базового общества. Если в результате аккультурации происходит смена этнического самосознания группы, то можно говорить об ее этнической ассимиляции. Вместе с тем и после усвоения новой культуры прежнее этническое самосознание, связанное с памятью о родине, еще долгое время мо-

жет сосуществовать с новым. Кроме того, говорить о смене потоками мигрантов своей идентичности, т. е. о полной этнической ассимиляции, можно лишь при адекватном восприятии их принимающим обществом.

Анализ данных процессов осложняется отсутствием единообразия трактовок используемых терминов. Интеграция и ассимиляция могут противопоставляться как процессы сохранения и разрушения этноконфессиональной основы иммигрантского сообщества соответственно. Иногда противопоставляются интеграция и мультикультурализм – как принятие базовым сообществом входящего этноса, либо с потерей, либо с сохранением своего этнокультурного «лица» соответственно. Говорят также об ассимиляции и мультикультурализме как двух концепциях интеграции. Нередко взаимосвязь процессов интеграции и ассимиляции переводится в русло проблемы «равного» удовлетворения этнокультурных и этноязыковых интересов всех граждан государства при сохранении его единства, целостности.

Для более полного понимания данные процессы необходимо рассматривать на уровне общества (социетальный уровень) и на уровне индивида; социетальный уровень, в свою очередь, можно анализировать как с позиции принимающего (базового) общества, так и с позиции (представителей) входящего этноса. Для дальнейшего анализа процессов ассимиляции и интеграции целесообразно систематизировать рассмотренные понятия по двум основаниям: принятие базовым обществом входящего этноса и сохранение входящим этносом своих этнокультурных особенностей (культурного ядра) (табл. 1).

Со стороны базового общества по отношению к входящему этносу может возникать либо его приятие, либо неприятие. В первом случае речь идет об инклюзии – включении малого этноса в состав базового, во втором – происходит его эксклюзия (социальное исключение). Мы рассматриваем мультикультурализм, интеграцию и ассимиляцию как три типа инкорпорирования этнического меньшинства в базовое общество, отражающие его позицию по отношению к мигрантам. Мультикультурализм предполагает равенство «весов», интересов всех сторон; интеграция предполагает примат базового общества, его культуры, интересов, но терпимость к особенностям

входящего этноса; ассимиляция – приоритет интересов базового общества и стирание этнокультурных особенностей входящих групп. При ассимиляции базовое общество поглощает входящий этнос, а входящий этнос меняет свою этническую самоидентификацию.

Таблица 1

**Виды процессов,
происходящих в базовом и входящем социумах**

Позиция входящего этноса	Позиция базового общества			
	Приятие малого этноса (инклюзия)		Неприятие малого этноса (эксклюзия)	
	базовое общество	входящий этнос	базовое общество	входящий этнос
Сохранение своей культуры	Интеграция (или мульти- культурализм)	Интеграция (бикуль- турность)	Сегрегация	Сепарация
Утрата своего культурного ядра (аккуль- турация)	Ассимиляция (поглощение)	Ассимиляция (смена этничности)	Отторжение (департация, выдавливани- е)	Маргинали- зация, деэтнизация

На практике выбранная принимающим обществом политика может не соответствовать протекающим в нем процессам. Так, стремление к мультикультурализму не исключает позиции сепарации со стороны малого этноса и политики сегрегации – со стороны базового. Кроме того, понятие полного равенства может быть различно у взаимодействующих социумов. Под ассимиляцией часто имеют в виду двойной процесс ассимиляции-аккультурации (поглощения базовым этносом малого и утраты малым своих культурных отличий). Частным случаем процесса ассимиляции-аккультурации можно считать языковую ассимиляцию, т. е. полную или частичную утрату родного языка. Конечной стадией этого двойного процесса является или смена этнической самоидентификации (обретение новых этнокультурных качеств при полной или почти полной утрате исконных), или деэтнизация (утрата собственных национально-культурных и языковых черт без адекватной замены новыми). Би- или поликультурность может рассматриваться и как показатель интегрированности представителей входящего этноса,

и как фаза его ассимиляции. Межэтническая интегрированность индивида, его поликультурность означает внутреннюю, осознаваемую культурную и психологическую принадлежность одновременно к исходному этносу и этнической группе страны реципиента. Поликультурность предполагает наличие множественной (например, двойной) идентичности, этнопсихологического сближения. Полная ассимиляция подразумевает не только смену идентичности водными меньшинствами, но и соответствующее восприятие и представителями принимающего общества.

Анализируя интеграцию и ассимиляцию с позиции входящего этноса, необходимо фиксировать и наблюдать динамику этих процессов и на уровне индивида. Здесь интеграция понимается как вхождение индивида в круг социальных связей базового общества, а также принятие обществом индивида, выражаемое через положительную оценку его функционирования в нем. Интеграция индивида может происходить и без смены им своей культуры, этнической самоидентификации и возможна через вхождение индивида в общество в составе обособленной группы (например, диаспоры). В этом случае происходит вхождение в формальную социальную структуру общества, заключающееся в успешном выполнении социальных ролей и функций, исполнении юридических законов и основных моральных правил. Ассимиляция индивида подразумевает смену им культурной идентичности, проявляющуюся через изменение порядка быта, принятие основных норм, обычаев, смешанные браки, смену национальной идентичности. Изменения, происходящие с индивидом в процессе социокультурной адаптации, можно условно разделить по глубине перемен в личности на внутренние и внешние. Поскольку ассимиляция подразумевает принятие иной культуры, вплоть до изменения этно-конфессиональной идентичности, то она связана с наиболее глубокими внутренними изменениями личности, т. е. происходит «внутренняя» социальная адаптация индивида к новой среде. Интеграция индивида, как было отмечено выше, первоначально связана с его «внешней» социальной адаптацией, вызывающей преимущественно неглубокие перемены в личности.

Если рассматривать процессы со стороны мигрантов, то можно анализировать приобретаемые мигрантами качества – интегрирован-

ность и ассимилированность. Интегрированность индивида мы рассматриваем как степень его включенности в систему социальных связей базового общества, его структуру. Ассимилированность индивида отражает степень его включенности в культурную сферу базового общества и утрату этнической культуры. Этот процесс подразумевает наличие у индивида стремления быть включенным, принятие его как «своего» базовым обществом, меру такой включенности. Вместе с тем интеграция как постепенный, поэтапный процесс может носить характер как формальный (основанный на приспособлении к внешним условиям жизни, умении выживать в ином обществе), так и органический (включающий значительное проникновение в культуру базового общества, любовь к новой Родине).

Отношение принимающего общества, социума к мигрантам является существенным моментом в интеграционных процессах. О полноценной интеграции можно говорить лишь при отсутствии массового отторжения или терпимом отношении к мигрантам со стороны принимающего общества. В этом случае возможны три основные модели вхождения мигрантов – их формальная интеграция, органическая интеграция и ассимиляция. Формальная интеграция основана на вхождении преимущественно в социальную структуру общества и функционировании в нем, без глубокого соприкосновения с культурой принимающего общества. Органическая – связана с приобщением к культуре принимающего общества и включает ассимиляционные процессы. Она представляет собой глубокое приобщение к культуре принимающего общества, что возможно и без потери своей этничности. К процессам, сопровождающим органическую интеграцию, можно отнести и постепенное размывание межэтнических границ у входящих групп, обретение ими поликультурной идентичности. Если ассимиляция подразумевает принятие базовым обществом мигрантов в качестве «своих», то интеграция (как формальная, так и органическая) возможна и без полного принятия мигрантов базовым обществом.

Рассмотрим интеграционные процессы с позиции принимающего общества. Проблематика интеграции с момента своего возникновения рассматривалась с точки зрения динамики культуры входящих общностей. Но к концу XX – началу XXI в. массовость инокультурной иммиграции вызвала необходимость анализа влия-

ния укрупняющихся входящих меньшинств на принимающие общества. Особенно актуальной эта проблема стала для Западной Европы, где географические масштабы и численность населения принимающих стран много меньше, чем в России и США, и иммиграционный прирост ощутимее влияет на социокультурную ситуацию. На примере современных принимающих обществ мы видим, что интеграция мигрантов, в зависимости от концентрации и степени культурного отличия, культурного давления, оказываемого ими, включает смещение акцентов в ответной активности принимающего общества. При небольшом количестве мигрантов преобладают усилия общества по их принятию и адаптации, вопрос о смене их культурной идентичности не ставится. Для этого типа иммиграции характерны идеи, созвучные мультикультурализму. По мере увеличения доли мигрантов актуализируются процессы установления оптимальных связей между относительно самостоятельными и пока малосвязанными между собой социальными субъектами (группами входящих меньшинств и принимающим обществом) и дальнейшее их превращение в единую, целостную систему, в которой согласованы и взаимозависимы ее части на основе общих целей, интересов. Этот этап характеризуется преобладанием идей интеграции и социализации мигрантов. С дальнейшим увеличением доли мигрантов может начаться этап отторжения и культурного противостояния с оформившимися и все возрастающими социально-культурными меньшинствами. При значительной доле инокультурных мигрантов на первый план для принимающего общества выходит задача поддержания социальной системой собственной устойчивости и равновесия, самоинтеграции, сохранения собственной культурной идентичности и уникальности. Процентное выражение долей мигрантов, влияющих на их коллективное поведение в принимающем обществе, предложено П. Хэммондом⁷, выделившим в качестве рубежных доли в 2, 5, 10 и 20 %. Это соответствует типам ответной самоорганизации принимающего общества, опи-

⁷ Slavery, Terrorism and Islam. The Historical Roots and Contemporary Threat by Peter Hammond. Christian Liberty Books, 2005.

санными нами выше (табл. 2). Метки в 40, 60 и 80 %, выделенные П. Хэммондом, уже ставят под вопрос возможность выживания и само существование принимающего общества.

Таблица 2

**Типы интеграционного поведения и этнополитики
принимающего общества в зависимости
от доли иноэтноконфессиональных иммигрантов**

Доля мигрантов, %	Реакция принимающего общества	Официальная этнополитика
до 2	Приятие, помощь	Адаптация, мультикультурализм
5	Терпимость, толерантность	Социализация, интеграция, взаимоадаптация, организация межрелигиозных контактов, согласование интересов
10	Напряжение, самоинтеграция	Поиск и уточнение собственной идентичности, оформление своих интересов
20	Отторжение, самосохранение	Правовые ограничения, политико-экономическое регулирование миграционных потоков

Рассмотрим, каков опыт позитивных и негативных взаимодействий с мигрантами из среднеазиатских республик. Судя по ответам, новосибирцы чаще помогают приезжим, чем получают от них помощь (табл. 3). Возможно, мы видим себя более вежливыми и заботливыми, чем приезжие или у нас есть больше возможностей помочь. Никогда не оказывали помощь 45 % опрошенных и не получали помощь или заботу от приезжих – 55 %, что может быть связано как с отношением к приезжим, так и с отсутствием контактов с ними. Проявления грубости, напротив, респонденты чаще отмечают со стороны приезжих. В целом позитивных взаимодействий больше, чем негативных.

Отметим, что отношение принимающего общества к мигрантам, выявленное на межличностном, межгрупповом и межкультурном уровнях, может быть различно. Так, если на индивидуальном уровне мы наблюдаем довольно высокий процент позитивных контактов (факты помощи, участия с обеих сторон отметили до поло-

вины опрошенных респондентов – представителей принимающего общества), на межгрупповом (родители учащихся обеих сторон) – преобладание адаптации: «присматриваются, а затем привыкают», то на социетальном – большинство респондентов (2/3) выбирают ограничительную стратегию.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Случались ли с Вами следующие события, как часто?», %**

Вопрос	Часто	Иногда	Никогда
Случалось ли Вам проявлять заботу, участие, помогать приезжему из Средней Азии?	11	45	45
Были ли случаи, когда приезжие из стран Средней Азии помогали Вам, проявляли заботу?	8	37	55
Были ли случаи, когда приезжие из стран Средней Азии вели себя по отношению к Вам грубо, невоспитанно?	10	43	46
Случалось ли Вам быть грубым с приезжими из Средней Азии?	5	32	62

Таким образом, интеграционная активность принимающего общества может варьироваться, быть различной, изменяясь в зависимости от доли, этноконфессионального состава, этнокультурного поведения иммигрантов, миграционной и национальной политики, проводимой государством.

Характер интеграции мигрантов-мусульман

Интеграция подразумевает необходимость принятия принимающим обществом определенных мер – в зависимости от того, желателен ли для него приток новых людей, каких именно, для чего (например, дефицит квалифицированных или, наоборот, дешевых неквалифицированных кадров, демографический лаг). Интеграция как включение индивида в систему «внешних» (ролевых, профессиональных) и «внутренних» (приятие элементов культуры, смещение идентичности) связей выражается в обретении им особого качества – интегрированности. Формальная интегрированность

предполагает наличие у индивида определенного (не ниже среднего) статуса в обществе, материальной (доход, жилье) и социальной обустроенности (проживание вместе с семьей, широкий круг знакомых). Естественно, что высокая интегрированность достигается с годами. Поэтому в качестве индикаторов формальной интегрированности мигрантов мы выбрали хорошее материальное положение, длительное проживание в России (более 6 лет), а также проживание в России семьи мигранта. На их основе, суммируя баллы за наличие каждого из индикаторов (по 1 баллу), мы получили четыре группы мигрантов, имеющих разное количество индикаторов (признаков) интегрированности: от 0 до 3. Назовем их соответственно: неинтегрированные (отсутствие признаков интегрированности), слабоинтегрированные (1 признак), среднеинтегрированные (2 признака), высокоинтегрированные (3 признака интегрированности). Распределение мигрантов по этим группам: 40, 34, 19 и 7 % соответственно.

Рассмотрим связь степени интегрированности с различными социальными характеристиками (значимость связи определялась по критерию Хи-квадрат).

По мере роста интегрированности мигрантов растет доля старших возрастов (от 30 лет и более) (табл. 4), а также доля

Таблица 4

**Социально-демографические характеристики
и языковая практика мигрантов
с различной интегрированностью, %**

Социальные характеристики	Степень интегрированности			
	нет	слабая	средняя	высокая
Наличие высшего образования	14	23	29	60
Возраст старше 30 лет	32	36	48	70
Дети свободно говорят по-русски	15	30	68	89
Язык, использующийся в домашнем общении				
Русский	9	10	23	30
Национальный	71	68	47	20
Русский и национальный	20	22	30	50

имеющих высшее образование. Чем выше интегрированность мигрантов, тем чаще они говорят дома на русском языке (до 30 % в группе высокоинтегрированных), а также больше доля тех, чьи дети хорошо владеют русским языком (до 89 %). Это связано с большим сроком проживания в России.

Более интегрированные мигранты – это преимущественно выходцы из городов. Они имеют российское гражданство и приехали на постоянное место жительства. Соответственно, среди менее интегрированных возрастает доля приехавших на время сезонных работ. Чем выше интегрированность мигрантов, тем чаще они отмечают, что приехали без чьей-либо помощи, все делали сами.

Среди мотивов переезда в Россию с ростом интегрированности возрастает мотив получения образования и снижается мотив материального обеспечения (табл. 5). По мере возрастания материального

Таблица 5

**Социальные характеристики мигрантов
и степень их интегрированности, %**

Социальные характеристики	Степень интегрированности			
	нет	слабая	средняя	высокая
Выходцы из городов	40	52	65	90
Имеют российское гражданство	16	33	73	90
Приехали на постоянное место жительства	25	37	67	100
Приехали на время сезонной работы	63	48	17	0
Приехали сами, без чьей-либо помощи	31	46	48	90
Уехали, чтобы обеспечить себя и свою семью	89	82	53	30
Уехали, чтобы получить образование	16	17	23	30
Причина отъезда – открытие своего бизнеса в России	2	7	7	60
Считают, что «бедные люди – это преимущественно четные люди»	51	39	30	20
Согласны, что в паспорт нужно ввести графу с указанием национальности	59	57	27	13

благосостояния мигрантов ухудшается их отношение к бедным. Большая часть самых интегрированных – это люди, имеющие свой бизнес в России (60 %). Их отличает более скептическое отношение к бедным. Чем выше интегрированность мигрантов, тем менее они согласны с включением в паспорт графы с указанием национальности, что отражает процесс размывания национальной идентичности.

Таблица 6

Социальные связи различно интегрированных мигрантов, %

Социальные показатели	Степень интегрированности			
	нет	слабая	средняя	высокая
Получают помощь от людей своей национальности	58	65	76	90
Участвуют в жизни религиозной общины	11	10	33	75
Участвуют в жизни национальной диаспоры	12	13	41	90

Как и ожидалось, интегрированность положительно коррелирует с активностью участия в социальных связях. Более интегрированные группы чаще отмечают, что получают помощь от людей своей национальности, чаще участвуют в жизни религиозной общины и национальной диаспоры (табл. 6). В группе высокоинтегрированных от 75 до 90 % включены в эти общности (в религиозную и национальную общины соответственно). Вместе с тем чем выше интегрированность мигрантов, тем чаще они отмечают, что испытывают враждебность на работе, а также со стороны лиц пожилого возраста. Помимо прочего, это может быть связано с лучшим пониманием культурных сигналов (речь, «язык тела»), а также с большей откровенностью интегрированных респондентов, обусловленной большей уверенностью в своей безопасности. Таким образом, принимающее сообщество, по мнению наиболее интегрированной части мигрантов, проявляет достаточно высокую степень этнической напряженности.

В качестве причин межнациональной напряженности высокоинтегрированные мигранты гораздо чаще отмечают «увеличение

доли мигрантов» – 63 %, в других группах на этот фактор указывает менее трети (табл. 7). На втором месте высокоинтегрированные мигранты указывали такие причины напряженности, как «борьба за доходные рабочие места» и «несовершенство национальной политики» (25 %). Этой группой отмечались лишь три указанные выше причины межнациональной напряженности из семи. В остальных группах отмечался весь набор причин и прежде всего – «кризис и сокращение социальной защищенности и поддержки». Повидимому, можно говорить о незаинтересованности более интегрированных мигрантов в широком притоке новых иммигрантов, так как это повышает конкуренцию и осложняет социально-психологическую атмосферу в стране приема в области межнациональных отношений.

Таблица 7

**Мнение мигрантов с разной степенью интегрированности
о причинах межнациональной напряженности, %**

Причина напряженности	Степень интегрированности			
	нет	слабая	средняя	высокая
Борьба за власть	24	18	0	0
Кризис и сокращение социальной защищенности и поддержки	47	56	33	0
Увеличение доли мигрантов	28	26	29	63
Неуважение к национально-культурным особенностям иных народов	26	10	25	0
Разжигание межнациональной розни	17	13	17	0
Борьба за доходные рабочие места	15	21	8	25
Несовершенство национальной политики	15	13	29	25

Наблюдается связь интегрированности с некоторыми социальными ценностями. Чем выше интегрированность, тем менее актуальны ценности жилья и здоровья (видимо, с этим все обстоит благополучно) и более важны ценности семьи и веры (табл. 8).

Вхождение мигрантов в инокультурную среду отражается на их самовосприятии, социальной идентификации. Размывается прежняя идентичность, расширяются границы общностей, с которыми мигрант себя идентифицирует. Наиболее выражена у мигрантов «космополитическая» идентификация (определяют себя как

«человека, живущего на этой земле» 56–62 %), облегчающая межкультурный переход и контакты. Наиболее слаба во всех группах идентификация с единоверцами (6–10 %). Самую определенную идентификацию имеет группа высокоинтегрированных мигрантов: они связывают себя с современной Россией (70 %) и уже не связывают с той страной, из которой они приехали (0); при этом у них высока привязанность к прежнему месту жительства (малой родине). Таким образом, идентичность начинает размываться и меняться сначала на самом широком, общем уровне (страна).

Таблица 8

Связь интегрированности с социальными ценностями, %

Социальные ценности	Степень интегрированности			
	нет	слабая	средняя	высокая
Важны хорошие жилищные условия	36	33	23	10
Важно здоровье	74	74	67	30
Важна семья, дети	57	67	77	90

Интересны социальные портреты крайних групп мигрантов – высокоинтегрированных и неинтегрированных.

Высокоинтегрированные мигранты. Это в основном мужчины старше 40 лет с высшим образованием, без чьей-либо помощи приехавшие из городов на постоянное место жительства в Россию и получившие российское гражданство. Они многодетны; их дети живут вместе с ними, свободно владеют русским языком и практически не используют свой национальный. Высокоинтегрированные мигранты социально активны и имеют здесь свой бизнес. Проявляют симпатию к иным народам и культурам вообще, но не к местной (не к русской и православной) конкретно (табл. 9).

Чувствуют враждебность к себе со стороны местного населения, причиной которой считают рост числа мигрантов, борьбу за доходные рабочие места и несовершенство национальной политики (табл. 10).

Таблица 9

**Отношение к представителям иных религий и народов
и степень интегрированности мигрантов, %**

Люди иного вероисповедания, иного этноса	Неинтегрированные	Высокоинтегрированные
Отношение с симпатией		
Люди с другими традициями, представители других народов и культур	57	80
Местные русские жители	73	50
Православные	38	22
Исповедующие ислам	73	78
Буддисты	11	78
Негативное отношение		
Неверующие	53	56
Исповедующие нетрадиционные религии	53	67

Высокоинтегрированные мигранты положительнее относятся к дружбе своих детей с детьми другой национальности. В вопросе допустимости межнационального брака для своих детей высокоинтегрированные мигранты оказались консервативнее: 22 % – за и 67 % – против. В группе неинтегрированных мигрантов наблюдается небольшой перевес в сторону положительного отношения: здесь эти цифры составляют 39 и 33 % соответственно. Неустойчивое социальное положение способствует их готовности к межнациональному браку.

Таблица 10

**Ощущение враждебности к себе со стороны местного населения
крайними по степени интегрированности группами, %**

Ощущение враждебности по отношению к себе	Неинтегрированные	Высокоинтегрированные
В быту	16	50
На работе	10	40
От молодежи и подростков	24	50
Со стороны пожилых	8	50
От людей среднего возраста	10	50

В группе высокоинтегрированных меньше всего согласных с утверждением, что возрождение всех народов немислимо без возрождения русского народа (11 %); в остальных группах – от 26 до 31 %. Согласны, что в паспорт нужно ввести графу с указанием национальности, лишь 13 % высокоинтегрированных мигрантов. Для сравнения: у неинтегрированных мигрантов эта цифра составляет 59 %.

Неинтегрированные мигранты. В составе этой группы 69 % мужчин и 31 % женщин. Большинство ее составляет молодежь до 30 лет (69 %). Соответственно, половина (49 %) не имеют детей. Национальный состав неинтегрированных мигрантов представлен в основном выходцами из Киргизии (39 %), Узбекистана (31 %) и Таджикистана (20 %). Они приехали преимущественно из деревень (60 %), в основном на время сезонной работы (63 %). Ведущим мотивом приезда в Россию является заработок (89 %); 16 % приехали для получения образования. Имеют свой бизнес в России лишь 2 % этой группы (сравним: практически все в группе высокоинтегрированных – бизнесмены). Половина (50 %) неинтегрированных мигрантов отметили, что им помогли перебраться в Россию родственники; 31 % приехали без чьей-либо помощи; у 17 % приезд был организован работодателем (сезонная работа); 2 % отметили, что им помогала национальная или религиозная община. Только 16 % из этой группы имеют российское гражданство, 40 % планируют его получить, 44 % этого не планируют (табл. 11).

Таблица 11

**Связь интегрированности
с планами на получение российского гражданства, %**

Российское гражданство	Степень интегрированности			
	нет	слабая	средняя	высокая
Имеют	16	33	73	90
Планируют получить	40	43	13	10
Не имеют и не планируют получить	44	24	13	0

Неинтегрированные мигранты редко используют русский язык, в основном на работе: на русском говорят дома – 9 %, на работе – 51 %, с людьми своей национальности – 9 %. Больше трети (35 %) этой группы отметили, что люди из их ближайшего окруже-

ния свободно говорят по-русски. При этом считают, что им легко говорить на русском, 63 % неинтегрированных мигрантов и более половины (55 %) отметили, что используют русский язык в качестве основного. Почти половина (45 %) этой группы считают, что местные жители без агрессии воспринимают ситуации, когда приезжие говорят на своем языке. Степень знания русского языка детьми мигрантов напрямую коррелирует со степенью интегрированности (табл. 12).

Таблица 12

**Связь интегрированности
со знанием русского языка детьми мигрантов, %**

Владение русским языком	Степень интегрированности			
	нет	слабая	средняя	высокая
Свободно говорят по-русски	15	30	68	89
Немного знают и учат	39	37	26	11
Немного знают, но дальше не учат	3	0	5	0
Не знают, но учат	27	27	0	0
Не знают и не учат	15	7	0	0

Социальные связи этой группы налажены в основном с родственниками и представителями своей национальности. Они получают помощь: от родственников – 70 %, от людей своей национальности – 58 %, от религиозной общины – 14 %, от «разных других людей» – 13 %. Данная группа почти не участвует в жизни религиозной общины и национальной диаспоры (11–12 % участвующих соответственно).

Межнациональные отношения в России представляются этой группе менее напряженными. Они гораздо меньше отмечают, что испытывают враждебность со стороны местного российского населения: от 8 до 24 % испытывают ее в бытовой сфере, на работе, а также от лиц всех возрастов. Это можно объяснить, в том числе, недостаточным знанием языка, а также страхом высказать негативное мнение и желанием показать, что «все хорошо». Соответственно, большинство их (63 %) оценивают межнациональные отношения в Новосибирске как «не напряженные». Согласны, что в пас-

порт нужно ввести графу с указанием национальности, 59 % неинтегрированных мигрантов (у высокоинтегрированных – 13 %).

В качестве причин межнациональной напряженности мигранты этой группы указывают: недостаточность социальной защищенности и поддержки (47 %), рост доли мигрантов, неуважение к национально-культурным особенностям иных народов, борьбу за власть (24–28 %), разжигание межнациональной розни, борьбу за доходные рабочие места, несовершенство национальной политики (15–17 %).

К дружбе своих детей с детьми других национальностей неинтегрированные мигранты относятся положительно (85 %). К браку своего ребенка с представителем другой национальности отнеслись положительно 39 %, отрицательно 33 %.

Неинтегрированные мигранты не имеют ярко выраженной идентификации: чуть больше половины их (56 %) чувствуют себя «просто человеком, живущим на этой земле» и по 1/3 идентифицируют себя либо с советским временем, либо с современной Россией, либо со своей родиной. В этой группе 30 % отмечают свое отличие от россиян. Здесь больше всего согласных (31 %) с утверждением, что возрождение всех народов невозможно без возрождения русского народа.

Среди ценностей наиболее значимым для этой группы является здоровье (74 %), на втором месте – семья (57 %), на третьем – хорошие жилищные условия (36 %). От 20 до 23 % неинтегрированных мигрантов отмечают важность достатка, связей с родственниками, любви. Эту группу в основном составляют люди с низким доходом. Соответственно, здесь наибольшая доля (51 %) согласных с утверждением, что бедные – это преимущественно честные люди.

Таким образом, по мере роста интегрированности мигрантов-мусульман в России наблюдается формирование у них новой гражданской (российской) идентичности. Вместе с тем происходит рост их идентификации со своими конфессиональными традициями; религия становится основой их идентификации, возрастает ее социокультурная и личная значимость, что способствует закреплению межкультурных границ с принимающим российским обществом. Инкорпорирование мигрантов-мусульман происходит преимущественно по модели формальной интеграции: освоение языка,

получение образования, достижение достатка, широкие социальные связи, без углубления в российскую культуру.

Специфика ассимиляционных процессов

Ассимиляция представляет собой один из типов инкорпорирования входящего этноса в базовое общество. При контакте разных этнических сообществ возникает проблема этнической идентичности. Чаще всего эту проблему рассматривают на примере этнических общностей, входящих в состав общества с иной культурной базой. С течением времени у этнического меньшинства могут происходить изменения культурных установок, норм, ценностей, поведения. Основной предмет исследований в данной области – взаимовлияние различных систем норм и ценностей. Члены этнического меньшинства могут одновременно иметь сильную или слабую идентификацию с базовой и с этнической культурами. В зависимости от уровня выраженности этих ориентаций могут быть выделены четыре варианта этнической включенности: бикультурность (сильная идентификация с обеими культурами), маргинальность (обе идентификации слабые), ассимилированность (слабая интеграция с этнической культурой и сильная с базовой), сепарированность (сильная интеграция с этнической культурой и слабая с базовой)⁸. Мы взяли за основу данную логику классификации для построения типологии мигрантов при исследовании ассимиляционных процессов в группах мигрантов-мусульман.

Для изучения социальных характеристик различно ассимилированных мигрантов мы разбили респондентов на группы на основе четырех индикаторов. Первые два из них показывают приверженность этнической культуре: соблюдение религиозных предписаний ислама, негативное отношение к межнациональному браку своих детей; другие два – близость к базовой – хорошее знание русского языка, желание стать здесь своим. Индикаторы мы оценивали баллами в соответствии с ориентацией на базовую культуру:

⁸ *Berry J. Immigration, Acculturation and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46, N 1. P. 9–11.*

1 балл – если показатель говорит об ориентации на базовую и 0 – при ориентации на этническую культуру (табл. 13).

Таблица 13

**Индикаторы и показатели
крайних типов этнической включенности
(1 балл – близость к базовой культуре, 0 – близость к этнической)**

Индикаторы этнической включенности	Ассимилированные	Сепарированные
Соблюдение религиозных предписаний ислама	Не соблюдают (1)	Соблюдают (0)
Согласие на межнациональный брак	Согласны (1)	Не согласны (0)
Знание русского языка	Хорошее (1)	Плохое (0)
Желание стать здесь своим	Есть (1)	Нет (0)
Суммарный балл	4	0

Так, показателями ассимилированности являются: слабая или отсутствующая религиозность мигрантов-мусульман, согласие на межнациональный брак своих детей, хорошее знание русского языка и желание стать здесь своим. Показателями сепарированности являются высокая этническая религиозность, отрицательное отношение к межнациональному браку своих детей, плохое знание русского языка, нежелание стать здесь своим. Данная типология позволяет анализировать социальные характеристики групп мигрантов с разной степенью ассимилированности, а также выявлять влияющие на нее факторы. Таким образом, мы получили группы: сепарированных (0 баллов), маргиналов (1 балл), бикультурных (2 балла) и ассимилированных мигрантов (4 балла). Принадлежность к группам определялась по количеству баллов. Мы видим, что по логике присвоения баллов выделяется еще одна группа: с суммарным баллом 3. Это переходная группа между бикультурными и ассимилированными, назовем ее «готовыми к ассимиляции»⁹.

⁹ Кириллова А.И. Ассимилированность мигрантов (типологический подход) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 205–211.

В результате получим пять групп, имеющих от 0 до 4 баллов по шкале ассимилированности-сепарированности. Самая малочисленная группа – сепарированные (2 %), следом за ней идет группа маргиналов (13 %). Доля бикультурных мигрантов составила 33, готовых к ассимиляции – 39, ассимилированных – 13 %.

Группа готовых к ассимиляции интересна как источник новых членов базового общества. Рассмотрим, какова ее структура, кто составляет ее большинство. Это наиболее многочисленная, неоднородная по своему составу группа. Она состоит из четырех подгрупп, соответствующих четырем возможным способам получить в сумме 3 балла: «религиозные», «против брака», «незнающие язык» и «нежелающие быть своими».

«Религиозные». Группа готовых к ассимиляции в наибольшей степени представлена теми, кто соблюдает религиозные предписания ислама, при этом согласны на брак своего ребенка с человеком другой национальности, хорошо знают русский и хотят быть своими (46 % от входящих в эту группу). Остальные три подгруппы не религиозны (т. е. совсем или почти не соблюдают религиозных предписаний ислама).

Следующая по численности подгруппа «*против брака*» – это те, кто не соблюдают религиозных предписаний, но не согласны на межнациональный брак своих детей, хорошо знают русский, хотят быть здесь своими (33 %).

Третья подгруппа – «*незнающие язык*» – нерелигиозны, согласны на брак своих детей с человеком другой национальности, хотят быть своими в России, но плохо знают русский язык (их 18 %). Из данных опроса следует, что чем дольше мигранты живут в России, тем выше их самооценка знания языка, т. е. для этой подгруппы переход в группу ассимилированных – только вопрос времени.

«*Нежелающие быть своими*» – это четвертая, самая малочисленная группа (3 %) – они нерелигиозны, на межнациональный брак своих детей согласны, русский язык знают хорошо, но не хотят быть здесь своими. Эта группа тяготеет к маргиналам, которым не близка ни этническая, ни базовая культура.

Таким образом, большую часть группы готовых к ассимиляции составляют люди, желающие стать своими в России (97 % группы) и знающие язык (82 %), затем идут те, кто положительно относятся

к межнациональному браку своих детей (67 %) и слабо религиозные (54 %). Доля отходящих от исламской культуры (то есть не соблюдающих религиозных предписаний и одновременно согласных на смешанный брак) составляет 21 % группы готовых к ассимиляции. Остальные 79 % сохраняют определенную принадлежность исламской культуре, но приобретают и некоторые элементы, облегчающие переход в российскую культуру.

Рассмотрим ряд характеристик мигрантов с разной степенью ассимилированности.

В целом ассимилированность выше у мужчин. Наибольшая доля мужчин (43 %) находится в группе готовых к ассимиляции, тогда как у женщин большинство бикультурных (46 %).

Среди ассимилированных преобладают две возрастные группы: 21–30-летних и старших возрастов (старше 41 года), более молодой состав имеют группы бикультурных и готовых к ассимиляции (преобладают 21–30-летние); маргиналы представлены теми, кто моложе 40 лет: 36 % 31–40-летних, а также юные и молодые (17–20 и 21–30 лет) – по 27 %.

Среди ассимилированных больше всего выходцев из Узбекистана (36 %) и Киргизии (27 %). Готовые к ассимиляции представлены в большей степени узбеками и киргизами (33 и 30 % соответственно), а также 15 % таджиков. Маргиналы представлены преимущественно выходцами из Таджикистана (40 %) и Киргизии (50 %). Среди бикультурных больше всего киргизов (39 %), по 21 % таджиков и узбеков, 11 % казахов.

Какова связь ассимилированности со временем проживания в России? Казалось бы, чем дольше иммигрант живет в стране приема, тем больше должна становиться его ассимилированность. Наши данные говорят о неоднозначности протекания процесса ассимиляции во времени. Среди совсем недавно приехавших большинство проявляют готовность к ассимиляции (48 %) либо бикультурную направленность (33 %). Среди тех, кто живет в России 1–3 года, доля готовых к ассимиляции снижается до 35 %, бикультурных столько же (33 %), пополняются группы маргиналов (16 %) и ассимилированных (12 %). Среди живущих до 10 лет большинство (2/3) предпочитает бикультурность. Из тех, кто проживает здесь

более 10 лет, 50 % готовых к ассимиляции, 25 % ассимилированных и 17 % маргиналов.

Таким образом, процесс ассимиляции во времени протекает не прямолинейно. Если наш срез по годам проживания трактовать как динамику процесса ассимиляции во времени, то мы видим, что первоначально высокая готовность к ассимиляции (48 %) и бикультурности (33 %) недавно приехавших снижается в первые три года за счет перехода части мигрантов в крайние группы – маргиналов и ассимилированных. Далее, при проживании в России до 10 лет идет нарастание бикультурных ориентаций за счет уменьшения долей маргиналов и готовых к ассимиляции. И наконец, при проживании более 10 лет бикультурные тенденции снижаются и наполняются группы ассимилированных, готовых к ассимиляции и маргиналов. К этому времени (более 10 лет проживания) половина мигрантов определяется как готовые к ассимиляции, еще четверть как ассимилированные, доля бикультурных становится совсем мала (8 %), немалая часть мигрантов застревает в маргиналах (17 %). В перспективной динамике эта цифра при продолжающемся росте числа инокультурных мигрантов создает социальную базу для дестабилизации обстановки в стране (крайних форм выражения недовольства своим положением).

Охарактеризуем связь разных групп мигрантов с базовой и этнической культурами. С повышением уровня ассимилированности возрастает доля мигрантов, считающих, что они должны соблюдать российские традиции и знать язык (от 73 % в группе маргиналов до 100 % в группе ассимилированных), одновременно растет доля согласных с мнением, что традиции мигрантов должны уважаться в России наравне с российскими (от 40 % в группе маргиналов до 73 % в группе ассимилированных), что говорит о поликультурной окраске «ассимилированности» мигрантов.

Русский язык мигранты используют в основном на работе. Чаше других говорят на русском дома с родными ассимилированные (27 %), на работе с коллегами чаще других групп говорят бикультурные (64 %), с людьми своей национальности больше говорят готовые к ассимиляции (19 %). В быту (вне работы) мигранты склонны использовать национальный язык.

Восприятие реакции принимающего сообщества на использование мигрантами национального языка у разных групп мигрантов различное. Около половины бикультурных, готовых к ассимиляции и ассимилированных мигрантов отметили, что местные жители «нормально» («спокойно», «хорошо») реагируют, когда они говорят на национальном языке. У маргиналов, наоборот, половина указала на отрицательное отношение населения принимающего общества к данной практике. В целом 48 % отметили спокойную реакцию местного населения на использование мигрантами национального языка и 29 % – отрицательную.

От кого исходит враждебность: точка зрения мигрантов. Группа ассимилированных мигрантов в большей степени отмечает напряженность, враждебность к себе от разных групп россиян: больше всего от молодежи (91 % ассимилированных), от людей среднего возраста и пожилых (по 64 %), на работе (36 %).

Как сами мигранты относятся к «другим»? В целом 69 % обозначили свое положительное отношение к местным русским и 60 % – к другим народам вообще. К православным, как и к европейцам, симпатию испытывают немногие – 29 и 26 % соответственно. Отношение к православным важно, так как российская культура уходит корнями в православие и большинство россиян идентифицируют себя как православных. Среди ассимилированных 55 % отметили свою симпатию к православным, в группе готовых к ассимиляции эта цифра составляет 29 %, 25 % – у бикультурных и 9 % у маргиналов. То есть с повышением ассимилированности мигрантов к российской культуре возрастает и симпатия к православным. Ассимилированные демонстрируют более положительное отношение практически ко всем инокультурным группам, что говорит об их поликультурной направленности.

Рассмотрим социальные связи (источники помощи) мигрантов. Ассимилированные больше всего помощи получают от «разных других людей» (100 %), людей своей национальности (90 %), значительна помощь от родственников (50 %). От родственников и единоверцев больше других получают готовые к ассимиляции (80 и 29 % соответственно). Маргиналы не получают помощи от единоверцев (религиозной общины), меньше других получают помощь от людей своей национальности (54 %) и «от разных

других людей» (40 %), но многие имеют помощь от родственников (73 %). Узость контактов подтверждает их маргинальное, отрезанное от всех положение. Вместе с тем ясно, что вовлечение мигрантов в многообразные социальные связи, прежде всего с принимающим обществом, является значимым механизмом их интеграции и снижения рисков дестабилизации общества с их стороны.

Дадим краткий портрет группы ассимилированных мигрантов. Доля мужчин в группе ассимилированных наибольшая, можно сказать, что это «самая мужская группа». Среди ассимилированных преобладают две возрастные группы: 21–30-летних и зрелых возрастов (старше 41 года), это и самая старшая группа. Они социально активны: получают много помощи от разных групп людей, больше других подгрупп получают помощь от людей своей национальности и «других людей» (нередко здесь указываются руководители и коллеги, русские). Они менее других озабочены состоянием жилья и более других – здоровьем, что, возможно, объясняется преобладанием людей более старших возрастов.

Ассимилированные выказывают наибольшую симпатию по отношению к людям других культур, к мусульманам, к местным русским жителям (по 82 %), к православным (55 %), к европейцам и буддистам (по 46 %) и даже ко в целом нелюбимым мигрантами нетрадиционным религиям (18 %). К неверующим у мигрантов-мусульман всех групп преобладает негативное отношение (чуть лучше у бикультурных, 14 % которых относятся с симпатией к неверующим).

Группа ассимилированных резко отличается по ощущению своего сходства с россиянами: отметили, что россияне в целом похожи на них, 80 % ассимилированных, это в два раза больше, чем у бикультурных и готовых к ассимиляции (43–44 %). Это отличает их и от мигрантов, входящих в российское общество по модели формальной интеграции, где наиболее интегрированные больше отмечали свое отличие от россиян.

Ассимилированные больше других говорят дома на русском языке. Они больше других групп отметили, что их дом «здесь» либо «везде» (57 %). С одной стороны, это может быть связано с тем, что, приезжая, они ориентированы на постоянное проживание в России, с другой – что среди них наибольшая доля живущих

в России более 10 лет (27 %), в остальных группах – от 4 до 18 % таковых. Для сравнения: у маргиналов наибольшая доля живущих в России недавно – 1–3 года (64 %).

В целом (по всем опрошенным) можно сказать, что даже если мигранты-мусульмане имеют высокий уровень ассимилированности, они сохраняют свою этноконфессиональную идентификацию и идентифицируют себя как верующих, со своей национальностью и отмечают только свои религиозные праздники. Это относится также и к тем, кто практически не выполняет религиозных предписаний.

Итак, ассимиляция и интеграция – процессы, связанные общим направлением на включение приезжих в базовое общество. Оба они являются вариантами инкорпорирования мигрантов в принимающее сообщество. Анализ интегрированности мигрантов выявил противоречивость их внутреннего состояния: с одной стороны – размывание идентичности, ослабление этнических меток: «просто человек», с другой – высокая ориентированность наиболее интегрированных мигрантов на религию, включенность в жизнь религиозной общины и национальной диаспоры, большая острота восприятия своего отличия от россиян у наиболее формально интегрированных мигрантов. Также имеет место проявление положительного отношения к «иным культурам и народам». Высокоинтегрированные (вписавшиеся в социальную структуру российского общества) мигранты демонстрируют более высокую степень межэтнической напряженности (менее положительно, чем другие группы, относятся к представителям принимающего общества, чувствуют на себе негативное отношение со стороны местного сообщества и хуже оценивают межнациональные отношения в нем).

Мы дифференцировали процессы ассимиляции и интеграции по глубине происходящих в индивиде перемен. Интеграция индивида рассматривается нами как «внешний», ассимиляция – как более глубокий, «внутренний» процесс. При этом мы не рассматриваем их как две последовательные стадии, когда внешний процесс постепенно переходит во внутренний. Оба процесса идут одновременно и взаимосвязаны. Данный вывод подтверждается анализом корреляций двух типологий (построенных на основе эмпирических данных): уровня ассимилированности и степени интегрированности мигрантов (табл. 14).

Таблица 14

**Связь ассимилированности мигрантов
с их интегрированностью, %**

Группы по типу формальной интегрирован- ности	Группы по типу ассимилированности				
	сепари- рованные	маргиналы	бикуль- турные	готовые к ассимиля- ции	ассимили- рованные
Неинтегриро- ванные	100	56	46	42	30
Высокоинтегри- рованные	0	0	0	9	30

Доля неинтегрированных мигрантов в группах с разной ассимилированностью снижается по мере роста уровня ассимилированности: сепарированные, маргиналы, бикультурные, готовые к ассимиляции и ассимилированные. Соответственно, возрастает доля высокоинтегрированных с ростом ассимилированности групп: в трех группах с наиболее низким уровнем ассимилированности высокоинтегрированных нет совсем, затем 9 % – в группе готовых к ассимиляции и 30 % – в группе ассимилированных.

Наименьшую склонность к ассимиляции имеют (по национальности) таджики, наибольшую (по полу и возрасту) – мужчины, молодежь до 30 лет и люди старше 40 лет. Ассимиляционный процесс протекает во времени не линейно; высокая готовность к ассимиляции вновь прибывших по истечении 10 лет расслаивается на группы бикультурных, готовых к ассимиляции, маргиналов и ассимилированных. Ассимилированность мигрантов-мусульман носит поликультурную окраску. Она связана с высоким уровнем социальных связей и позитивных взаимодействий с населением принимающего общества, с положительным отношением к русским и православным, чувством похожести с россиянами¹⁰. Вместе с тем даже у ассимилированных мигрантов-мусульман высока степень этноконфессио-

¹⁰ См. также: Кириллова А. И. Религиозная духовность как показатель инкультурации // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 102–106.

нальной идентификации. Эти признаки свидетельствуют о наличии скорее органической интеграции, чем ассимиляции мигрантов из среднеазиатских стран.

Таким образом, о «чистой» ассимиляции мигрантов-мусульман мы говорить не можем; для описания их вхождения в культуру российского общества более подходит модель органической интеграции. Что касается характера вхождения мигрантов-мусульман в целом, то преобладающей является модель формальной интеграции – т. е. функционирование преимущественно в экономической подсистеме общества при сохранении межкультурной дистанции с ним.

Этнополитические стратегии принимающего общества: виды и факторы выбора

Этническая (национальная) политика может быть рассмотрена в двух аспектах – как конституционно-правовые нормы и деятельность институтов государственного управления в данной сфере, и как общественно-исторический результат, складывающийся в процессе самоорганизации (гражданского) общества. В терминах Ю. Хабермаса, первый компонент этнополитики относится к сфере «системы», второй – представляет собой «мирожизненный» элемент общества. Обратимся к рассмотрению соотношения и влияния этих двух компонентов на модель самоинтеграции принимающего российского общества.

Современная этнополитическая ситуация такова, что национальная политика государств стоит перед необходимостью четкого формулирования идеологических положений и правовых актов, относящихся не только к национальным меньшинствам, но и к большинству – государствообразующей этнической группе, ее культуре, взаимодействиям с другими этнокультурными группами. В современной западной социологии появляются концепции, акцентирующие необходимость обеспечения приоритетного отношения к культуре принимающего общества. В значительной мере это связано с процессами миграции и ростом числа иноэтничных групп и сообществ. Несформированность институциональных, идеологических и правовых основ сохранения этноконфессионального фун-

дамента, этнокультурной определенности принимающих стран и наблюдаемое сегодня заметное увеличение миграционных потоков порождают их неуправляемость и этнокофессиональную напряженность. Определенную роль играют и внешние факторы поддержки дезинтеграционных сил внутри стран приема. На сегодня «все более ясно, что в повестку национальной политики должны быть включены не только задачи сохранения этнокультурной самобытности и утверждения этнического (этнонационального) самосознания, но и задачи обеспечения общероссийской солидарности и патриотизма на основе понимания российского народа как гражданской многоэтнической нации»¹¹.

Современная российская государственная политика направлена на создание условий для социальной адаптации мигрантов, т. е. подразумевает соответствующие идеологию, политику и практику интеграции мигрантов. Однако перспективы данной программы зависят не только от государственных усилий и намерений входящих групп, но и от отношения к ним принимающего общества. Вместе с тем, как по нашим данным и так и по результатам других исследователей, несмотря на желание мигрантов интегрироваться, в обществе присутствует определенная настороженность, отторжение иноэтничных приезжих. Иными словами, наблюдается расхождение между «системным» (политическим, экономическим, правовым) и «мирожизненным» (выбор россиян) аспектами российской иммиграционной ситуации.

Для выявления предпочтительной стратегии выстраивания взаимодействий российского общества с мигрантами респондентам был предложен выбор из пяти наиболее распространенных мировых практик. Наиболее предпочтительной оказалась превентивная мера – «ограничить въезд в страну» (табл. 15). Доли сторонников исключающей – «вывозить обратно на их родину», интеграцион-

¹¹ Тишков В.А. Общая оценка этнополитики в Российской Федерации // ГБУ Московский дом национальностей: офиц. сайт. URL: http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/va_tishkov2.html (дата обращения 12.03.2015).

ной – «селить во все районы города небольшими группами» и ассимиляционной – «помогать стать российскими гражданами» стратегий примерно равны. Сегрегационную модель взаимодействия «селить в отдельные районы города» выбрало менее десяти процентов опрошенных.

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что по отношению к мигрантам для России лучше?», %

Вариант ответа	Принимающее общество
Помогать стать российскими гражданами	18
Селить в отдельные районы города	8
Селить во все районы города небольшими группами	17
Ограничить въезд в страну	65
Вывозить обратно на их родину	22

В ходе анализа было выявлено, что на выбор предпочтительного типа выстраивания взаимодействий с мигрантами влияют пол и наличие своей семьи. Остальные факторы выбора стратегий можно разбить на три группы: 1) социокультурные факторы – включенность в российскую культуру, включенность в поликультурное пространство; 2) социально-психологические – социальные установки, социальный альтруизм, чувство социальной ущемленности, незащищенности, эмоциональное восприятие мигрантов; 3) этнообразующие факторы – конструирование межэтнических границ и культурное самоопределение российского общества.

Набор и содержание эмпирических показателей каждого из факторов одновременно позволило получить социально-демографические портреты тех, кто склонен выбирать тот или иной вид этностратегий.

Исходя из результатов исследования, нами были выделены следующие стратегии выстраивания взаимодействия принимающего общества с мигрантами: принимающие (интеграционная и ассимиляционная), отторгающие (ограничивающая и исключаящая) и принимающе-отторгающая (сегрегационная).

*Принимающие стратегии –
интеграционная и ассимиляционная*

Факторы выбора интеграционной стратегии. Выбор данной стратегии больше характерен для мужчин, коррелирует с отсутствием своей семьи, веры в Бога, браком с представителем другой национальности, отличной от русской, и полиэтнической идентичностью. Выбравшие интеграционную стратегию склонны положительно относиться к идее брака с человеком другой национальности, как собственного, так и своих детей. Представители данной группы принимающего общества более положительно относятся к существованию в России разных религий и культур и негативнее к разговорам о превосходстве одной религии, одного народа над другими. С симпатией относятся к людям, исповедующим ислам, а также считают допустимым многоженство для российских мусульман. Полагают, что мигранты не навязывают свою религию и культуру, а просто стараются соблюдать свои традиции. Они чаще празднуют восточный Новый год и считают, что укрепление буддизма в России улучшит межнациональные отношения. К выбору интеграционной стратегии более склонны те, кто не обращает внимания на национальность окружающих и выбирает коллег по их деловым качествам, а не по вероисповеданию или национальному признаку.

Интеграционная стратегия связана со стремлением быть корректным, желанием приносить людям и обществу пользу, с положительным отношением к мигрантам, сочувствием к ним, согласием в случае необходимости выполнять работу, которую делают мигранты. Респонденты данной группы считают, что мигранты нужны, что они пополняют страну квалифицированными кадрами, повышают культурное разнообразие. Выбравшие интеграционный тип в большей степени имели опыт позитивных межличностных взаимодействий с мигрантами – чаще проявляли заботу, участие, помогали им, ощущали взаимность приезжих. Одновременно они реже отмечали как проявления грубого отношения к себе со стороны мигрантов, так и собственного грубого, невежливого общения с мигрантами. Отдавшие предпочтение интеграционным процессам более положительно относятся к учебе своих детей в одном классе с приезжими.

Выбор интеграционной стратегии коррелирует с мнением о необязательности соблюдения мигрантами принятых в России норм и традиций и одновременной целесообразностью того, чтобы традиции мигрантов уважались местными жителями наравне с российскими. Заметим, что данная позиция, давая приоритет в продвижении обычаев приезжих, может оказаться не совсем благоприятной для традиционной культуры принимающего общества. Выявилась корреляция с положительным отношением к локализации мигрантов в отдельных районах города, т. е. интеграция тяготеет к инкорпорированию мигрантов по типу сегрегации.

В целом отметим, что сторонники интегративных процессов не считают приток мигрантов угрозой для сохранения российских обычаев, традиционных религий, культурного единства страны.

Факторы выбора ассимиляционной стратегии во многом схожи с факторами выбора интеграционной. Как и в случае выбора интеграционной стратегии, ассимиляционные предпочтения в большей степени характерны для мужчин и для респондентов, не имеющих своей семьи. Ее выбор также коррелирует с празднованием восточного Нового года, исламских праздников; с мнением, что укрепление ислама и буддизма в России улучшит межнациональные отношения в стране; с приятием некоторых исламских традиций и норм, например, с согласием, что женщины-мусульманки в России должны носить много дорогих украшений и богато одеваться, чтобы показать успешность мужа. Отдавшие предпочтение ассимиляционным процессам выбирают коллег по их деловым качествам, а не по вероисповеданию или национальному признаку. Негативно относятся к разговорам о превосходстве одной религии, народа над другими и положительно – к ношению национальной одежды в общественных местах.

Выявлена связь с отсутствием стремления помогать людям, но с желанием быть вежливым, корректным. Выбор ассимиляционной стратегии коррелирует с преобладанием таких позитивных оценок наличия мигрантов, как их вклад в культурное разнообразие страны, обеспечение населения дешевыми продуктами и товарами. Респонденты, вошедшие в данную группу, не возражают против учебы своих детей в классе, где много детей мигрантов. Выбравшие ассимиляционную стратегию имеют опыт позитивных межличностных взаи-

модействий с мигрантами, в отношении к ним преобладают сочувствие, жалость. В случае необходимости они согласны выполнять работу, которую сейчас делают приезжие. Выбор данной стратегии коррелирует с мнением, что мигранты не навязывают свою религию и культуру и их приток не является угрозой для национальных обычаев, традиционных религий, культурного единства России.

Принимающе-отторгающая стратегия – сегрегационная

Выбор *сегрегационной стратегии* связан с установкой на автономизацию – «каждый должен справляться с ситуацией сам». Выбор данной стратегии коррелирует с празднованием восточного Нового года, мнением, что укрепление ислама в России улучшит межнациональные отношения в стране, с одобрением ношения одежды, связанной с религиозной принадлежностью (тюрбаны, хиджабы, платки, закрывающие лица), а также с представлением о необходимости наличия мигрантов. Наряду с этим обнаружилось негативное отношение к идее поликультурности – существованию в России различных религий и культур, потенциальному браку своих детей с человеком другой национальности, а также с мнением, что единственно правильными, верными являются свои вера и культура. Выбравшие сегрегационную стратегию реже проявляли как позитивное, так и негативное отношение, для них более характерно отстраненно-безразличное восприятие мигрантов – «мигранты полезны, пусть живут по-своему, но изолированно, отдельно от нас». Среди новосибирцев, отдавших предпочтение раздельному проживанию с мигрантами, более выражены недоверие к госструктурам, чувство собственной ущемленности и социальной незащищенности, более низкий уровень благосостояния.

Отторгающие стратегии – ограничительная и исключаяющая

Преобладающей среди опрошенных оказалась *ограничительная стратегия*. Она более характерна для женщин и для людей, имеющих свою семью. Выбор ограничительной стратегии положительно коррелирует со знанием своих национальных и религиозных традиций, празднованием государственных светских (День Победы, День России, Новый год) и религиозных (Пасха, Рождество)

праздников. Отношение к мигрантам преимущественно негативное – чувство неприязни, раздражения. Выбравшие ее новосибирцы считают, что мигранты России не нужны, при этом они не хотят делать работу (преимущественно неквалифицированный, тяжелый труд), которую сейчас выполняют приезжие. Респонденты данной группы обладают негативным опытом взаимоотношений с мигрантами, считают, что приезжие стремятся распространить свои обычаи и традиции в российском обществе, прогнозируют ухудшение отношения к мигрантам в краткосрочной перспективе.

Выбравшие данную стратегию живут в монокультурной среде и стремятся ее поддерживать. Эта стратегия связана с неодобрительным отношением к тому, что сегодня в России распространены и разрешены различные религии, обычаи и культуры; с мнением, что единственно верна своя вера и культура; а также с мнением, что укрепление ислама и буддизма в России ухудшит межнациональные отношения в стране. Выбор ограничительной стратегии коррелирует с негативным отношением к людям, исповедующим ислам, неприятием соблюдения мусульманских норм и традиций в российском обществе, неприемлемостью многоженства, ношением национальной одежды в общественных местах в принципе, несогласием с тем, что женщины-мусульманки в России должны носить хиджаб, много дорогих украшений, чтобы показать успешность мужа, вести себя так, как того требует шариат. Данная группа ограничивает инокультурное пространство. В выборе коллег респонденты данной группы отдают предпочтение единоверцам и представителям своей этнической группы. Они негативно относятся к идее совместной учебы своих детей с мигрантами, потенциальному браку своих детей с человеком другой национальности, собственному вступлению в межэтнический брак. Считают, что приток мигрантов представляет собой угрозу для сохранения национальных обычаев, традиционных религий, культурного единства, что в России важнее сохранение российской культуры. Для них важно знание мигрантами русского языка, соблюдение ими принятых в нашей стране норм и традиций.

Новосибирцы, отдавшие предпочтение ограничительной стратегии, полагают, что национальное возрождение российских народов немислимо без национального возрождения русского народа.

Вместе с тем они ощущают себя социально ущемленными, что проявляется в их дискриминации с точки зрения продолжительности и оплаты труда, более низком уровне благосостояния.

Выбор ограничительной стратегии отражает культурное самоопределение этой части принимающего общества. Он связан с самоинтеграционной и самосохраняющей направленностью. Это элемент самоорганизации, самоконструирования своей идентичности, сохранения границ и культурной определенности, в том числе социализационных элементов – определенных норм отношений между людьми. Последнее подтверждается корреляцией выбора данной стратегии с важностью для респондентов нравственного воспитания детей, что в совокупности с другими вышеотмеченными факторами этноконфессионального самоопределения способствует формированию и поддержанию «русско-российского» типа социальности.

Предпочтение *исключающей стратегии* отдают мужчины; ее выбор обусловлен неприятием поликультурности, проявлений иной этничности и конфессиональности, в частности исламских норм и традиций. Данная стратегия связана с несклонностью к альтруизму, неприязнью, раздражением по отношению к мигрантам, мнением, что мигранты России не нужны. Присутствует опасение, что приезжие стремятся распространить свои обычаи и традиции в принимающем обществе, а приток мигрантов представляет угрозу для культурного единства страны. Сторонники данной позиции считают, что приезжим необходимо соблюдать российские нормы и традиции, что важно сохранение российской культуры. Избравшие исключающую стратегию реже имели опыт позитивных, но чаще негативных контактов с мигрантами. Выбор данной стратегии связан с самозащитной направленностью, а также чувством социальной ущемленности, незащищенности и недоверием к государственным структурам.

Итак, выбор стратегии по отношению к мигрантам в значительной степени коррелирует с наличием своей семьи, веры в Бога, принадлежностью моно- либо поликультурной среде, психологическими и идентификационными факторами, чувством или реальной социальной ущемленностью, незащищенностью, что проявляется в недоверии к социальным институтам (исключающая), государственным структурам (сегрегационная), а также низком уровне бла-

госостояния (ограничительная стратегия). Выбор стратегии в определенной степени связан с религиозностью сторон. Для каждой стратегии характерен свой подход к выстраиванию принципов взаимодействия с иноэтничными мигрантами: от позиции привилегированности меньшинства (интеграционная) и равных, паритетных отношений (ассимиляционная) до позиции, утверждающей приоритет отечественной культуры (сегрегационная, ограничительная и исключаящая стратегии).

Общая характеристика факторов выбора этностратегии

Рассмотрим подробнее выявленные группы факторов, оказывающих влияние на выбор принимающим обществом стратегий по отношению к мигрантам, а также характер этого влияния.

Социокультурные факторы

Включенность в свою культуру. В качестве основных показателей включенности в свою культуру стали знание и соблюдение государственных, национальных и религиозных традиций. Полученные результаты показывают, что выбор ограничительной и исключаящей стратегий напрямую коррелирует со знанием своих национальных и религиозных традиций, празднованием государственных и религиозных праздников. Выбор интеграционной стратегии – с неверием в Бога. Неверующие респонденты находятся вне поля какой-либо религиозной культуры и идентичности, не чувствуют силы влияния религиозного мировоззрения и не видят в изменении конфессионального состава общества проблемы. Напротив, практика посещения храма положительно коррелирует с предпочтением сегрегационной стратегии, впрочем, как и ограничительной. Невыполнение религиозной практики молитвы коррелирует с выбором ограничительной стратегии. Иными словами, отторгают мигрантов больше те, кто ограничивается хождением в храм и не выполняет других правил – не молится, не подает милостыню. В целом можно сделать вывод, что выбор стратегии связан как с религиозностью и культурным самоопределением прини-

мающего общества, так и с сопутствующими психологическими и идентификационными факторами.

Включенность в поликультурное пространство. Наличие поликультурного окружения – родственников, друзей, соседей, коллег других национальностей и религий – способствует выбору интеграционной и ассимиляционной стратегий. Преобладание монокультурного окружения коррелирует с ограничительной и исключающей стратегиями. Так, состоящие в межэтническом браке склонны к выбору интеграционной стратегии, не состоящие – к выбору ограничительной и исключающей стратегий. Выбор интеграционной стратегии более характерен для имеющих отличную от русской и полиэтническую идентичность. Выбор ограничительной стратегии более свойственен для русских (66 %), чем для иных этносов (55 %), и в наименьшей – для представителей бикультурной идентичности (из них 47 % выбрали ограничительную стратегию). Аналогичная ситуация прослеживается и по исключающей стратегии. То есть наиболее склонны к интеграционной и ассимиляционной стратегиям представители иноэтничной (не русской) и смешанной идентичности.

На выбор стратегии также влияет наличие позитивных межличностных контактов с приезжими. Выбравшие интеграционную и ассимиляционную стратегии чаще проявляли участие, помогали мигрантам и чаще получали помощь, участие от них. Выбравшие сегрегационную, ограничительную и исключающую стратегии – реже.

Социально-психологические факторы

Социально-психологические установки. На выбор стратегии влияют социально-психологические установки респондентов. Нами был проанализирован ряд возможных причин неоказания помощи человеку другой национальности. Выбор исключающей стратегии в значительной степени связан с принципиальной склонностью не помогать людям других национальностей – установка неприятия иных национальностей. К сегрегационному типу выстраивания отношений более склонны индивидуалистически настроенные люди, полагающие, что каждый должен справляться с ситуацией сам.

Препятствием для интеграции стала зависимость от мнения других, страх перед неодобрением, порицанием окружающих.

Социальный альтруизм. Это качество проявляется в таких параметрах, как ориентация на социальное служение, стремление помогать людям, факты собственной помощи мигрантам, согласие на выполнение работы, которую делают мигранты. К выбору интеграционной стратегии более склонны те, для кого значимо желание приносить пользу людям, обществу. Напротив, респонденты, для которых не характерна подобная социально-альтруистическая направленность, предпочитают исключаящие стратегии. Выбор интеграционной и ассимиляционной стратегий связан с согласием (в случае необходимости) выполнять ту работу, которую делают мигранты. И наоборот, выбор ограничительной и исключяющей стратегий – с нежеланием выполнять эту работу.

Чувство ущемленности, социальной незащищенности. Выбирающие исключяющую стратегию невысоко оценивают роль среднего образования и СМИ, а выбирающие сегрегационную стратегию – роль государства в формировании отношения к людям других национальностей. Выбор ограничительной и исключяющей стратегий коррелирует с мнением, что в СМИ редко затрагивается проблема взаимодействия местного населения и мигрантов, а также с мнением о дискриминации респондента в оплате труда. Выбор исключяющей стратегии коррелирует с мнением о своей социальной и религиозной дискриминации, ущемлении в условиях и оплате труда. Выбравшие ограничительную стратегию также чаще отмечают, что сталкивались с ущемлением своих прав в сфере труда. Они более низко оценивают уровень своего материального положения.

Эмоциональное восприятие мигрантов. Среди выбравших интеграционную и ассимиляционную стратегии преобладают настроения сочувствия и/или жалости к мигрантам. Для выбравших сегрегационную стратегию характерно преобладание безразличия по отношению к мигрантам. Для выбравших ограничивающую и исключяющую стратегии характерны чувства неприязни, раздражения, более выраженные в группе исключяющих.

Предпочтение интеграционной и ассимиляционной стратегий коррелирует с преобладанием позитивных мнений о мигрантах. Выбравшие интеграцию склонны считать, что мигранты несут по-

зитивный вклад в российское общество – пополняют его специалистами, квалифицированными кадрами, повышают культурное разнообразие. Мнение, что мигранты повышают культурное разнообразие, обеспечивают общество дешевыми продуктами и товарами способствует выбору ассимиляционной стратегии. Преобладание негативных оценок роли мигрантов формируют ограничительную и исключаящую позиции.

Этнообразующие факторы

Конструирование межкультурных границ. Интеграционную стратегию выбирают те, кто положительно относится к существованию в России многообразия религий и культур, а также те, кто не обращает внимания на национальность. Выбор сегрегационной, ограничительной и исключаящей практик связан с неодобрением религиозного и культурного многообразия.

Исключаящая стратегия коррелирует с негативным отношением к разговорам в общественных местах на нерусском языке. Ограничительная – с осуждением ношения национальной одежды в общественных местах, ассимиляционная, напротив, – с одобрением. Выбравшие интеграционную и ассимиляционную стратегии склонны считать, что мигранты не навязывают свои традиции, а просто стараются соблюдать свои культурные и религиозные традиции. Наоборот, выбор ограничительных и исключаящих практик коррелирует с мнением о стремлении приезжих распространить свою веру и обычаи в России.

Межэтническая дистанция. Выбравшие интеграционную и сегрегационную стратегии чаще считают, что мигранты нужны, ограничительную и, особенно, исключаящую – что не нужны. Отдавшие предпочтение интеграции и ассимиляции положительно относятся к совместной с мигрантами учебе своих детей, идее брака своих детей с человеком другой национальности, собственному вступлению в межэтнический брак. Выбравшие ограничительную, сегрегационную и исключаящую стратегии склонны к негативной оценке подобных явлений.

Конфессиональный фактор – отношение россиян к исламу, мусульманам. К выбору интеграционной стратегии более склонны

те, кто относится с симпатией к людям, исповедующим ислам, лоялен к многоженству, согласен, с тем, что женщины-мусульманки в России должны получать хорошее образование и иметь такие же права, как мужчины-мусульмане. Напротив, отдавшие предпочтение ограничительной и исключающей стратегиям, к исламу относятся преимущественно негативно, считают практику многоженства в российских условиях неприемлемой, не согласны с тем, что женщины-мусульманки в России должны носить много дорогих украшений и богато одеваться, чтобы показать успешность мужа, вести себя, как требуют того законы шариата, носить хиджаб. То есть выбор стратегии напрямую связан именно с религиозной принадлежностью мигрантов.

Культурное самоопределение российского общества. Выбирающие ограничительную и исключающую стратегии считают, что приток мигрантов представляет собой угрозу для национальных обычаев, традиционных религий, культурного единства России, что приезжие должны соблюдать принятые в стране нормы и традиции. Они полагают, что в России важнее сохранение российской культуры и что национальное возрождение всех народов Российской Федерации немыслимо без национального возрождения русского народа, т. е. нацелены на сохранение и укрепление базовой этнической идентичности принимающего общества.

Выбравшие интеграционную и ассимиляционную стратегии не видят угрозы в миграции, считают необязательным для мигрантов соблюдение российских норм и традиций. Полагают, что традиции мигрантов должны уважаться местными жителями наравне с российскими.

Таким образом, выбор стратегии в отношении к мигрантам в значительной степени связан с наличием своей семьи, веры в Бога, принадлежностью к моно/поликультурной среде, с психологическими и идентификационными факторами, религиозностью принимающего общества и принадлежностью мигрантов исламу. Предпочтительный выбор ограничительной и исключающей стратегий связан с культурной самоидентификацией, сохранением границ и культурной определенности.

Факторы выбора инклюзивных и эксклюзивных стратегий

Проведенный выше качественный анализ факторов выбора этностратегий позволил объединить их в две основные: инклюзивные (интеграция и ассимиляция) и эксклюзивные (сегрегация, ограничение, исключение). Эти стратегии отражают соответствующие модели самоорганизации принимающего общества.

Факторы выбора инклюзивных стратегий, способствующие принятию инокультурных мигрантов, можно сгруппировать в пять групп.

1. Включенность в поликультурное пространство:

- наличие иноэтничных родственников, друзей, коллег, соседей, межэтнических браков);
- нетитульная (не русская) и полиэтническая (указано несколько национальностей в качестве «своих») идентичность.

2. Этноконфессиональная лояльность:

- положительное отношение к проявлениям полиэтничности: ношению национальных одежд в общественных местах, к существованию в России различных религий и культур; неприятие разговоров о превосходстве одной религии, народа над другими;
- положительное отношение к межкультурным контактам: учебе своих детей в классе, где много детей мигрантов, идее межэтнического брака как собственного, так и своих детей;
- симпатия к людям, исповедующим ислам: приемлемость исламских традиций, терпимое отношение к практике многоженства, согласие, что женщины-мусульманки в России должны получать хорошее образование и иметь такие же права, как мужчины-мусульмане; мнение, что укрепление ислама улучшит межнациональные отношения в стране;
- позитивная оценка миграции и мигрантов: мнение, что мигранты необходимы России, что они вносят положительный вклад в жизнь российского общества; наличие опыта межличностных взаимодействий с мигрантами; положительное отношение к мигрантам (симпатия, сочувствие, жалость); несогласие с мнением, что мигранты представляют угрозу для сохранения национальных обычаев, традиционных религий, культурного единства России.

3. Размывание российской идентичности:

- мнение о необязательности соблюдения мигрантами принятых в России норм и традиций;
- необходимость уважения и соблюдения традиций мигрантов наравне с российскими.

4. Невключенность в процесс трансляции культуры:

- отсутствие своей семьи.

5. Социальные альтруизм и конформизм:

- желание приносить пользу людям, обществу;
- согласие в случае необходимости выполнять работу, которую делают мигранты;
- стремление быть корректным, уважительное отношение к другим людям.

Отторжение мигрантов является формой инокультурной эксклюзии, имеющей не только социальные, но и психологические основания. Нами выделено шесть групп факторов выбора эксклюзивных этностратегий.

1. Включенность в монокультурное пространство:

- принадлежность к титульной (русской) нации;
- знание и соблюдение отечественных государственных, светских и религиозных традиций, праздников.

2. Этноконфессиональное отторжение (конструирование границ):

- негативное отношение к проявлениям иной этничности: ношению национальной одежды в общественных местах; учебе своих детей в классе, где много детей мигрантов; потенциальному браку своих детей с человеком другой национальности; идее собственного вступления в межэтнический брак; разговорам в общественных местах на нерусском языке; неприятие того, что в России распространены и разрешены различные религии, обычаи и культуры; мнение, что укрепление ислама, а также буддизма в России ухудшит межнациональные отношения;

- неприятие исламских традиций: практик многоженства; ношения хиджаба в России; несогласие с тем, что женщины-мусульманки в России должны носить много дорогих украшений и богато одеваться, чтобы показать успешность мужа;

- негативное отношение к мигрантам: негативная оценка необходимости мигрантов; негативный опыт взаимодействий; опасение,

что приезжие стремятся распространить свои обычаи и традиции, а их приток представляет собой угрозу для сохранения российского культурного единства.

3. Поддержание российской идентичности:

- национальное возрождение всех российских народов невозможно без национального возрождения русского народа;
- необходимость соблюдения приезжими российских норм и традиций;
- важность сохранения российской культуры;
- допустимость разговоров о превосходстве одной религии, народа над другими.

4. Включенность в процессы в социализации, передачу традиций:

- наличие своей семьи;
- стремление к нравственному воспитанию детей (ценность нравственной составляющей).

5. Социальная атомизация:

- несклонность к социальному альтруизму;
- отказ даже в случае необходимости выполнять ту работу, которую делают мигранты.

6. Социальная дезадаптированность:

- чувство социальной незащищенности, дискриминации, собственной ущемленности, низкий уровень благосостояния.

Таким образом, можно выделить две основные линии (модели) самоорганизации современного российского общества. Лидирующее положение занимает самозащитная позиция, основанная на отторжении иноэтничных мигрантов, что выражается в выборе ограничительной и исключаяющей стратегий. Она апеллирует к необходимости поддержания отечественных культурных традиций. Альтернативной линией конструирования общероссийской социальности является интегрирующая, выражающаяся в принятии инокультурных мигрантов в форме интеграционной и ассимиляционной стратегий. Эта линия основана на отказе от обязательности соблюдения мигрантами российских традиций, нерусской и полиэтнической принадлежности и поликультурной направленности. Этот тип социальности апеллирует к корректности («толерантности») в межличностных отношениях и социальному альтруизму – на уровне взаимодействия с обществом, социальными группами.

Тип выбранной этностратегии может отражать определенную модель интеграции общества, связанную с сохранением принимающим обществом своей культурной самобытности или связанную с принятием поликультурности. Неопределенная поликультурная идентичность не имеет прочной культуuroобразующей основы и потому не может быть устойчивым основанием общества. При этом надо понимать, что в такой полиэтнической и поликонфессиональной стране, как Россия, необходимо искать пути согласования и сочетания поли- и монокультурных стратегий этнополитики, которые могут меняться по мере изменения миграционной ситуации.

Таким образом, современная ситуация характеризуется желанием части мигрантов войти в российское общество с сохранением своей культуры и преимущественным неприятием мигрантов принимающим обществом, что сопровождается укреплением межкультурной дистанции с обеих сторон. Преобладание самосохраняющих настроений в принимающем обществе означает отсутствие социальной базы для политики «преференциальной» интеграции мигрантов. Рассогласование между выбором интеграционной стратегии на уровне государства («системы») и ограничительной – на уровне общества («жизненного мира») выглядит как запаздывание в реакции «системы» на изменения, происходящие в обществе. Общество чувствует определенную этнокультурную незащищенность, что, по нашим данным, коррелирует с выбором стратегий неприятия по отношению к мигрантам (сегрегационной, отторгающей и исключаящей). В этих условиях стране приема необходимо усиливать свой социокультурный потенциал, социокультурное влияние как на коренное население, так и на входящие общности, развивать различные каналы ознакомления мигрантов с российской культурой, инициировать и вести межкультурный и межконфессиональный диалог.

Сформулируем основные выводы по данной части исследования:

– мигранты демонстрируют желание войти в российское общество. При этом ассимиляционные процессы незначительны, но можно говорить об элементах органической интеграции, протекающей

по поликультурной модели. Несмотря на довольно высокую готовность мигрантов к плотным межкультурным контактам¹², в интеграции мигрантов-мусульман преобладает формальная модель;

– более религиозные мигранты демонстрируют более четкие межкультурные границы, несмотря на большую доброжелательность к титульной нации страны приема;

– принимающий социум выбирает преимущественно эксклюзивные стратегии, что находится в диссонансе с рядом положений миграционной политики страны, отражающих стратегию интеграции и адаптации мигрантов;

– факторами выбора эксклюзивных стратегий являются: численность мигрантов, их этноконфессиональная отличность, включенность членов принимающего общества в монокультурное пространство, наличие семьи, социально-психологическая ущемленность и дискриминированность, стремление к этнокультурному самосохранению;

– в современной российской государственной и религиозной стратегиях происходит солидаризация православия и российского ислама в делах миротворчества¹³. Основой для такого объединения усилий является обращения к религиозно-нравственным основам каждой из религий.

¹² См.: Кириллова А.И. Межэтнический брак как механизм интеграции и показатель аутосоциализации общества в условиях глобальных трансформаций // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2(32). С. 27–37.

¹³ Кириллова А.И. Социализация мигрантов-мусульман в современном российском обществе: этноконфессиональный аспект // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. 2014. Т. 12, вып. 3. С. 62–68.

Глава 5

Система образования в условиях роста числа иноэтничных учащихся

Наличие общеразделяемой системы ценностей, включающей в себя общие идеалы, символы, верования, морально-этические нормы, традиции является необходимой предпосылкой социальной стабильности государства. Конкретным механизмом, обеспечивающим устойчивость общества, выступают социальные институты, формирующие и направляющие действия людей в жизненно важных сферах. Одним из институтов, берущих на себя основную нагрузку в социализации, адаптации и интеграции иноэтничных мигрантов в российское общество, является система образования. Институтообразующими функциями системы образования являются обучение и воспитание. Через эти базовые цели должно обеспечиваться социокультурное, ценностное, духовное и идеологическое единство государства. Институционально организованная, последовательная и преемственная социализация призвана обеспечить плавное и бесконфликтное вхождение новых поколений в социум. В связи с увеличением числа учащихся иммигрантов все эти функции обрели особую актуальность как для них самих, так и для принимающего общества.

Эмпирическая база представленных в главе положений и выводов опирается на результаты специального опроса учителей школ, в которых учатся дети мигрантов. В 2014 г. в качестве экспертов по отдельно разработанной анкете были опрошены 159 педагогов и 13 представителей администраций 11 школ г. Новосибирска, в которых обучается большое число детей иноэтничных мигрантов. Школы различаются как долей, так и степенью аккультурации поступающих к ним детей – от вновь прибывших, совсем не знающих языка, до родившихся здесь и обрусевших. От общего числа учителей каждой школы процент опрошенных составляет от 13 до 67 %. Большинство учителей – женщины (99 %) в возрасте от 21 до 71 года с педагогическим стажем от нескольких месяцев до 48 лет.

Трансформация системы общего среднего образования – социокультурный аспект

Интенсификация миграционных процессов и межкультурных контактов приводит к трансформации функций системы образования, смещает акценты с образовательного процесса, актуализирует задачи адаптации, социализации и интеграции. Происходящие изменения затрагивают ее основные элементы – учащихся, педагогов, учебно-воспитательный процесс, а также семьи учащихся.

Меняется структура группы *учащиеся*, ее качественные характеристики – возрастает доля учеников недостаточно хорошо знающих русский язык, с невысоким уровнем подготовки, социально неадаптированных. Это осложняет учебный процесс, добавляет нагрузку по обучению языку, взаимной адаптации местных и приезжих учеников и их семей друг к другу¹⁴. Приезжие дети впитывают элементы российской культуры, местные – видят практики другой культуры, примеры уважения к старшим. Для обеих сторон социализация проходит в расширенном социокультурном пространстве. Происходит переход «чужих» в «своих», возникает осознание условности межгрупповых границ и преодолевается изначальное отчуждение. Межкультурные границы становятся прозрачнее и понятнее. Процесс конструирования идентичности усложняется и обогащается, становится более осознанным.

Изменения в *учебно-воспитательном процессе* зависят от доли детей-иммигрантов, исходной степени их социокультурной включенности в российскую культуру, установок на инкорпорацию и др. Среди наблюдаемых трансформаций нами выделены:

– *усиление адаптационных функций*. К проблемам адаптации детей инокультурных мигрантов относят сложности с вхождением в этнически и конфессионально иную социокультурную среду, недостаточное знание русского языка, что закономерно влечет за со-

¹⁴ Солодова Г.С., Кириллова А.И., Щеклачева Т.В. Система образования в условиях роста числа иноэтничных учащихся // Сибирский философский журнал. 2015. № 4.

бой коммуникативные трудности как на уровне сверстников, одноклассников, так и при взаимодействии со школьными педагогами. При этом степень готовности системы образования к решению этого спектра проблем, оценивается невысоко – 76 % опрошенных нами учителей уровень подготовленности школы к приему приезжих оценивают как средний и ниже среднего;

– *снижение темпов и уровня*, качества обучения местных школьников, т. е. появление дисфункциональности системы. Если в классе учатся дети, плохо знающие русский язык, учитель вынужден объяснять значения непонятных слов, подстраивать процесс обучения под более слабый контингент приезжих – «у них слабая подготовка к школе, домашние задания часто не выполняются», «нет родительского контроля». Оценивая сложности работы с детьми приезжих, 58 % опрошенных учителей отметили прежде всего незнание языка детьми и родителями, низкий уровень начальной подготовки. Обозначалась необходимость предварительных и дополнительных занятий по русскому языку. В качестве мер, которые при содействии государства могла бы предложить школа, – проведение дополнительных уроков русского языка (8 %), необходимость введения в школы сотрудников, специально подготовленных для работы с детьми мигрантов (5 %);

– *смещение воспитательного процесса в сторону формирования доброжелательных этноконфессиональных отношений*. Возникает необходимость привития культуры взаимного уважения, обращения к позитивным страницам совместной истории, поиска социальных, культурных и экономических основ конструктивного взаимодействия. Этому помогут: «добрые отношения, доброжелательный климат», «принятие в коллектив», «участие в жизни школы, страны», «воспитательные беседы, мероприятия». Большинство учителей (96 %) отмечает, что российская школа учит уважать людей других национальностей;

– *необходимость постоянного отслеживания, контроля межэтнических взаимодействий* учащихся, предупреждения, сглаживания конфликтных ситуаций между представителями разных народов, в том числе родителями учащихся в среде самих иммигрантов – выходцев из разных республик. По мнению учителей, большинство детей (78 %) хочет стать «своими». Вместе с тем часть

приезжих школьников демонстративно обособливается, ставит себя выше местных сверстников – «чувствуют себя как дома, устанавливают свои порядки», «у приезжих нет желания изучать нашу культуру, традиции: наплевательское и потребительское отношение». В двух из 11 новосибирских мигрантоемких школ педагоги посчитали необходимым организовать специальные «этнические классы», поскольку противостояние местных и приезжих стало своего рода традицией. В целом две трети (66 %) опрошенных учителей высказались за совместное обучение детей мигрантов с местными, 28 % – за раздельное¹⁵;

– актуализация интеграционных задач, формирования общегражданской идентичности, конструирование идентичности с учетом «другого» на основе сравнения с ним. В этих условиях, как отмечают педагоги, необходимо усиление связующего общероссийского компонента, его преломление в задачи системы образования. При ответе на открытый вопрос о том, что может помочь приезжим стать настоящими гражданами нашей страны, большинство отмечало именно межкультурный аспект: «изучать культуру, традиции, историю России» (25 %), «уважать культуру и народ России» (22 %), «учить русский язык» (16 %), «развивать толерантность» (9 %). Сюда же относятся такие ответы, как «принять, полюбить Россию», «изучать атрибуты российской гражданственности – российского герба, флага, гимна», «уважать и соблюдать законы РФ». Одновременно среди учителей присутствует мнение, что части приезжих полностью интегрироваться невозможно. Присутствует мнение, которое артикулирует «ненужность» подобных усилий. Безусловно, интеграция подразумевает «личное желание» и «желание семьи», «время».

Проиллюстрируем изменения в системе школьного образования конкретными высказываниями учителей: «уделяю им больше внимания, им и их родителям», «у учителей нет сил, и так много на их плечах по реализации ФГОС», «школа их и так учит русскому

¹⁵ Солодова Г.С., Кириллова А.И., Щеклачева Т.В. Система образования в условиях роста числа иноэтничных учащихся.

языку, русским традициям, истории, культуре». Учителя чувствуют отсутствие методической, финансовой и кадровой помощи по работе с инокультурными детьми, не знающими русский язык и культуру: «мы и так делаем все, что возможно», «учим, учим, учим...». В силу профессионального долга и чисто человеческих качеств учителя стремятся относиться к детям мигрантов как к просто детям, независимо от их национальности. Отношение зависит от «личностных качеств человека, а не о того, откуда он приехал», «положительно отношусь, к тем, кто знает язык и соблюдает традиции русского народа. Негативно к тем, кто не принимает традиции, культуру, язык русского народа». Отношение к учащимся и их родителям неодинаковое: «к детям – нейтрально, а к взрослым – скорее отрицательно из-за их отношения к местным. Очень уж много их в городе». Часть педагогов не видит возможности школы интегрировать инокультурных мигрантов без ощутимой помощи государства: «школа ничего не может сделать, чтобы помочь стать им настоящими гражданами России. Эту проблему необходимо решать на уровне государства». Отмечалась проблема иждивенческого отношения: «Все проблемы решать должен учитель, с себя ответственность стараются снять». Тем не менее: «Работать, работать и работать, не покладая рук. Выполнять долг педагога, не разделяя детей на “своих” и “приезжих”».

Педагоги акцентируют внимание на положительных качествах детей приезжих, среди которых – уважение к старшим (40 %) и трудолюбие (30 %); 40 % учителей не указали ни одного отрицательного качества. Отвечая на вопрос, взяли бы они ученика-приезжего, если бы был выбор, 45 % опрошенных ответили утвердительно, 44 % – сомневаются и каждый десятый точно бы отказался.

Большая ответственность за успешную интеграцию детей мигрантов ложится на *семьи* – как принимающей, так и входящей сторон. Здесь возникает тот же языковой и межкультурный барьер, что и с детьми. Учителю необходимо учитывать традиции, менталитет родителей – «папы работают, мамы не понимают русский язык или делают вид, что не понимают». В качестве проблемы учителя отмечают «расхождения во взглядах на воспитание ребенка», в том числе связанные с национальными особенностями воспитания в гендерной и брачной сферах. Зачастую «родители детей ма-

лообразованны, поэтому хорошо учиться не является престижным ни для обучающихся, ни для родителей», «дети не слушаются ни учителей, ни родителей».

Педагоги отмечают, что интеграции детей могут помочь такие характеристики семьи, как «гражданская позиция родителей», «участие в общественной жизни школы», «пример родителей», «уважительное отношение родителей к культуре и народу России». В свою очередь, школы «при поддержке города, страны» готовы проводить «лектории с родителями», «совместные мероприятия», «воспитательную, просветительскую работу среди детей, родителей».

Осложняющим фактором, неоднократно отмечаемым педагогами, является наличие у части родителей потребительского отношения к школе. Замечались ситуации, когда дети иноэтничных мигрантов настаивали на своих «этнических правах», были склонны к односторонней толерантности – «все проблемы решать должен учитель, с себя ответственность стараются снять». Педагоги отмечают, что отношения с родителями приезжих выстраивать сложнее, чем с детьми, особенно если родители не хотят идти на контакт, а также заниматься образованием детей. В качестве положительного фактора учителя отмечают, что у приезжих, как правило, полные, непьющие семьи.

Рассмотрим *влияние доли детей мигрантов на изменения, происходящие в образовании*. В массиве выделено две группы школ, условно названные школами первого и второго типов. В школах первого типа небольшое число детей мигрантов (до 15 % от всех учащихся), причем это дети преимущественно обрусевшие, рожденные в России. В школах второго типа преобладают дети недавних мигрантов, часто плохо знающие русский язык, и их доля значительна: от 25 до 60 %.

Обратимся к специфике ситуации, в которой оказались учителя школ второго, мигрантоемкого типа. В школах с большим числом учащихся-иммигрантов больше трудностей при работе с классом: если в школах второго типа отметили, что нет трудностей, 7 % учителей, то в школах первого – 30 %. Учителя чаще отмечают влияние приезжих на отношения в классе (33 и 12 %), на работу учителя (62 и 23 %), на трудности при работе с детьми приезжих (55 и 30 % в школах второго и первого типа соответственно). Учителя мигран-

тоемых школ чаще высказываются за раздельное обучение учащихся, не знающих язык, и местных детей (35 и 24 %). Соответственно, они реже бывают сторонниками совместного обучения (58 и 71 %). В школах второго типа дети приезжих реже хотят быть своими, чаще встречается деление на «своих» и «чужих», чаще отмечаются конфликты по национальному признаку (49 и 30 %). Учителя отмечают больше проявлений религиозности детьми приезжих: 58 и 25 % соответственно. Вместе с тем педагоги говорят о дружбе местных и приезжих детей применительно к обоим типам школ.

Отдельная проблема – «текучесть» учащихся, практика постоянной смены места жительства, отсутствие постоянной регистрации, регулярные возвращения на родину. По словам педагогов, розыск таких детей составляет отдельную проблему. Все это ведет к частым перерывам в учебе и смене школ. Из школ второго типа учащиеся прерывают учебу чаще – 24 и 7 % в школах второго и первого типа соответственно. Как отмечают педагоги, у детей слабая общественно полезная мотивация, но заметим, что это относится и к местным школьникам.

Таким образом, среди социальных функций института образования на первый план выходят задачи трансляции культуры принимающего общества, воспитания взаимного уважения, формирования общегражданской идентичности, которая выступает как консолидирующий инструмент в условиях роста межкультурных контактов.

Повышается ответственность отдельных индивидов – личная (не)воспитанность воспринимается другой стороной не как индивидуальное проявление, а как свидетельство, характеристика всей культуры – национальной и религиозной, к которой принадлежит индивид. Представитель иной культуры воспринимается как адепт данной этноконфессиональной группы, а не как частное лицо. Возрастает влияние конкретной личности, ее ответственность и вклад в межкультурные взаимодействия. Это повышает значимость социализационно-воспитательной функции системы образования и общества в целом.

Учительство является основной группой, обеспечивающей социализацию, адаптацию, инкультурацию детей мигрантов. При этом оно выполняет функции культурного медиатора и эталона, ослабления межкультурных противоречий.

Роль системы образования в преодолении проблемных зон межкультурных взаимодействий

Дети легальных мигрантов вовлечены в образовательную среду в той же мере, как и русскоязычные дети из принимающего общества. Помимо образования, школа предоставляет им возможности для освоения формализованных и неформализованных норм и практик, адаптации и интеграции с местным населением в целом. Важным условием успешной адаптации и интеграции является совпадение установок и социальных ожиданий местного населения и родителей – иноэтничных мигрантов как главных агентов социализации. В случае если по значимым аспектам межэтнического взаимодействия позиции принимающего общества и мигрантов не совпадают, в дальнейшем у детей и затем молодых людей могут возникнуть проблемы. Они будут воспроизводить «неправильные» с точки зрения местного населения модели поведения. Своевременное корректирование подобных установок и практик является сложной задачей как для детей, так и для педагогов школ.

Целью данного этапа исследования было выявление проблемных «зон» в межкультурных взаимодействиях, препятствующих интеграции мигрантов, а также определение роли системы образования в их преодолении. Достижение данной цели предусматривало решение ряда задач.

1. Выявить уровень заинтересованности сторон в интеграции мигрантов в российское общество.

2. Определить степень совпадения установок и социальных ожиданий принимающего общества по следующим позициям:

- готовность к межэтническому общению и сближению;
- отношение к изучению и употреблению мигрантами русского языка;
- взаимное уважение норм и традиций, значимых для каждой общности (мигрантов и принимающего общества);

3. Определить вклад школы в снижение межкультурных противоречий.

Методика обработки результатов. Для получения наиболее полного представления о ходе адаптации детей иноэтничных мигрантов было выделено пять групп.

1. Представители принимающего общества – опрос 2014 г., объем выборки 601 человек (более подробное описание выборки см. разд. II, гл. 1).

2. Представители принимающего общества, имеющие детей, – 53 % от выборки принимающего общества.

3. Мигранты – опрос 2013 г., объем выборки 363 респондента.

4. Мигранты, имеющие семью, детей и проживающие вместе с ними в России, – 99 человек, 27 % от общего числа опрошенных мигрантов. Отбор проводился путем группировки наблюдений, удовлетворяющих условию «проживание мужа/жены и детей в России вместе с опрашиваемым».

5. Мигранты – родители иноэтничных учащихся – целенаправленный опрос в 3 школах г. Новосибирска 59 родителей-мигрантов, из них 13 мужчин (22 %) и 45 женщин (78 %).

Оценка взаимных ожиданий и определение дистанции между принимающим обществом и мигрантами проводились на основе анализа ответов на вопросы об отношении опрашиваемых к дружбе детей с представителями разных национальностей, об отношении к разговорам в общественных местах не на русском языке, ношении национальной одежды, о готовности мигрантов изучать русский язык. Помимо этого, местному населению были предложены вопросы об отношении к учебе детей в классе с детьми мигрантов, об отношении к миграции и мигрантам в целом. Учителям как экспертам были заданы вопросы, связанные как с общими задачами обучения, так и касающиеся обучения детей мигрантов. В результате нами была оценена степень включенности мигрантов в принимающее общество, выявлены потенциально проблемные несовпадения во взглядах мигрантов и местных на значимые в межкультурном общении явления, а также роль системы образования в смягчении данных проблем.

Результаты исследования показали наличие двух групп потенциально проблемных несовпадений во взглядах мигрантов и местного населения на значимые в межкультурном общении явления. Это:

а) степень взаимной заинтересованности, б) несовпадение отношения принимающего общества с ожиданиями, запросами мигрантов.

1. *Степень взаимной заинтересованности.* Анализ данных показал, что мигранты более склонны считать себя похожими на местное население, демонстрируют большую дружелюбность и заинтересованность в сближении, а также большую заинтересованность при ответах на вопросы, касающиеся местного населения, но в большей степени одобряют разговоры о превосходстве одной религии или одного народа над другими. Большинство из них более положительно относятся к учебе и браку с русскими, чем сами русские (табл. 1).

Таблица 1

**Несовпадения во взглядах мигрантов и местного населения
на значимые в межкультурном общении явления.
Распределение ответов на вопросы, %**

Вариант ответа	Принимающее общество		Мигранты, 2013 г.		
	общий массив	с семьей и детьми	общий массив	с семьей и детьми	родители учеников
Каково Ваше отношение к дружбе Ваших детей с детьми других национальностей / русскими детьми?					
Хорошее	30	34	90	91	87
Нейтральное, не придаю этому особого значения	44	44	6	4	7
Не очень хорошее	21	18	3	5	6
Плохо отношусь	5	4	1	0	0
Каково Ваше отношение к браку Вашего сына или дочери с человеком другой национальности (вопрос для местного населения) / русским или русской (вопрос для мигрантов)?					
Хорошее	9	11	32	30	17
Нейтральное, не придаю этому особого значения	31	29	20	18	13
Не очень хорошее	28	31	26	20	23
Плохо отношусь	31	29	23	32	47

У местного населения чувства более сдержанны. Если к дружбе между детьми еще преобладает хорошее и нейтральное отношение, то к учебе – не очень хорошее и негативное, причем процент негативного довольно высок (табл. 2).

В сравниваемых нами группах совпадают только неодобрительные оценки допустимости межнационального брака, что может быть связано как с культурными различиями, так и с осторожностью местного населения. Преобладание положительного и нейтрального отношения со стороны местного населения к дружбе с детьми других национальностей даже в такой незначительной степени, способствует интеграции мигрантов. В этом случае, при непосредственном общении детей в школе обоюдный выбор друзей будет зависеть не столько от национальности и соответствующей внешности, сколько от личностных качеств и предпочтений детей.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос «Каково Ваше отношение к учебе Ваших детей в классе, где много детей мигрантов?»
(вопрос для местного населения), %**

Вариант ответа	Принимающее общество		
	общий массив	с семьей и детьми	с семьей без детей
Хорошее	11	11	11
Нейтральное, не придаю этому особого значения	32	32	21
Не очень хорошее	38	37	44
Плохо отношусь	19	20	24

Экспертный опрос педагогов показал, что большинство из них высоко оценивают пользу межнационального общения (91 %) и совместной учебы детей (66 %). Педагоги считают, что межнациональное общение полезно для общего развития и для улучшения взаимоотношений.

2. *Несовпадение отношения принимающего общества с ожиданиями, запросами мигрантов* связано: 1) с допустимостью использования родного языка мигрантов в общественных местах;

2) допустимостью ношения национальной одежды, а также религиозных атрибутов в общественных местах; 3) соблюдением мигрантами норм российского общества и законов страны; 4) расстановкой приоритетов между традициями и культурами принимающего общества и мигрантов.

Существует несовпадение мнений мигрантов и принимающего общества по вопросу о допустимости разговоров не на русском языке (табл. 3). Почти треть мигрантов одобряет разговоры в общественных местах не на русском языке, тогда как в принимающем обществе одобряют подобную практику только 3 %. Вместе с тем большинство мигрантов указывало на необходимость изучения русского языка как детьми (от 80 до 95 % во всех группах), так и взрослыми (в среднем 96 %). Местное население даже менее заинтересовано в изучении русского языка мигрантами, чем сами мигранты, хотя сопоставление данных показало, что не менее 70 % считают, что приезжие в любом случае должны стремиться хорошо говорить по-русски и изучать русский язык.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к разговорам в общественных местах не на русском языке?», %

Вариант ответа	Принимающее общество		Мигранты, 2013 г.		
	общий массив	с семьей и детьми	общий массив	с семьей и детьми	родители учеников
Положительно, одобряю	3	33	26	34	43
Спокойно, нейтрально	46	35	39	36	35
Плохо, не одобряю	51	32	35	30	22

В целом цифры отражают ситуацию, когда мигранты свободно пользуются родным языком в общественных местах, а местное население либо не обращает на это внимания, либо занимает позицию тихого неодобрения. Подобные ситуации зафиксированы и в школах: учителя 4 школ указали в качестве негативных качеств детей мигрантов публичные разговоры на своем языке. Недостаточное

владение учениками русским языком как основное затруднение при обучении было отмечено во всех одиннадцати школах.

Отчасти проблемы с русским языком, вынуждающие использовать в публичной сфере родной язык, связаны с недостаточным уровнем владения русским языком родителями и активным употреблением родного языка в семейном общении (на 10 % больше, чем в разговорах с людьми одной национальности).

Расхождения в установках местного населения и мигрантов обнаруживаются и при сопоставлении ответов на вопросы об отношении к ношению национальной одежды и религиозных атрибутов в общественных местах. Доля одобряющих это со стороны местного населения крайне низка (6 и 3 % соответственно), в то время как со стороны мигрантов – почти треть в том и другом случае. Доли не одобряющих ношение национальной одежды и религиозных атрибутов в общественных местах среди мигрантов и местного населения примерно одинаковы. Вместе с тем большинство педагогов (82 %) не замечали каких-либо проявлений религиозности в стенах школы (как в поведении, так и в одежде), хотя отмечаются единичные случаи ухода с уроков в мечеть. Наблюдения также показали, что дети мигрантов были одеты в обычную для России одежду или школьную форму (в некоторых школах, еще до повсеместного ее введения). Введение школьной формы было решением администрации школ и родителей и поддерживалось из соображений опрятности, унификации внешнего вида детей и визуального нивелирования социальных различий. Таким образом, несмотря на расхождение с местным населением в оценках допустимости ношения национальной одежды и религиозных атрибутов в общественных местах, школа является «особой территорией»: родители могут приходить в привычной им национальной одежде, а дети – в основном только в обычной одежде или школьной форме. Случаи, когда родители настаивали на ношении девочками платков в школе, – единичны.

В вопросах обязательности соблюдения мигрантами российских норм и законов и возможности уважения традиций мигрантов местным населением наблюдается стремление мигрантов к паритету: они признают необходимость соблюдения российских норм и традиций, но хотят, чтобы их традиции уважались местным населением наравне с российскими. Дополнительные вопросы подтвер-

дили, что мигранты понимают разницу между уважением и соблюдением традиций, а также необходимость соблюдения норм этикета и законов Российской Федерации. В то же время группа родителей иноэтничных учеников (5-я группа) продемонстрировала небольшое отклонение в сторону необязательности как соблюдения принятых в России норм и традиций, так и уважения норм и традиций мигрантов местным населением.

Местное население почти однозначно считает, что мигранты обязательно должны соблюдать принятые в России нормы и традиции (95 %). Также большинство уверено, что в России важнее сохранение российской культуры (46 %). Доля затруднившихся с определением обязательности/необязательности соблюдения российских норм и традиций мигрантами равна доле ответивших на этот вопрос положительно и считающих, что и традиции мигрантов должны уважаться местным населением. Людей, выбравших ответы «обязательно должны соблюдать» и «в России важнее сохранение российской культуры», – больше в 1,7 раза, что косвенно подтверждает противоречивые установки относительно мигрантов: с одной стороны, они должны ассимилироваться и «стать незаметными», с другой – воспринимаются как некоторая угроза и проблема.

Несмотря на определенную напряженность со стороны принимающего общества в отношении мигрантов, большинство опрошенных мигрантов не указывали, что их дискриминировали по каким-либо признакам. Всего по различным признакам дискриминацию испытали от 11 до 33 % опрошенных (первый показатель – соблюдение религиозных предписаний, второй – аренда жилья). У семейных мигрантов с детьми в России эти показатели чуть ниже – 10 и 33 %, у родителей нерусских учеников – 10 и 38 % соответственно.

Вышеизложенное дает основание предполагать обязательность публичного соблюдения мигрантами правильных с точки зрения местного населения образцов поведения при невмешательстве в их частную жизнь (что подтверждается относительно невысокими показателями религиозной дискриминации). Однако на практике «частная жизнь» понимается мигрантами и местным населением неодинаково, как и понятие «русская культура».

3. *Роль школы в снижении межкультурных противоречий.* По результатам нашего исследования можно сказать, что школа дает

возможность детям мигрантов преодолеть вышеописанные расхождения, корректировать модели поведения и установки, воспринятые при первичной социализации, в относительно безопасной среде. Учителям эти расхождения становятся очевидны при работе с классом, анализе психологического климата. Школы, в которых проводились опросы, уже наработали опыт и стараются объединять детей по доминирующим критериям «ученик школы» и «гражданин/житель страны». Эти критерии, в отличие от культурных и этнических маркеров, не могут использоваться ни детьми, ни взрослыми в качестве инструмента сепарации или сегрегации, поскольку характеризуют общность, а не отдельных ее представителей. Визуализируется эта стратегия не только путем введения школьной формы, но и на информационных стендах (нормативные документы, стенгазеты, доски почета, порицания всему классу или группе учеников).

Для лучшей адаптации и интеграции, владения русским языком, новосибирские педагоги предпринимают следующее: 1) проводят дополнительные занятия по русскому языку, 2) разрабатывают внутришкольные методики воспитания и социализации приезжих, 3) формируют толерантные отношения в школе, 4) проводят дополнительные занятия с приезжими (ответ администрации).

На вопросы о том, как школа может помочь детям мигрантов стать настоящими гражданами, каков уровень подготовленности школы к приему детей мигрантов, большинство учителей (49,5 %) ответили, что помощь школы заключается в общем просвещении, а также в том, чтобы принять, обеспечить благоприятный психологический климат – 27 %; учить детей жить вместе, уважать других, быть толерантным – 23 %; обучать российской гражданственности – 22 %; давать дополнительные уроки русского языка – 12 %. Подобную же позицию, но более конкретно высказали директора и завучи, озвучившие в качестве основных мероприятий разработку программ и методик социализации приезжих, формирование толерантных отношений, дополнительные занятия.

Просьба оценить уровень подготовленности школы к приему детей мигрантов вызывала порой удивление. Учителя сообщали, что школы ориентированы на всех детей, а не на отдельные категории учеников, однако подчеркивали, что к массовому наплыву слабо подготовленных детей школы не готовы. Большинство учителей

оценили уровень подготовленности школы в диапазоне от среднего до низкого (средний уровень отметили 37 %, ниже среднего – 20, низкий – 19 % учителей). Возможно, ситуацию могла бы поправить финансовая поддержка школ с большим количеством детей мигрантов, за которую высказались 10 из 13 опрошенных представителей администрации школ. Одна из директоров особо подчеркнула, что учителям это была бы надбавка за сложность, поскольку контингент детей в школе в целом неблагополучный¹⁶.

Педагоги в основном не делают акцент на этнических различиях детей, им важно, чтобы ребенок понимал их речь и учебный материал, а также вел себя адекватно. Эта позиция хорошо прослеживается при ответах на вопрос о положительных и отрицательных качествах детей. Число респондентов, указавших отрицательные качества, меньше почти в два раза. Набор положительных характеристик при этом внешне лишен этнической специфики (уважение к старшим, трудолюбие, вежливость), тогда как набор отрицательных включает в себя и специфические черты, выявленные в процессе общения и обучения (грубость и неуважение к русским, национализм, общение на национальном языке в присутствии других, уход с уроков в мечеть, пассивность девочек, вседозволенность мальчиков и т. д.).

Если учитель испытывал затруднения при работе с классом из-за присутствия детей мигрантов, то незнание русского языка было на втором месте после поведения и дисциплины, если отмечал, что присутствие детей мигрантов создавало сложности конкретно ему, то незнание русского языка было на первом месте вместе с негативными особенностями национального менталитета¹⁷. Стоит отметить, что мнение педагогов напрямую зависело от качеств личности обучающихся, а не от национальности.

Во всех школах, где проводилось исследование, наблюдается ориентация на формирование единой гражданской позиции.

¹⁶ Кроме этого, финансирование могло бы обеспечить улучшение методической базы и способствовать проведению мероприятий по обмену опытом.

¹⁷ Обобщенная категория для частных случаев, упомянутых учителями.

Основные выводы

В результате проведенных исследований были сделаны следующие выводы:

- современная школа испытывает ряд противоречивых тенденций. В теории объявляется уклон в гуманистическую педагогику и воспитание общечеловеческих ценностей, на практике приоритет отдан реализации образовательной функции школы в ущерб другим функциям;

- авторитет учителя как социальной группы уже не так высок, как раньше, однако школа остается каналом восходящей мобильности, поскольку дает право получения высшего образования;

- система образования функционирует в условиях разнонаправленных потоков информации, не формируется единого информационного пространства из-за несогласованности таких социальных институтов, как СМИ, семья и ряд государственных служб, которые, например, в советское время формировали единый информационный поток, направленный на воспитание у населения, в том числе и у детей, определенных качеств. Советская школа существовала в информационной связи с политическими, юридическими и общественными институтами, которые транслировали единый подход ко всем сферам жизни, в том числе и к изучаемым нами межнациональным отношениям;

- школа сталкивается с рядом затруднений, которые, при должной организационной и финансовой поддержке, могли бы быть разрешены в пользу всех субъектов учебно-воспитательного процесса: 1) учителей, 2) учеников, 3) семей учеников.

Первое затруднение: недостаточная подготовка ряда субъектов процесса к взаимодействию друг с другом. Учителя находятся в достаточно противоречивом положении. Государство совершенно справедливо делегирует одному из подотчетных ему ведомств обязательство обучения (и воспитания) граждан страны, но не обеспечивает необходимыми для этого информацией и материалом. В школу транслируются законодательные и нормативные акты, общие идеи совместного обучения и воспитания детей принимающего общества и детей легальных мигрантов. Выражается это одним понятием – «толерантность», которое разными контрагентами

может пониматься неодинаково (даже несмотря на прописанную в законодательном акте вполне конкретную формулировку). Новосибирские школы с большой численностью детей мигрантов вынуждены были методом проб и ошибок нарабатывать полезный опыт, отрабатывать механизмы создания и поддержания в учебном заведении функциональной «мультикультурной модели». В процессе исследования обнаружено фактическое отсутствие в Новосибирске курсов повышения квалификации учителей, связанных с обучением детей мигрантов, отсутствие единой методической базы, организованной системы формализованных практик обмена опытом (межшкольные семинары, конференции и т. д.). Информационное пространство поддерживается путем полужформализованных социальных сетей и контактов учителей и администрации разных школ.

Именно поэтому большая часть наших учителей-респондентов считает, что уровень готовности школы к приему иноэтничных детей средний или низкий, а к приему дополнительного числа приезжих учеников школы не готовы совсем.

Второе затруднение заключается в диспропорциональности распределения детей с хорошим социальным капиталом и образовательным потенциалом по школам, что дало возможность получить при интервьюировании противоположные мнения о потенциале детей мигрантов, об их влиянии на школьную жизнь. Целесообразно бы было также рассматривать и степень благополучия детей из принимающего общества, поскольку их социальный и образовательный потенциал также влияет на функционирование конкретной школы, на нагрузку учителей. В связи с этим необходим не только мониторинг межэтнических отношений в школе, но и в идеале – комплексная оценка благополучия школы. Целесообразно было бы выделять дополнительное финансирование для таких школ, в том числе на доплаты педагогам.

Третье затруднение имеет историческую подоплеку. После распада СССР в бывших советских республиках длительное время негласно поощрялось игнорирование и отрицание культурного наследия советского и дореволюционного времени. В Россию стали прибывать мигранты уже не очень хорошо или очень плохо знающие русский язык и культуру. Часть иммигрантов из бывших республик привозили семьи и детей, часть – обзавелись ими в России.

Как следствие, система образования столкнулась с большим числом детей, которые, даже несмотря на факт рождения в России, воспитывались в традиционных для страны исхода родителей обычаях, зачастую не совпадающих с российскими и не находящих понимания у принимающего общества. Реальное наличие и применение таких обычаев и практик отмечали наши респонденты-учителя. Воспитание в собственных традициях, их абсолютизация, хотя и помогает сохранить культурную идентичность, но может вызвать нарушения в процессе адаптации и интеграции. Как показало исследование, языковой барьер является одним из препятствий к эффективной адаптации и интеграции (несмотря на то, что абсолютное большинство мигрантов признали необходимость изучения русского языка ими самими и детьми). Кроме этого, несмотря на уроки, посвященные гражданскому и патриотическому воспитанию, часть детей мигрантов не приемлет традиции и обычаи РФ, может проявлять агрессию по отношению к принимающему обществу, повышенную чувствительность в вопросах и ситуациях, связанных с собственным иноэтничным происхождением. Более того, ряду детских конфликтов приписывается этнический подтекст. В школах, где таких конфликтов много, учителя и администрация вынужденно играют роль буфера, затрачивая определенное время и силы на решение конфликта. Определенные сложности в данном случае создает и то, что родители имеют достаточно большие полномочия, что дает им возможность оспаривать мнение педагогов, в том числе о характере и природе детских конфликтов. Местное население не воспринимает или не хочет воспринимать себя наравне с легальными мигрантами, в то время как по данным нашего исследования легальные мигранты более дружелюбны к местному населению. Достаточно низок процент тех, кто хорошо относится к учебе своего ребенка вместе с детьми мигрантов. Треть опрошенных не придает этому особого значения. Часть более благополучных в социальном и материальном отношении семей избегает школ с большой долей детей мигрантов.

Ситуацию осложняет вмешательство родителей, которые склонны в потенциально конфликтных ситуациях транслировать взаимное отторжение (мигранты – местные, мигранты одной национальности – мигранты иной национальности). Это обуславливает, с одной

стороны, необходимость соблюдения общероссийских норм всеми участниками взаимодействий, с другой – получения педагогами дополнительных знаний о родной культуре обучающихся. Таким образом они смогут предупреждать потенциальные конфликты и более эффективно оказывать воспитательное воздействие.

Еще одно, четвертое, затруднение обусловлено несовпадением взглядов принимающего общества и мигрантов на ряд значимых аспектов межкультурного и межэтнического взаимодействия. По результатам проведенного исследования, в качестве таковых выделены: общий уровень толерантности; готовность к межэтническому общению и сближению; отношение к изучению и употреблению мигрантами русского языка; взаимное уважение норм и традиций, значимых для каждой общности (мигрантов и принимающего общества).

Наконец, пятое затруднение заключается в инертной позиции родителей по отношению к учебе и гражданскому воспитанию детей, а также вовлеченности не всех детей семьи в учебный процесс. Во время исследования было установлено, что некоторые родители отдают приоритет учебе мальчиков. Часть учителей также отметила, что не видит помощи от родителей, что родители занимают индифферентную позицию, не оказывают поддержки – нарушается связь семья – школа. Справедливости ради нужно заметить, что эта связь нарушена и в среде принимающего общества.

Таким образом, адаптация и интеграция детей иноэтничных мигрантов в школах Новосибирске проходит в условиях, когда культурные границы и различия осознаются, но благодаря усилиям администрации и педагогов не становятся поводом для взаимной дискриминации.

Присутствие в школах иноэтничных учеников активизирует воспитательную функцию системы образования. Разнонаправленные потоки информации, размытость связей между семьей и школой, инертность части родителей (независимо от национальной принадлежности семьи) – те немногие причины, по которым учителя не могут в полной мере реализовать социализирующую функцию. Тем не менее она является обязательной в учебно-воспитательном процессе, что одновременно создает дополнительную психологическую нагрузку на педагогов. Однако в школах, где эти связи не нарушены,

где более высока сознательность родителей (независимо от национальности), – ситуация более благополучная.

Во всех школах, в которых проводилось исследование, зафиксирована практическая ориентированность на формирование единой гражданской позиции.

Полагаем, что выявленные различия во взглядах на значимые аспекты межэтнического взаимодействия в целом поддаются корректировке, в том числе за счет согласованности общешкольной работы по адаптации и интеграции. Однако необходим ряд мер, которые могли бы способствовать как обмену опытом, так и улучшению условий работы учителей школ с большим числом детей мигрантов.

Таким образом, в ходе исследования выявлены такие важные проблемные узлы межкультурного взаимодействия принимающего общества и мигрантов, как различия в уровне готовности к межэтническому общению и сближению, расхождение между запросами мигрантов на паритетные отношения (соблюдение ими российских законов в обмен на допущение определенных национальных особенностей) и установкой принимающего социума на сохранение и доминирование своей культуры. Эти потенциально и явно конфликтные несовпадения препятствуют интеграции иноэтничных мигрантов и их детей.

Усилия российского общества должны быть сконцентрированы на поиске, аккумулировании лучшего в своей и ввозимых культурах, на актуализации миротворческих, созидательных ценностей и практик, в том числе через систему образования.

Глава 6

Роль средств массовой информации в формировании межэтнических отношений

Средства массовой информации и межэтнические взаимодействия

В конце XX – начале XXI в. в западноевропейском и российском общественно-политическом дискурсе стала популярной актуальная тема межэтнической толерантности. Исследователями отмечается негативный вклад СМИ в освещении проблем иноэтничной миграции. Обострилась дилемма объективного освещения ситуации с мигрантами, в которой в связи с их ростом выросли и негативные явления – с одной стороны, и проблемой сохранения спокойной социально-психологической атмосферы в принимающем обществе, в котором усилились отторгающие мотивы, – с другой. Организационной реакцией на сложившееся положение стал Всероссийский конкурс средств массовой информации «СМИ-ротворец» на лучшее освещение вопросов межнациональных и этноконфессиональных отношений, который проводился по инициативе Гильдии межэтнической журналистики при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Федерального агентства по делам национальностей и Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям¹⁸.

Консолидирующая роль СМИ связана с активной гражданской позицией общества в целом и сообщества журналистов в частности, целенаправленной работой государства со СМИ, стимулирующей просоциальную направленность и ответственность масс-медиа. Одним из итогов такого взаимодействия стал этический ко-

¹⁸ Конкурс проводился в рамках реализации ФЦП «Единство российской нации и этнокультурное развитие народов России 2014–2020 гг.». URL: <http://concours.nazaccent.ru/2015/about/>

декс журналистов, освещающих межэтническую тематику в Российской Федерации, разработанный Гильдией межэтнической журналистики в 2013 г. Среди положений кодекса, соблюдение которого «является добровольным, свободным и осознанным шагом каждого профессионального журналиста», следующие принципы: объективность, непредвзятость и полнота; четкое разграничение фактов и мнений; недопущение стереотипов в отношении этнических групп; заинтересованность в гармонизации межнациональных отношений в обществе¹⁹.

Система взаимодействия СМИ с потребителями их информации – целевой аудиторией – двусторонняя и взаимосвязанная, основанная как на возможностях и целях каждого конкретного СМИ, так и на интересах и запросах аудитории. СМИ не дают объективной картины мира, а показывают выстроенный по определенному сценарию срез, который особым образом влияет на аудиторию. Люди обращаются к СМИ в меньшей степени с целью получения значимой информации и в большей – для того, чтобы испытать эмоции, для развлечения. Так, интерес зрителей или читателей к авариям, катастрофам, с одной стороны, связан с биологической необходимостью убедиться в отсутствии угрожающей именно им опасности, а с другой – позволяет испытать ряд эмоций, которых не хватило в реальной жизни: страх, печаль, негодование, скорбь и т. д.

При этом стоит понимать, что СМИ – это специфический вид бизнеса, который предлагает своим пользователям (аудитории) товар. Конечно, товар особого вида, результат интеллектуального творчества, информационный продукт. Но стоит подчеркнуть, что СМИ – это один из способов зарабатывания денег в случае, если речь идет о коммерческих медиа, и инструмент влияния, если речь идет о государственных или подконтрольных политическим силам масс-медиа. Именно интерес аудитории, выражающийся в высоких рейтингах на телевидении, в росте трафика в Интернете или тира-

¹⁹ Этический кодекс журналистов, освещающих межэтническую тематику в Российской Федерации. URL: <http://nazaccent.ru/about/eticheskij-kodeks/>

жей печати, является мерилем успешности работы того или иного СМИ, которое в результате выбирает только те темы, которые способны не оставить равнодушными большие массы людей.

Несмотря на политические реалии современного рыночного общества, необходимо осознавать, что информационные сообщения в СМИ о взаимодействии местного населения и мигрантов могут как сглаживать социальную напряженность, так и служить причиной эскалации межэтнических конфликтов.

По данным исследования, проведенного Центром изучения национальных конфликтов в 2014 г., Новосибирская область относится к регионам со средней степенью межэтнической напряженности, где угроза массовых столкновений с применением насилия низка, однако одиночные насильственные действия имеют серьезный резонанс и провоцируют массовые ненасильственные выступления, при том что активной эксплуатации национальной темы нет. При этом, по данным исследования, большинство конфликтных ситуаций связано с онлайн-экстремизмом. Как правило, ксенофобный контент размещают жители областного центра в возрасте от 18 до 27 лет. Достаточно сильно выражен так называемый бытовой национализм, который проявляется в переносе националистических взглядов и предрассудков на уровень обыденных отношений между людьми разных национальностей²⁰.

Освещение проблем межэтнических отношений зачастую принимает не только позитивный и толерантный облик, что косвенно помогает с большим доверием налаживать взаимодействия между членами принимающего общества и приезжающими в регион этническими мигрантами, но может и усиливать противопоставление свой – чужой и приводить к дополнительным конфликтам и росту ксенофобии. Среди наиболее распространенных примеров использования средствами массовой информации этнического признака является указание без прямой необходимости этнической принадлежности человека. Наиболее эффективно это происходит при

²⁰ Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/novosibirskaya-oblast.html>

включении этнического признака в заголовки публикаций. Мнение экспертного сообщества в данном случае достаточно единодушно. «Я настаиваю на том, – отмечает редактор наиболее цитируемого в Новосибирске интернет-СМИ – что в базовом варианте новости не должно быть указания национальности. Или, по крайней мере, национальность должна указываться, только если она критически важна. 90 % людей читают только заголовок, максимум лид. В заголовке я требую не допускать упоминания национальностей. Иногда, если есть основания считать конфликт именно межэтническим, мы упоминаем страну/гражданство человека, а не его национальность. Допустимо “выходцы из Таджикистана или Узбекистана”, недопустимо “таджики и узбеки”». Однако другой эксперт, ранее отвечающий за контент крупнейшего государственного информационного агентства в Сибирском федеральном округе, отмечает, что всегда «есть идеалистическое представление о журналистике, а есть практика и работа на злобу дня». «Очень часто СМИ, когда они упоминают национальность, не преследуют цели что-нибудь плохое сказать про человека. Но иногда новость можно “продать” читателю только за счет национального акцента. Уместно это? С точки зрения решения задачи для СМИ уместно. С точки зрения социальной ответственности журналистики – не всегда», – отмечает эксперт.

Причины этноконфликтной деятельности СМИ различны. Одна из них состоит в том, что в связи с процессами глобализации этничность в большинстве развитых обществ стала переходить из сферы материальной в сферу духовную, в сферу массовой психологии и политики. Кроме того, постсоветское время и многочисленные российские трансформации, вызвавшие к жизни новые этнополитические элиты с новыми этническими идеологиями и интересами, актуализировали в массовом сознании другие этнические ценности и политизировали этнокультурную сферу²¹.

Согласно модели эволюции изображения национальных меньшинств в масс-медиа, предложенной С. Кларком, выделяется четыре

²¹ Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М.: Информполиграф, 2004. С. 29.

стадии, в разной степени влияющие на конечное отношение к представителям других этносов, закрепляющееся в массовом сознании. Первая стадия – непризнание, когда данная группа полностью исключается из изображения в медиа. Вторая стадия – высмеивание, когда представители меньшинства представляются как некомпетентные и невежественные люди, наделяются стереотипами и принижаются. С другой стороны, местные жители при этом противопоставлении возвеличиваются, активно работает парадигма «мы – они». Третья стадия – упорядочивание, когда представители меньшинств предстают в качестве защитников существующего порядка, активно наделяясь положительными чертами. Четвертой, самой высокой стадией эволюции Кларк называет уважение, когда этническое меньшинство приобретает полный набор ролей – как положительных, так и отрицательных, чем также характеризуется и большинство. Расширение диапазона приписываемых мигрантам качеств означает признание за представителями данного меньшинства всей совокупности человеческих качеств – и хороших и плохих. Таким образом, данная группа полностью уравнивается с другими²².

Последняя стадия наиболее предпочтительна для работы СМИ, так как в этом случае мигранты показываются наиболее объективно, без смещений как в сторону негативного отображения и стереотипизации, так и в сторону их исключительно положительного изображения. Анализируя новосибирские СМИ, можно сделать вывод об их неоднородности и наличии всех четырех стадий данной модели в местных изданиях. Частично это можно объяснить особенностями типа, формата и специфики каждого конкретного масс-медиа, а также отсутствием единого подхода к освещению тем, наделенных этническими компонентами.

В нашем случае интересно, каким образом сами представители местного сообщества и приезжающие в регион трудовые мигранты оценивают степень влияния средств массовой информации на качество их взаимодействия друг с другом.

²² Черных А. Мир современных медиа. М.: Территория будущего, 2007. С. 141–142.

Предпочтительные виды средств массовой информации

Прежде чем обратиться к предпочтениям респондентов в выборе вида СМИ, попытаемся понять, входит ли тема межэтнических и межконфессиональных отношений в сферу интересов пользователей СМИ. Мнение эксперта: «Любые публикации, которые каким-то образом затрагивают эту тему и пытаются каким-то образом анализировать ситуацию, вызывают огромный интерес. И скандальные или наоборот радостные ситуации, связанные с межэтническими отношениями, вызывают огромный резонанс. Последний раз у нас была публикация о годовщине геноцида армян, когда Первомайский сквер в течение суток был заполнен людьми. Мы выпустили фоторепортаж: ничего мудреного, цитаты, фотографии. Но он вызвал очень большой интерес, в том числе у самой Армении. У нас в принципе довольно большая часть аудитории – это как раз диаспоры. Для них это важно, для них это интересно. И криминальные вопросы освещаем: была одна драка, связанная с наркотиками, тоже был большой отклик. У нас в городе очень обеспеченные и очень богатые еврейская диаспора, корейская, армянская. Соответственно, они очень пристально следят, внимательно читают обо всем, что связано с ними и с другими явлениями, которые могут оказать на них воздействие».

По результатам нашего исследования, большинство мигрантов (63 %) просматривают СМИ ежедневно. Хотя основным источником новостной информации и для мигрантов, и для местных жителей являются традиционные СМИ (телевидение, печать), имеют место и такие каналы, как Интернет и социальные сети (табл. 1). Интернету как новостному ресурсу уделяется большое внимание в обеих группах, но приезжие, в силу понятных причин, пользуются им несколько реже.

Неожиданным оказалось то, что, по сравнению с приезжими, местные жители в большей степени предпочитают телевидение. В то же время мигранты, помимо просмотра телепередач, активно читают местную прессу, тогда как лишь немногие местные жители признались, что читают газеты или журналы.

Таблица 1

**Распределение обращений респондентов
к различным видам СМИ, %**

Источники информации	Принимающее общество, 2014 г.	Мигранты, 2013 г.
Телевидение	72	45
Газеты, журналы	5	28
Радио	2	8
Интернет	17	13
Социальные сети	1	3
Другое	3	3

По мнению одного из представителей экспертного сообщества Новосибирска, телевидение действительно остается не только самым популярным видом СМИ, но и оказывает наибольшее влияние на людей, в том числе в межэтнических вопросах: «У нас сохраняется повышенный коэффициент доверия именно к телевизионным каналам, особенно у старшего поколения. Мы понимаем, что любую тему можно подать под очень разными углами, но то, что показывают по телевидению, считается истиной. Сейчас существует много разных исследований на эту тему, если верить им, интернет-среда является тем местом, где размазаны бренды в сознании читателей. Люди не ассоциируют информацию с конкретным источником, с конкретным СМИ. Телевидение – это более консервативная история, связанная с пожилыми людьми, которые больше вообще ничего не потребляют. Поэтому в Интернете степень влияния на сознание необъяснима и неизмерима. Интернет-новость не подразумевает точки зрения, не подразумевает эмоций, попытки образовать, разъяснить, что-то еще. Это маленькая единица информации о состоявшемся факте. Какие-то акценты, вынесенные в заголовок, создают этот тон. Но тут больше влияет то, какое отношение формирует у читателя состоявшийся факт сам по себе. Что касается телевидения, телевизионный сюжет строится по-другому: у него есть завязка, апогей, развязка, это маленькое кино, которое несет в себе какую-то мораль. И оно оказывает немножко другой эф-

фект». По мнению другого эксперта, именно телевидение «формирует повестку дня, в которой работают все остальные СМИ».

По данным операторов связи, работающих в Новосибирской области, в регионе транслируются 93 эфирных и кабельных телеканалов, среди них нет ни одного канала из стран Средней Азии. Таким образом, можно предположить, что и мигранты, и местные жители смотрят телепрограммы, ориентированные на жителей России.

Получение в большей или меньшей степени объективной информации о происходящих событиях предполагает обращение не только к различным видам информационных источников, но и к разным новостным и аналитическим ресурсам внутри одного средства информации. Наличие информации в разных жанрах, использование большого числа способов подачи материала в рамках одного СМИ зависят от различных факторов, к которым можно отнести формат издания, политику учредителя, предпочтения главного редактора, а также заинтересованность и компетентность журналистов. Но, по мнению работников масс-медиа, решающее значение имеет заинтересованность ньюсмейкеров в распространении информации, а также ее полнота и качество. Как замечает один из экспертов: «Наши власти информационную составляющую вообще не выстраивают. Каждое ведомство отчитывается о своей работе, не согласовывая информационный поток с другим. Работа СМИ очень понятна: если нам УФМС придет сообщение, что они поймали 50 нелегалов, значит, во всех СМИ до одного будет эта информация. То есть СМИ не формируют сами эту тему и отношение не формируют. По сути, они пользуются тем, что им дается. Информационный фон задается инфоповодами, а инфоповоды у нас не самые положительные».

Доверие к средствам массовой информации

Одной из важных основ консолидации общества является доверие разных групп, сообществ, институтов, индивидов государству и друг другу. Доверие представляет собой социальный капитал и основу построения общественных отношений. Проблема актуализируется в условиях, когда традиционные механизмы поддержа-

ния предсказуемости и уверенности в результатах взаимодействий уже не играют прежней роли. В условиях релятивизации культурных норм проблема доверия общества к различным социальным институтам, в том числе СМИ, приобретает особое значение. Средства массовой информации претендуют на статус четвертой власти, что возможно только при наличии доверия к ним. Одновременно СМИ являются фактором формирования общественного недоверия. Среди причин недоверия – ангажированность, коммерциализация, использование манипулятивных технологий, стремление к сенсационности, не всегда достаточно высокий уровень профессионально-этической культуры.

Обратимся к результатам нашего исследования. Опрос мигрантов позволил говорить об их высоком уровне доверия к средствам массовой информации. Так, около трети опрошенных (34 %) отметили, что полностью доверяют информации в СМИ. Еще 33 % указали, что масс-медиа правдивы в большинстве случаев. В зависимости от конкретного СМИ – 20 %. Выразили в разной степени недоверие СМИ еще 14 %.

Для выявления факторов доверия и недоверия мигрантов СМИ мы выделили три группы с высоким (объединены первые две позиции доверия – полностью доверяют и доверяют в большинстве случаев), средним (в зависимости от конкретного СМИ) и низким (объединены две нижние позиции доверия – преимущественно не доверяют, не доверяют вообще) уровнем доверия СМИ. Проведенный анализ позволил говорить о следующих корреляциях уровня доверия (табл. 2):

- со страной исхода – склонны доверять масс-медиа выходцы из Таджикистана и Узбекистана, не доверять – из Киргизии;

- с уровнем образования – чем выше образование, тем ниже уровень доверия СМИ;

- с планами на будущее детей – связывающие будущее своих детей с Европой и США имеют склонность не доверять СМИ;

- с религиозностью и самооценкой знаний своей веры и традиций – чем они выше, тем выше доверие. При этом соблюдающие традиции, связанные с рождением и воспитанием детей, не склонны доверять СМИ, что, видимо, связано с большим объемом нега-

тивной информации, использованием полумаргинальной стилистики, выходящей за пределы элементарных приличий;

– с этнической открытостью и доброжелательностью. Относящиеся положительно к русским, православным, европейцам, к межэтническому браку своих детей, не чувствующие враждебности со стороны местного населения, желающие стать своими в России в большей мере доверяют СМИ;

– с неодобрением ношения одежды, связанной с религиозной принадлежностью мигрантов, – тюрбанов, хиджабов, платков, закрывающих лица, – также большая склонность доверять масс-медиа;

– с улучшением жизни (по разным параметрам) в связи с переездом в Россию – склонны доверять СМИ;

– с наличием российского гражданства – закреплённость в социуме негативно сказывается на степени доверия к СМИ.

Таблица 2

**Связь уровня доверия мигрантов СМИ
с различными факторами, %**

Категория мигрантов	Уровень доверия мигрантов СМИ		
	высокий	средний	низкий
Страна исхода			
Киргизия	20	37	51
Таджикистан	48	28	16
Узбекистан	30	26	11
Образование			
Высшее образование респондента	9	35	36
Стремление дать детям высшее образование	49	72	81
Ориентация на Запад			
Хотят, чтобы их дети уехали в Европу, США	7	9	16
Традиции и религия			
Хорошо знают предписания своей веры и свои национальные обычаи, традиции	83	72	57
Стараются соблюдать традиции, связанные с рождением и воспитанием детей	68	84	86
Участвуют в жизни религиозной общины	79	13	8
Участвуют в жизни национальной диаспоры	78	16	6

Проведенный анализ позволил выделить группы факторов доверия и недоверия мигрантов средствам массовой информации.

К факторам доверия мигрантов СМИ относятся:

1) связь с традиционными нормами, культурой: укорененность в своих традициях, религиозность (в данном случае ислам);

2) склонность к органической интеграции в российский социуме: неодобрение ношения религиозно обусловленной одежды в России (это может быть связано со стремлением не задевать национальные и религиозные чувства принимающего населения); бесконфликтность во взаимодействиях с принимающим населением (не чувствуют враждебности к себе); желание стать своим; положительное отношение к представителям христианских культур; к браку своих детей с русскими (табл. 3);

3) формальная интегрированность в российский социум: наличие положительных перемен в различных сторонах жизни мигрантов в связи с их переездом в Россию (табл. 4).

Таблица 3

**Связь уровня доверия мигрантов СМИ
с органической интеграцией, %**

Отношения с принимающим обществом	Уровень доверия мигрантов СМИ		
	высокий	средний	низкий
Положительно относятся к русским	85	79	47
Положительно относятся к православным (христианам)	57	38	33
Положительно относятся к европейцам, гражданам стран Запада	49	40	29
Не одобряют ношение одежды, связанной с религиозной принадлежностью	43	33	17
Не чувствуют враждебности от местного населения – в транспорте, магазинах	78	64	57
Желают стать своими в России	84	57	57
Положительно относятся к возможности брака своих детей с русскими	33	29	16

Факторы недоверия мигрантов СМИ:

1) «интеллектуализм» (высшее образование и ориентация на него в образовании детей);

- 2) традиционное воспитание детей;
- 3) закреплённость в принимающем социуме (наличие российского гражданства);
- 4) ориентация на страны Запада.

Таблица 4

**Связь уровня доверия мигрантов СМИ
с формальной интеграцией, %**

Степень интеграции	Уровень доверия мигрантов СМИ		
	высокий	средний	низкий
Имеют российское гражданство	16	26	38
Улучшение в связи с переездом в Россию по параметрам			
Материальная обеспеченность	91	77	53
Жилищные условия	79	63	43
Условия для учебы, культурного развития	82	62	61
Состояние здоровья	72	56	39
Условия для соблюдения религиозных требований	52	35	21

Параллельно был проведен опрос местных жителей о степени их доверия разным видам СМИ – телевидению, радио, прессе и интернет-медиа. Было выявлено, что вне зависимости от вида СМИ степень доверия респондентов примерно одинакова. Исключение составили печатные издания, уровень недоверия к которым у местных жителей был значительно выше, чем к другим СМИ, и составил в совокупности более 60 % (табл. 5).

Таблица 5

**Степень доверия представителей принимающего общества
к СМИ, %**

Вид СМИ	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Не доверяю
Телевидение	5	44	32	18
Радио	4	46	32	16
Пресса	2	36	43	18
Интернет	4	44	37	13

Обращаясь к оценке степени доверия к СМИ, один из экспертов заметил, что «если взять последние десятилетия, то доверие снижалось, но предыдущий год придется выделить, потому что он резко поляризовал аудиторию, и вопрос доверия или недоверия сейчас не стоит. Люди не верифицируют сообщения, которые поступают. Мы это видим по любым источникам: и по комментариям, и по всему остальному. Последний год для людей СМИ – это скорее вопрос веры, нежели источников информации. Аудитория совершенно четко разделилась на правых и левых, сторонников курса государства и его противников. И они черпают информацию именно в тех СМИ, которые считают нужными, и верят им безусловно. Поэтому этот год надо исключать. А так, я думаю, что с конца 80-х, когда авторитет СМИ был выше, за последние 10–20 лет происходило только снижение доверия. Но это не значит, что оно совершенно утрачено».

Частота появления этнической информации в СМИ

Анализ освещения темы миграции показал, что и жители Новосибирска, и приехавшие в регион мигранты считают, что проблема взаимодействия местного населения и мигрантов затрагивается в СМИ достаточно часто (51 %), при этом они заметили, что негативной информации больше. Только 3 % местных жителей и 5 % приезжих посчитали, что регулярность освещения проблем межэтнического взаимодействия крайне низка.

Помимо частоты обращения к теме, не менее важным являются полнота и качество подачи материала, сопутствующие оценки, их компетентность и объективность. Рассматривая эту ситуацию изнутри, один из экспертов заметил: «К сожалению, в Новосибирске, как и в целом по стране, ужасная ситуация с освещением межэтнических и межконфессиональных вопросов. И она связана в первую очередь с двумя ключевыми факторами. Первый, самый главный – это ужасная некомпетентность в этом вопросе пишущих об этом людей, потому что даже базовых знаний о тех или иных религиях или межнациональных отношениях у них нет. Ни специальной подготовки, ни просто блока высшего образования, которые должны

эти знания давать. Это и отражается на публикациях, которые появляются... И второй фактор – это отсутствие внятного государственного месседжа, государственной политики, которая давала бы какое-то якорное понимание журналистам, как это может освещаться или в какую сторону смотреть. Но, скорее, это второстепенное. Отсутствие подготовки и образования первично. И поэтому, так как люди не очень понимают, о чем им писать, как им писать, все довольно сиюминутно и поверхностно. В чем это выражается? Я не проводил специального мониторинга, но я практически уверен, что большая часть публикаций, которые затрагивают межконфессиональные или межэтнические отношения, как правило, делятся на два направления. Первое – это криминал, который почти всегда маркируется этнически, чего никогда не делают европейские журналисты. В Европе это категорически запрещено, в России это норма – маркировка национальности при криминальных происшествиях. Если прервали какой-то канал поставки героина, то обязательно говорят о таджикской преступности. Если поймали двух торговцев героином, то обязательно двух цыган поймали. Это маркирует сразу весь этнос в массовом сознании: если цыган, значит, торгует героином и так далее. Вот эта маркировка, конечно, очень опасна, особенно в условиях, когда и так все бурлит. СМИ тем самым стимулируют бытовую ксенофобию. И вторая часть сообщений – это праздничные сообщения, в которых, опять же, никто ничего не понимает, а просто фиксирует какие-то данные из википедии. Отпраздновали Ураза-байрам – резали барана, провели Крестных ход – батюшка всех освятил. Каких-то проблемных, аналитических материалов практически не существует, потому что их просто некому делать. На мой взгляд, журналист, который бы специализировался в сфере религии и межэтнических отношений, – это профессия будущих десяти лет точно, потому что таких специалистов практически нет. И я даже не знаю, где их готовят. Если посмотреть публикации и попытаться найти что-либо об отношениях диаспор, об их развитии, экономической составляющей... Единственное – в последние годы, когда пришла новая администрация города, стало что-то меняться: стало больше городов-побратимов, появился обмен, делегации... Но в целом информации катастрофически не хватает, знакомства с культурами и религиями

не хватает. Я бы вместо основ православия в школах вводил основы мировых религий».

Сходное мнение высказал другой эксперт, представитель вуза, на кафедре под руководством которого идет обучение и подготовка журналистов: «Главная беда в том, что журналисты в основном стремятся “снять пену”, поэтому охотно идут в информационную журналистику. Все меньше становится журналистов, которые работают в аналитике. Хотя сейчас велика востребованность общества не просто в получении информации, но и в растолковании этой информации. Читатели, слушатели, зрители хотят, чтобы им журналист объяснил, а почему так. А вот это “почему так” можно объяснить, только обладая глубокими знаниями. И тот журналист, который пишет по межнациональным вопросам, должен попытаться понять, о чем он пишет».

Совпадают мнения экспертов и в оценке значимости роли основного ньюсмейкера – государственных институтов – в полноте освещения межэтнических вопросов. По совокупной оценке собеседников, в настоящее время власть разных уровней не сформировала единую информационную политику в данном вопросе: разные ведомства и структуры никак не взаимодействуют друг с другом в выстраивании единых стандартов подачи этнически окрашенной информации. Данные, нерегулярно преподносимые журналистам, разрознены и часто не способствуют объективной и разносторонней оценке окружающей действительности. Например, такие ведомства, как МВД, Следственный комитет и УФС, во-первых, дают этническую информацию в сухой форме отчетов или статистических данных, а во-вторых, информация эта в подавляющем большинстве имеет негативную окраску. Как правило, это сведения о криминальных происшествиях и преступлениях, в которых принимали участие люди других национальностей, либо данные о нелегальных мигрантах и способах пресечения их деятельности, либо статистические данные о квотах. Ограничен перечень тем и способов подачи материалов и у городской администрации и регионального правительства: здесь мы можем найти новостные заметки о взаимодействии представителей власти с делегациями из городов-побратимов, данные о квотах на рабочие места мигрантов,

а также репортажи или заметки о национальных праздниках. При этом объем этих текстов очень невелик по сравнению с остальными.

«Информации мало, все достаточно непонятно, и разобраться, тем более обывателю, достаточно сложно. Есть такое ощущение, что этой политики нет, а есть только решение сиюминутной проблемы. Вероятно, серьезно этот вопрос не прорабатывался на уровне государства, – отмечает эксперт. – Я бы не сказала, что местные газеты разжигают межнациональную рознь. Но и позитивных-то нет материалов. Рассказов об этих людях нет, о том, что их подвигло сюда приехать, как они здесь выживают. Но даже умолчанием и этой нейтральной подачей информации СМИ делают свое дело, вызывая чувство если не агрессии и ненависти, то настороженности определенно. Когда народ понимает, что об этом не пишут всю правду, умалчивают, то значит что-то нечисто и что-то от нас скрывают. Поэтому неполное донесение информации о том, как здесь живут мигранты, порождает массу домыслов, негативно настраивает. Я бы сказала, что здесь есть недостаток информации, недостаточно продуманная система публикаций, выступлений прессы. Не столько нежелание журналистов заниматься этой темой, сколько неготовность раскрыть ту тему во всем объеме».

«Все идет от инфоповодов. Мы же не сидим и не придумываем, какой бы нам взять и написать материал завтра: мы идем от каких-то дат, праздников, событий, документов, законов, того, что повесткой дня диктуется», – рассказал другой собеседник.

Рассматривая заинтересованность читательской и зрительской аудитории в информации об иноэтничных мигрантах и теме межэтнических отношений в целом, приведем мнение эксперта: «Это же всегда взаимосвязано. С одной стороны, СМИ пишут о том, о чем читают, с другой – читают то, что пишут СМИ. И здесь нельзя однозначно сказать. Но я думаю, что если в базовом наборе новостей в ленте будет стоять аналитический обзор о состоянии узбекской диаспоры в Новосибирске, то кликов там будет сильно меньше, чем у новости про новый клип с тверкингом или распродажах в “Сибирском моле”. Понятно, что должны быть какие-то сопоставимые вещи. Но в ряду другой аналитики это было бы очень полезно. И если приучать к этому людей, со временем интерес будет. В свое время статьи об интернет-технологиях читали

какие-то законченные фрики, которые в этом разбирались. С течением времени, когда жизнь заставила и интернет стал повседневным, стали читать практически все вплоть до 70-летних пенсионеров. Это вопрос приучения аудитории, и, опять же, тут вопрос в том, как писать, когда писать. Сама по себе эта тема ничуть не хуже темы строительного рынка, потому что в потенциале от развития межэтнических отношений будет зависеть жизнь каждого человека. У него соседи – какая-нибудь узбекская семья, в школе дети учатся вместе, на работе коллеги, в магазине и т. д. Это совершенно востребованная и понятная тема».

Влияние СМИ и факторы редакционной политики (выбор тематики в средствах массовой информации)

При оценке влияния различных институтов на формирование отношения к людям других национальностей принимающее общество достаточно высоко оценивает роль СМИ – 52 % новосибирцев отметили роль СМИ как значительную. Она оказалась выше, чем влияние школы, государственной политики, и уступила только воздействию родителей, семьи. Полагают, что СМИ в принципе не оказывают какого-либо влияния менее 4 % опрошенных местных жителей.

Оценивая степень влияния информации в масс-медиа на отношение местного населения к приезжим, 42 % мигрантов, считают, что она никак не влияет, 28 % придерживаются мнения, что СМИ лишь отражают позицию местного населения и показывают, что думает о них большинство. Только 24 % опрошенных трудовых мигрантов полагают, что СМИ искусственно раздувают разногласия, портят отношения между мигрантами и местным населением и служат причиной межнациональных конфликтов.

Принципиальная возможность влияния СМИ на установки и поведение людей представителю экспертного сообщества видится примерно следующим образом: «Думаю, что влияет, и это видно по результатам последних электоральных циклов. Но вопрос влияния везде разный. Понятно, что у нас в стране самым влиятельным СМИ до сих пор является телевидение, и оно формирует повестку

дня, в которой работают все остальные. В сельской местности это более заметно, в крупных городах менее заметно. Я видел данные, что в России пользователи к интернет-СМИ относятся более недоверчиво, чем к телевидению. Измерить стопроцентно, как именно влияет, почти нереально. Но то, что телевидение и другие СМИ задают повестку дня для городских жителей, участвуют в повседневной жизни человека, и он может им не верить или не доверять, но все равно работает с теми символами, с этими сообщениями. Он может долго опровергать, о чем-то спорить, но все равно на темы, заданные СМИ. Я думаю, что СМИ не в конспирологическом смысле оказывают влияние, а во вполне реальном, повседневном. Не так много изобретено инструментов, которые бы позволяли массово транслировать смыслы и символы».

Анализ роли разных видов СМИ в возникновении и эскалации межэтнических конфликтов показал, что значительная часть местных жителей (40 %) полагает, что телевидение является основным видом масс-медиа, влияющим на появление и эскалацию межнациональных конфликтов. Следующим по значимости источником искусственного раздувания межнациональной розни респонденты назвали Интернет (36 %). Наименее влияющим видом СМИ на отношения местных жителей с приезжими было названо радио.

Оценивая значимость средств массовой информации в укреплении межэтнических отношений или, напротив, в провоцировании межнациональной напряженности, нельзя не отметить роль личных позиций руководителей СМИ, определяющих общую редакционную политику и контролирующих информационное наполнение. Характеризуя общее состояние межэтнических отношений в городе, один из главных редакторов информационно-аналитического сайта отмечал: «Каких-то социальных вызовов на моей памяти не было, чтоб это было именно межэтническое противостояние. Криминальные какие-то вещи случаются, но очень сложно разделить криминал и этническую составляющую. Чаше всего они сопутствуют. Есть две точки зрения. Первая – правозащитная, которая говорит, что полиция пытается представить любое межэтническое столкновение как банальный криминал. И другая точка зрения – полиции, которая говорит, что это обычная криминальная история, в которой участвовали представители разных этносов. На мой

взгляд, истина где-то посередине находится: не каждый случай, когда два бандита порезали друг друга, – это столкновение этносов, даже если один из них – киргиз, а другой – узбек, например, или один – таджик, а другой – русский. Но и полностью отрицать какую-то подоплеку, наверное, тоже не надо, нужно смотреть в каждом отдельном случае. На мой взгляд, пока это все удастся администрировать в рамках закона, потому что в Новосибирске представители диаспор довольно активны, достаточно адекватно пытаются выстраивать свои собственные диаспоры, чтобы не было противостояния. Я знаю, что узбекский консул очень активен, таджики очень активны, азербайджанцы».

Другой эксперт придерживается сходного мнения: «Если мое личное отношение пытаться оценивать, то СМИ в общем и целом так или иначе нагнетают то, чего нет. Не потому что они это делают специально, а потому что сама тема действительно не поднимается и не освещается, а попадает случайным образом через релизы ведомств, а, как правило, это негатив».

И приезжие, и жители Новосибирска и области высказали пожелание, чтобы в СМИ в первую очередь чаще появлялась информация о национальных традициях, обычаях и культуре мигрантов (табл. 6). При этом большое число местных жителей хотели бы больше узнавать о криминальных происшествиях, связанных с мигрантами. В свою очередь приезжие в большей степени заинтересованы в освещении вопросов, связанных с миграционным законодательством.

Таблица 6

Какие темы должны затрагиваться в СМИ в первую очередь, %

Виды этнической информации	Принимающее общество, 2014 г.	Мигранты, 2013 г.
О национальных традициях, обычаях, культуре мигрантов	47	41
О криминальных происшествиях, связанных с мигрантами	24	6
О законах, связанных с жизнью мигрантов в России	23	36
О национальных диаспорах	3	3
Другое	3	4

Выбор тематики в средствах массовой информации не является случайным, произвольным: «Есть две составляющие – читательский и зрительский интерес и понимание формата или миссии издания. Если говорить о читательском интересе, то в ближайшие год-полтора запроса на глубокую аналитику не будет, но ее нет никогда. С другой стороны, в любом случае читательский интерес к теме религиозных запретов, конфессиональных отношений все равно есть, потому что вопрос строительства новых мечетей, ношения платков... Есть какие-то вещи, которые стоят на стыке сугубо межнациональных отношений и бытовой жизни. Вот здесь должны рождаться интересные темы: а кто должен определять, можно ли ходить в платке, чему должны в школе учить, должны ли таджики работать дворниками?»

Среди вопросов межэтнических отношений, помимо конфликтов, криминальных историй и праздников, «мы все-таки рассказываем об историях побратимства, экономических связях, развитии производства, экономического обмена, торговли и т. д., – заметил один из экспертов. Еще один вид материалов – это культурно-просветительские материалы, что-то связанное с традициями и религией. У нас были интервью с религиозными деятелями различными, которые рассказывали о взаимоотношениях культур, религий как исламского толка, так и православного; про католиков, буддистов и т. д.». Тем не менее наибольшим спросом у читателей пользуются конфликтные темы – драки, задержания.

Говоря о принципах формирования медийного контента, один из экспертов отметил: «Понятно, что редакции ориентируются на традиционные спрос и на собственное представление о том, что правильно, а что нет. Во многом это зависит от энтузиазма и личностных качеств журналистов и редакторов. С другой стороны, я не очень понимаю, как это можно системно решить. Конечно, можно сделать госзаказ, который бы оплачивал освещение обычаев других народов, праздников, их мнения по разным вопросам. Но я бы не стал переоценивать, потому что обычно госзаказ так делается, что читать это все невозможно. Но на областных и государственных СМИ это можно было бы сделать. У нас есть только один такой телеканал – МИР (не наш, а федеральный), который рассказывает о странах СНГ, об исламе и т. д. Но он выходит два часа в день в то

время, когда его никто не смотрит. На ОТС можно было бы выделить эфирное время под межнациональное вещание. Но абсолютно точно, что это не может быть коммерчески успешным: должно быть государственное дотирование, если государство знает, что ему это нужно.

С частными СМИ сложнее: там надо действовать какими-то семинарами, курсами. Если в нулевых это казалось возможным, то сейчас уже не кажется. Если суммировать: госканалы и госСМИ могли бы производить такие программы, а представителей частных СМИ можно было бы отправлять на семинары, устраивать конференции. Сейчас эта тема скорее замалчивается, потому что она опасна, может в любой момент взорваться. Поэтому конференций минимум, семинаров минимум, все иностранные фонды, которые по этой теме работали, все позакрывались. В принципе, все методики разных стран известны, но они нигде не являются панацеей».

Обращаясь к механизму выбора конкретного аспекта межэтнического взаимодействия, эксперт замечает, что в их издании «вещи, которые связаны с межэтническими отношениями, скорее, чаще предлагают извне: читатели, пиарщики, равнодушные люди, представители каких-то диаспор. Звонки, письма, ссылки из Интернета. Второй инициатор, наверное, я, а на третьем месте журналисты. Но журналистов не очень интересуют эти темы, как и всех журналистов Новосибирской области в среднем, судя по публикациям. Наверное, потому же, почему у нас мало проходит конференций по межэтническим вопросам: опасно, сложно подступиться, не хватает знаний и т. д. Спрос у читателей есть, но у нас очень активная аудитория из диаспор, поэтому, может быть, экстраполировать это на все СМИ нельзя. У нас еще редакция достаточно интересная: у нас есть представители как минимум трех разных конфессий, поэтому у нас личные контакты очень обширные, связи хорошие. Это позволяет нам освещать разную тематику».

Стремление к объективности и непредвзятости в освещении этнических тем входит в журналистский профессиональный кодекс. Необходимым элементом является соблюдение баланса, избегание крайностей – можно показывать мигрантов исключительно в рамках криминала, а можно, наоборот, их идеализировать. Как соблюсти баланс и объективность? На этот вопрос пытался отве-

тить руководитель одного из масс-медиа: «Это довольно сложный вопрос: я не склонен абсолютизировать тот или иной подход, потому что мигранты в любом случае точно такие же люди и, как правило, малообразованные, достаточно традиционные и зачастую даже в городе-то не жившие. Поэтому говорить, что все эти хорошие, а те плохие – это плохой подход. Соблюсти баланс, наверное, можно только одним способом: стараться избегать оценок. Условно говоря, в новостях точно недопустимы оценки, да и в больших текстах тоже. Могут быть мнения, лучше факты, в меньшей степени предположения. И не журналист это в любом случае должен делать. А так как в Новосибирске не очень много экспертов по миграции и демографии и они практически все работают в одном месте, так как не так много системообразующих институтов, фондов, где они могли бы консолидироваться (это либо вузы, либо научные институты, которые можно пересчитать по пальцам)... В связи с этим я бы избегал оценок вообще в целом и рассказывал об этих проблемах максимально сухо, нейтрально, делая материал просветительским. Если мы говорим о строительстве какого-либо храма или празднике, лучше подробно рассказывать, как и почему это происходит, чем о том, хорошо это или плохо. К сожалению, не всегда хватает времени или знаний. Иногда я делаю более сухими и короткими сообщения, чтобы дополнительно не разжигать вражду. Все должно быть максимально логично, раскрыто, с причинно-следственными связями. Нужно объяснять: как, почему. Есть очень многие детали, которых люди не понимают, а все, что ты не понимаешь, ты встречаешь враждебно. Поэтому: минимум оценок, больше фактов и объяснений. К сожалению, это не всегда работает в условиях СМИ или информагентства».

Основные выводы

Средства массовой информации могут как укреплять и улучшать взаимоотношения в обществе, так и являться одной из причин усиления конфликтов и противоречий между разными группами людей. Это в полной мере проявляется в случаях возникновения в СМИ этнической информации, описывающей взаимоотношения между членами принимающего общества и приезжающими в Россию иноэтничными мигрантами. При этом и местные жители, и ми-

гранты признают, что подобная информация в масс-медиа встречается достаточно часто. И местные жители, и мигранты выбирают основным видом СМИ телевидение, уровень доверия к которому у них достаточно высок. По оценкам местных жителей и мигрантов медиавоздействие действительно может приводить к возникновению межнациональной розни. Тем не менее ни мигранты, ни местное население не склонны переоценивать степень влияния СМИ на отношение принимающего общества к мигрантам. Несмотря на определенный сдвиг в сторону негативного восприятия принимающим обществом информации, связанной с мигрантами, делать вывод о преобладании негативного влияния масс-медиа неправомерно.

Дифференциация разных видов СМИ показала наибольшее влияние телевидения и Интернета на рост ксенофобии и искусственное раздувание конфликтов. Радио как источник информации и СМИ, влияющее на формирование представлений о межэтнических отношениях, перестало быть значимым. Печатные средства информации также перестали быть для них значимым источником информации и вызывают значительно меньше доверия, чем другие медиа. Несмотря на это, и у мигрантов, и у членов принимающего общества есть потребность в получении этнической информации посредством СМИ.

По мнению экспертного сообщества, несмотря на актуальность проблемы, а также интерес массовой аудитории к теме межэтнического взаимодействия, говорить о наличии единой государственной политики освещения данной темы в СМИ нельзя. Собеседники отметили, что зачастую информация, которую различные ведомства и структуры транслируют представителям СМИ, сиюминутна и недостаточна для всестороннего рассмотрения, отсутствуют общие стратегии в освещении данной темы не только у разных ведомств, но и в рамках одной организации, имеется «перекос» в сторону негативного или чересчур поверхностного изображения мигрантов. Однако отсутствие единой политики имеет не только негативные, но и положительные стороны – полисеманτικότητα и разнообразие источников ведут к разнонаправленности в рассмотрении проблем мигрантов.

Вместе с тем именно масс-медиа в итоге формируют так называемую повестку дня, решая, какие события в итоге попадут в поле зрения массовой аудитории. СМИ являются важным элементом конструирования массовых представлений об окружающей реальности и налаживания взаимодействия между членами принимающего общества и иноэтничными мигрантами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы внешней миграции, решая одни проблемы – экономические и демографические, актуализируют другие – этнические, религиозные, идентификационные. Все более востребованной становится задача выстраивания гражданской нации – россиян, единого народа, сохраняющего свое культурное и этническое многообразие. Исследование взаимодействия принимающего общества и иммигрантов является одним из значимых аспектов данной проблемы. В монографии предложены теоретическое и эмпирическое понимание и анализ текущих интеграционных процессов, их глубины и зависимости от различных факторов.

Понятие этничности рассмотрено в рамках конструктивистского подхода: этничность – в значительной степени не объективно и естественно присущее индивиду или группе свойство, но продукт социальных условий и воздействий. Конструирование этничности происходит на основании аскриптивных свойств, проводятся казуальные связи между этнической принадлежностью и социальными, культурными, психологическими особенностями поведения и мышления этнически определяемых индивидов. Категория этничности начинает использоваться как фактор, организующий и объясняющий социальные взаимодействия. Она выступает маркером, вокруг которого выстраиваются остальные социальные различия. Взаимодействия групп, воспринимаемых как этнически различные, строятся и интерпретируются исключительно этническим фактором.

Функционирование этничности в качестве социального конструкта осуществляется в трех полях: дискурсивном – усилиями экспертных и элитарных групп, обладающих властью символических номинаций; в поле повседневных практик – созданные экспертными и элитарными группами конструкты вводятся в массовое сознание, становятся элементами общего знания; в поле конструирования социальных границ – инкорпорированные в общественное сознание социальные конструкты этничности начинают выстраивать новую социальную реальность.

На основе авторского перевода работ Г. Зиммеля и других зарубежных социологов в монографии представлен теоретический ана-

лиз восприятия чужака группой. До известной степени он был использован при выстраивании эмпирической части исследования. Отличием стала наша попытка зеркального рассмотрения восприятия принимающего общества чужаком – иноэтничными мигрантами.

Обращение к всеобщей истории и современной практике позволяет говорить о фундаментальном характере мировых религиозных вероучений. Как целостное системное мировоззрение, религия создает некую мировоззренческо-методологическую матрицу. Во многом определяя обыденное сознание, она унифицирует восприятие и интерпретации, формирует идентичные паттерны поведения. Выполняя регулятивную функцию, религия охватывает нормы, относящиеся не только к выполнению культа, но и к другим сферам общественной жизни.

В силу мировоззренческих особенностей роль ислама в регулировании и регламентации повседневной жизни не вызывает сомнения, является общепризнанной. Коран дает определения, детерминирует и предписывает законы, относящиеся к частной, социальной и политической жизни верующих. Как мощный социальный институт, он обладает не просто конвенциональной, но императивной функцией. Исходя из этого авторами было сделано предположение, что обращение к исламоведческим работам, положениям ислама, относящимся к социальной жизни, поможет лучше понять духовные предпосылки, способствующие успешной интеграции мигрантов-мусульман в российское общество. Все это обусловило наше исследовательское внимание к отдельным социальным аспектам, содержащимся в этой мировой религии.

Следующим логически непротиворечивым этапом нашего исследования стала попытка перевода некоторых выявленных идей и социальных предписаний мусульманства в принятые в социологических исследованиях формы. В общей сложности три проведенных нами опроса мигрантов-мусульман и представителей принимающего общества, экспертного опроса работников УФМС по Новосибирской области, педагогов и руководителей средних школ, в которых учатся дети иммигрантов, а также журналистов, редакторов ряда средств массовой информации позволили сделать следующие выводы.

1. Исходя из полученных результатов, пополнение принимающего общества происходит преимущественно за счет мужчин молодого и среднего возраста с относительно невысоким по сравнению с местным населением уровнем образования. Обозначилась тенденция дальнейшего снижения образовательного и профессионального уровня приезжих. Зафиксировано ухудшение языковой компетентности мигрантов. Есть основания ожидать увеличения притока сельских мигрантов, обладающих меньшим социальным капиталом, склонных к сезонной, маятниковой миграции, не ориентирующихся на освоение российской культуры и русского языка. В свою очередь, это может вести к созданию устойчивых и самодостаточных инокультурных сегментов, в основе которых постоянно меняющиеся группы приезжих.

2. Процесс интеграции проявился как весьма противоречивый. Наряду с объективной необходимостью и закономерным желанием вхождения в принимающее общество, принятия его языка и культуры – это наиболее выражено в деловых, соседских предпочтениях, взглядах на дружбу своих детей с детьми других народов, – присутствует потребность в сохранении собственной языковой среды и культуры в целом. В большей степени это проявляется в частной, приватной сфере – установках на межэтнический, межконфессиональный брак.

Инкорпорирование мигрантов происходит преимущественно по модели формальной интеграции: освоение языка, получение образования, достижение достатка, широкие социальные связи без углубления в российскую культуру. Более религиозные мигранты демонстрируют большую доброжелательность по отношению к местному населению, но одновременно они склонны к более четкому сохранению межкультурных границ.

Процессы интеграции подразумевают не только желание и усилия входящих групп, но и инклюзивную позицию принимающего общества. На сегодня можно констатировать отсутствие полного совпадения, обоюдности данного процесса. Факторами выбора эксклюзивных стратегий со стороны местного населения являются: доля мигрантов, их этническое и религиозное отличие, исходная относительная монокультурность принимающего общества и его стремление к этнокультурному самосохранению.

Зафиксирована установка мигрантов на выравнивание положения своей, ввозимой культуры с местной, российской культурой принимающего общества. Вместе с тем это не совпадает с преобладающей позицией принимающего общества – принятие и интеграция мигрантов могут осуществляться только при стратегическом сохранении и приоритете российской культуры как общегосударственной и объединяющей все народы Российской Федерации.

В целях сохранения общегосударственного и межрелигиозного согласия происходит солидаризация православия и российского ислама, в основе которого обращение к религиозно-нравственным принципам каждого из вероисповеданий.

3. Для большинства мигрантов вопросы религии и традиций являются весьма значимыми. Их самоидентификация – конкретная и устойчивая – мусульманская. Можно говорить о массовой приверженности исламу, что не означает одинаковой и однозначно высокой степени религиозности. На протяжении исследуемого периода зафиксирован рост включенности приезжих в религиозные практики.

Пополнение принимающего общества происходит людьми с более высоким уровнем религиозности и более выраженной приверженностью своему вероисповеданию, чем местное население. Принимающее общество оказалось существенно более секуляризованным, нежели приезжие. Помимо этого, о большинстве опрошенных нами новосибирцев, идентифицирующих себя как верующих, можно говорить лишь как о номинальных христианах.

4. Интенсификация миграционных процессов привела к трансформации системы общего среднего образования. Изменяется качественное наполнение основных ее элементов – учащихся, учителей, родителей учеников, содержания образовательного и воспитательного процессов. Происходит усиление значимости воспитательной функции, смещение акцентов с образовательного процесса на социализирующий. Актуализируются задачи адаптации и интеграции. На первый план выходят – трансляция культуры принимающего общества, воспитание взаимного уважения, формирование общегражданской идентичности, предотвращение межэтнических конфликтов. Обучение и воспитание местных и приезжих детей, их взаимная адаптация и интеграция происходят в условиях,

когда культурные границы и различия замечаются и осознаются всеми участниками образовательного процесса.

В системе образования проявляются как элементы дисфункциональности (замедление темпов и качества обучения, стремление родителей из более благополучных семей избегать школ с большим числом детей мигрантов), так и расширение профессиональных функций (активизация процессов адаптации, инкультурации и социализации, как следствие, дополнительная учебно-методическая, психологическая и социокультурная нагрузка на учительство). Без разнопрофильной поддержки государства, обмена опытом и повышения квалификации педагогов, связанных с обучением детей мигрантов, наметившаяся дисфункциональность может закрепиться.

5. Средства массовой информации, отбирая факты, темы, интерпретируя их, образуют повестку дня, конструируют представления о важности и сущности происходящих событий. В ходе исследования зафиксирована значительная вовлеченность местных жителей и приезжих в масс-медийное пространство. Основным источником получения информации для большинства опрошенных является телевидение. В отличие от печатных изданий, уровень доверия к телевидению достаточно высок. У иммигрантов он выше, чем у местного населения. И у приезжих, и у новосибирцев проявилась потребность в получении этнической информации культурного характера – об обычаях, праздниках, традициях, устоях. Это свидетельствует как о взаимном интересе, так и о недостатке знаний друг о друге.

Экспертный опрос работников СМИ показал отсутствие единой информационной политики в освещении миграционной тематики. Подходы к проблеме весьма различны и зависят от формата, политики издания и учредителя, сложившихся в редакционных коллективах представлений, а также профессионализма и приверженности этическим принципам конкретных редакторов и журналистов. Информация, которую различные ведомства и структуры транслируют представителям СМИ, зачастую сиюминутна и недостаточна для всестороннего и объективного рассмотрения. Наблюдаются перекосы в сторону негативного изображения мигрантов. Экспертами четко отмечена необходимость формирования единой информационной политики масс-медиа. Обозначена потребность журналистского сообщества в расширении своей профессиональ-

ной компетентности, дополнительном получении знаний о культуре и религии разных этносов, живущих в регионе.

Завершая нашу монографию, в целом заметим – усилия российского общества должны быть сконцентрированы на поиске и аккумуляровании лучшего в своей и ввозимых культурах, на актуализации миротворческих, созидательных практик мигрантов, их народов и принимающего многонационального российского общества.

Научное издание

ЭТНИЧНОСТЬ. ИСЛАМ.
ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН

Оригинал-макет подготовлен

В.Н. Гришаевой
(ИФПР СО РАН)

Дизайн обложки

Е.Н. Сентябовой

Подписано в печать 30.12.2015

Формат 60 x 90 $\frac{1}{16}$. Уч.-изд. л. 13,0 Усл. печ. л. 14,6

Тираж 300 экз. Заказ № 294

Издательство СО РАН

630090, Новосибирск, Морской проспект, 2

E-mail: psb@sibran.ru; тел. (383) 330-80-50

Отпечатано в Издательстве СО РАН

Интернет-магазин Издательства СО РАН <http://www.sibran.ru>